

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 4 (72)

2024

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Кабытов П. С., Михайлова А. Е.* Предпринимательская деятельность дворян в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в.5
- Николаев Б. В., Павлова Н. А.* Содержание и итоги работы Первой Гаагской конференции мира 1899 г.20
- Батырбаева Ш. Д.* Динамика развития сельскохозяйственной промышленности Пржевальского и Пишпекского уездов Семиреченской области в конце XIX – начале XX в. в условиях их хозяйственного освоения.....30
- Артамонова Л. М.* Организация народных чтений в конце XIX в. как проявление модернизации просветительской деятельности (по самарским материалам).....47
- Ананьев С. В.* Жандармерия западных губерний Российской империи в начальный и кульминационный периоды Первой русской революции.....60
- Гарбуз Г. В.* Использование положения усиленной охраны в период революции 1905–1907 гг.....71
- Посадский А. В., Рылов В. Ю.* Антибольшевистские восстания в Моршанском уезде (август – декабрь 1918 г.).....83
- Кирсанов Р. С.* Место рабочих клубов в досуге пролетариата в 1920–1930-е гг. (по материалам Пензы, Самары и Ульяновска)98
- Бардин А. Б.* Коллекция документов Пилар Бонет: источниковедческий анализ107
- Митрофанов В. П.* Комиссии по расследованию огораживаний лендлордами пахотных земель крестьян в Англии XVI в.117

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

- Суменкова М. В.* Предпринимательская деятельность винокуренных заводчиков Пензенской губернии в период казенной винной монополии начала XX в. в условиях прямого государственного регулирования и контроля 128
- Кузьмина Т. Н.* Стахановское движение в промышленности Пензенского края в предвоенный период 1938 – июнь 1941 г. 137

UNIVERSITY PROCEEDINGS VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 4 (72)

2024

CONTENTS

HISTORY

- Kabytov P.S., Mikhailova A.E.*** Entrepreneurial activities of the nobility in Samara province in the second half of the 19th – early 20th centuries5
- Nikolaev B.V., Pavlova N.A.*** Contents and results of the First Hague Peace Conference of 189920
- Batyrbayeva Sh.D.*** The dynamics of agricultural industry development in Przhevalsky and Pishpek districts of the Semirechye region at the turn of the 19th and 20th centuries under economic expansion.....30
- Artamonova L.M.*** Organization of public readings at the end of the 19th century as a manifestation of the educational modernization in Samara region.....47
- Ananyev S.V.*** Gendarmerie of the western provinces of the Russian Empire in the initial and culminating periods the first Russian revolution.....60
- Garbuz G.V.*** Using the position of reinforced security during the revolution of 1905–1907.....71
- Posadsky A.V., Rylov V.Yu.*** Anti-Bolshevik uprisings in Morshansky district (August – December 1918)83
- Kirsanov R.S.*** The place of workers' clubs in the leisure time of the proletariat in the 1920s – 1930s (by the materials from Penza, Samara and Ulyanovsk).....98
- Bardin A.B.*** The Pilar Bonet document collection: a source analysis107
- Mitrofanov V.P.*** Commission to inquire into the enclosures of peasants' arable land by landlords in England in the 16th century117

PAGES OF THE HISTORY OF PENZA REGION

<i>Sumenkova M.V.</i> Entrepreneurial activities of distillers of Penza province during the period of state wine monopoly of the early 20 th century under conditions of direct state regulation and control.....	128
<i>Kuzmina T.N.</i> The Stakhanov movement in the industry of Penza region in the pre-war period 1938 – June 1941.....	137

ИСТОРИЯ

HISTORY

УДК 908

doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-1

Предпринимательская деятельность дворян в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

П. С. Кабытов¹, А. Е. Михайлова²

^{1,2}Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

¹don.kabytov2012@yandex.ru, ²mixajlova2014@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Обращение к функционированию торгово-промышленного предпринимательства в Российской империи как к экономическому явлению пореформенной России обуславливает необходимость анализа не только статистических данных о состоянии отраслей производства, но и социальной и правовой составляющих дореволюционного бизнеса, в особенности адаптации дворянского сословия в условиях модернизации аграрного сектора страны. Ставится цель выявить направления, формы и масштабы предпринимательской деятельности дворян Самарской губернии. *Материалы и методы.* Источниковую базу составили делопроизводственная документация, статистические, визуальные материалы, источники личного характера, художественная литература. *Результаты.* На основе изучения комплекса источников установлено, что предпринимательская деятельность дворянства была неоднородной, так как зависела от такого критерия, как величина земельной собственности. Выявлено, что именно владельцы крупных имений переходили к интенсификации сельскохозяйственного производства и сочетали земледелие с торгово-промышленной деятельностью, организуя в своих имениях многоотраслевой бизнес. Мелкое дворянство ввиду малоземелья и высокой конкуренции, осваивая новые предпринимательские практики, занималось экономической деятельностью во вновь возникших в Самарской губернии отраслях. *Выводы.* Анализ торгово-промышленной деятельности дворянского сословия в пореформенную эпоху позволяет проследить участие дворян в модернизации экономики, выявить эволюцию их предпринимательских практик и показать изменения в социальном пространстве Российской империи.

Ключевые слова: экономическая деятельность дворян, предпринимательские практики, пореформенная эпоха, Самарская губерния, многоотраслевой бизнес, агрофирмы

Для цитирования: Кабытов П. С., Михайлова А. Е. Предпринимательская деятельность дворян в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 5–19. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-1

Entrepreneurial activities of the nobility in Samara province in the second half of the 19th – early 20th centuries

© Кабытов П. С., Михайлова А. Е., 2024. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

P.S. Kabytov¹, A.E. Mikhailova²

^{1,2}Samara National Research University, Samara, Russia

¹don.kabytov2012@yandex.ru, ²mixajlova2014@yandex.ru

Abstract. *Background.* The examination of the functioning of commercial and industrial entrepreneurship in the Russian Empire as an economic phenomenon of the post-reform Russia necessitates the analysis not only of statistical data on the status of production branches but also of the social and legal aspects of pre-revolutionary business, especially the adaptation of the nobility in the context of the modernization of the country's agricultural sector. The purpose of the study is to identify the directions, forms, and scales of entrepreneurial activities of the nobility in Samara province. *Materials and methods.* The source base includes administrative documentation, statistical and visual materials, personal sources, and fiction literature. *Results.* The study of a complex of sources has established that the entrepreneurial activities of the nobility were heterogeneous, since they depended on the size of land ownership. It was found that the owners of large estates transitioned to intensification of agricultural production and combined farming with commercial and industrial activities, organizing multi-sector businesses on their estates. Due to small land holdings and high competition, the minor nobility, mastering new entrepreneurial practices, were engaged in economic activities in the newly emerging sectors of the Samara province. *Conclusions.* The analysis of the commercial and industrial activities of the nobility in the post-reform era makes it possible to trace the participation of the nobility in the modernization of the economy, identify the evolution of their entrepreneurial practices, and reveal changes in the social space of the Russian Empire.

Keywords: economic activity of the nobility, entrepreneurial practices, post-reform era, Samara province, diversified business, agricultural firms

For citation: Kabytov P.S., Mikhailova A.E. Entrepreneurial activities of the nobility in Samara province in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(4): 5–19. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-1

Введение

Изучение предпринимательской деятельности в Самарской губернии началось во второй половине XIX в. Городской голова, дворянин П. В. Алабин рассматривал развитие Самарского Поволжья с момента основания губернии в 1851 г., особое внимание уделяя становлению торгово-промышленного предпринимательства. В этой связи он обратился к анализу направлений и форм бизнеса, социальному составу самарского бизнес-сообщества. Им был сформулирован вывод о становлении нового класса предпринимателей, в котором лидирующие позиции принадлежали купечеству [1, 2]. В целом дореволюционная краеведческая историография продолжила исследовательскую практику П. В. Алабина, делая акцент на торгово-промышленной деятельности купцов.

Значительные результаты в изучении вопроса развития предпринимательства в Самарской губернии были достигнуты на советском этапе историографии. Историками Поволжья (П. С. Кабытовым, Ю. И. Смыковым) были выявлены особенности аграрного развития губернии: с одной стороны, отмечено сокращение дворянского землевладения, с другой стороны, исследователи описывают внедрение капиталистических методов в ведение хозяйства [3, 4]. Н. Л. Клейн был предпринят новый подход к анализу экономического

развития региона: она обратилась к анализу предпринимательства в регионе, определив направления деятельности предпринимателей, раскрыв вклад купцов в развитие региона и охарактеризовав ситуацию на земельном рынке, акцентировала внимание на предпринимательской деятельности дворян [5, 6]. Перу П. И. Савельева принадлежит обобщающий труд по истории помещного дворянства. Он рассмотрел его экономическое положение в целом в пореформенную эпоху, а также взаимоотношения с властью [7]. Отметим также вклад Н. Ф. Амировой (Н. Ф. Тагировой – *прим. авт.*) в изучение истории помещного дворянства Самарской и Оренбургской губерний начала XX в. [8].

На современном этапе экономическое развитие Самарской губернии в целом и предпринимательства в частности рассматривается через призму деятельности выдающихся представителей бизнес-сообщества или же отдельных отраслей производства и торговли. Деятельность дворян анализируется в контексте их микромира – усадьбы. Исследователи стремятся определить, как дворяне-помещики адаптировались к Великим реформам. Так, С. А. Александрова изучала историю дворянских усадеб Самарской губернии [9], Е. П. Баринава характеризует дворянскую повседневность пореформенной эпохи, определяя социокультурный феномен дворянства, его корпоративную организацию, взаимоотношения с властью, а также выявляет капиталистические методы в имениях самарского дворянства [10–13]. Р. В. Федосеев обращает внимание на правовое пространство предпринимательской деятельности дворян Среднего Поволжья, анализирует их деятельность в отдельных отраслях промышленности [14, 15].

Несмотря на имеющиеся публикации, данная тема нуждается в научной разработке, так как до сих пор все еще не определен масштаб предпринимательской деятельности дворян и ее влияние на экономику Самарской губернии. Цель настоящей статьи – выявить направления, формы и масштабы предпринимательской деятельности дворян Самарской губернии.

В источниковую базу исследования включены несколько групп источников: законодательные материалы, делопроизводственная документация, источники личного происхождения, статистические материалы, визуальные источники, художественная литература. Ценная историческая информация содержится в визуальных материалах, представленных рекламными объявлениями [16]. Из источников личного происхождения особое значение имеют воспоминания А. Н. Наумова, обращение к которым позволяет определить «экономическое сознание» дворянина, мотивы; установить уровень развития экономики губернии и уровень взаимодействия между предпринимателями [17]. Статистические материалы представлены «Указателем фабрик и заводов Европейской России...», «Списком фабрик и заводов Российской империи», справочником-указателем «Коммерческая Самара и ее уезды...» [18–20], «Памятной книжкой на 1863–1864 гг.» [21], «Списком населенных мест Самарской губернии» [22, 23]. Анализ этого комплекса источников позволит осуществить реконструкцию экономической деятельности дворян, проследить эволюцию отраслей производства, оценить их масштабы.

Основная часть

В 1850–1860-е гг., в первое десятилетие существования Самарской губернии, в предпринимательском пространстве региона доминировала высшая

группа, что, несомненно, было обусловлено как финансовыми возможностями дворян и купцов, так и правовой ситуацией в Российской империи. Экономические привилегии дворянского сословия Российской империи были закреплены законодательными указами XVIII в.: «Манифестом о вольности дворянства» 1762 г. и «Жалованной грамотой дворянства» 1785 г. Представители первенствующего сословия получали возможность основывать в своих имениях промышленные и торговые заведения, а также имели право свободного вывоза хлеба за границу [24].

Дворяне и купцы, стремительно увеличивающие обороты своей хозяйственной деятельности, являлись основными собственниками земельных владений в 1860–1880-е гг. [3, с. 31], которые в тот период были главным источником дохода в учрежденной Самарской губернии, так как основным направлением торгово-промышленного предпринимательства являлось сельскохозяйственное производство. По данным Н. Л. Клейн, в 1899 г. в губернии насчитывалось 56 семей, владевших латифундиями [6, с. 106]. Среди них 48 являлись купцами и дворянами. На долю каждой из этих семей приходилось более 10 тыс. десятин земли. В группу крупных латифундистов входили дворяне Орловы-Давыдовы, Бедряги, Наумовы, Шелашниковы, Самарины, Пустошкины, Тимашевы, Толстые, Державины, Дурасовы [25, с. 75]. При этом отмечаем, что численность дворянского сословия в Самарской губернии была невысокой. Так, в 1863–1864 гг. в Самарской губернии насчитывалось 1 676 087 человек, из них доля дворян составляла лишь 4160 человек [21, с. 1–2].

Как известно, «перестройка» экономической деятельности дворян началась в 1850-е гг. В качестве примера приведем сведения о жизнедеятельности самарского помещика, «омужичившегося барина» Путилова: «Он жил постоянно в деревне, занимался науками, садоводством, кумысолечением, в его имении имелись конюшни, ветряная мельница и кирпичный завод» [26, с. 200]. Как видим, у некоторых дворян явственно проявлялось деятельное начало. Они стремились развивать свое хозяйство, пытались внедрить интенсивные методы. Великие реформы 1860–1870-х гг. ускорили процесс формирования нового «экономического сознания» дворянства: как отмечал современник этого процесса, «все стали умнее, все стали умственно больше, выделиться из этой массы умственно выросших людей прежним крупным людям было уже нечем, потому что они стали толпой, а чтобы стать выше новой умственной толпы, требовался уж и совсем другой рост, какого прежде не бывало» [27].

Именно такого человека, который прилагал усилия стать выше толпы, находим в автобиографическом произведении Н. Г. Гарина-Михайловского, дворянина Самарской губернии. В нем он характеризует попытки дворян приспособиться к новым порядкам, построить отношения с крестьянами таким образом, чтобы хозяин имения получал максимальную прибыль, а рабочие благодаря зарплате могли повысить свой уровень благосостояния. Н. Г. Гарин-Михайловский описывает все свои реформаторские действия: ориентир на немецкое хозяйство, личное участие в делах имения: «...с каким наслаждением, – писал он, – научился я устанавливать плуги». Он занялся модернизацией производства, приобретал новейшую сельскохозяйственную технику. В его хозяйстве были водяная молотилка, элеватор [28]. Исследователи также отмечают новаторство Н. Г. Гарина-Михайловского. Он был

единственным помещиком Бугурусланского уезда, который высевал подсолнечник в своем имении Гундоровка [29, с. 75]. Все это реально демонстрирует новаторский характер помещика.

К концу XIX в. социальный состав бизнес-сообщества претерпел изменения, что было связано с эволюцией правовых оснований предпринимательской деятельности. В 1863 г. было принято «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов...», а в 1898 г. – «Положение о государственном промысловом налоге». Эти законодательные акты регламентировали предпринимательскую деятельность мещан, крестьян, а также мигрантов, приехавших из иностранных государств. Это позволило расширить «новый класс русского общества, деловых людей». Но все же купцы и дворяне по-прежнему доминировали в предпринимательском пространстве. В 1897 г. дворянское сословие насчитывало 11 735 человек [30, с. 201] при общем числе жителей Самарской губернии в 2 751 336 человек [31, с. 1]. Однако во второй половине XIX в. произошли изменения в составе дворян. Многие представители дворянства не смогли приспособиться к новым экономическим условиям, они стали разоряться. В этот период начался процесс формирования всесословной земельной собственности. На земельном рынке Самарской губернии дворяне продали 1 202 229 десятин земли, что составляло половину от всего принадлежащего им земельного фонда. Это было связано, во-первых, с невозможностью извлечения выгоды с земли путем организации производства, во-вторых, с тем, что многие дворяне получали земельные владения в различных регионах Российской империи, что не позволяло им лично контролировать управление имением, а в-третьих, как подчеркивают сами дворяне, с удаленностью от городов, разбросанностью имений по губернии и отсутствием взаимодействия между дворянами, т.е. некой корпоративной организации [32, с. 25]. Последнюю причину в своих воспоминаниях отразил и современник Н. В. Шелгунов. Он отмечал, что «богатые и крупные владельцы держались только богатых и крупных, а мелкие – мелких, но и тех и других все-таки разделяло пространство, и они могли прожить целый век, не видя друг друга» [27].

Несмотря на изменения правовых основ предпринимательской деятельности, ликвидацию крепостнической системы и формирование нового экономического сознания дворянства, представители первенствующего сословия демонстрировали высокую активность в торгово-промышленной деятельности. Во многом это было обусловлено наличием у них больших земельных имуществ и их огромным значением в связи с сельскохозяйственной специализацией земледельческого производства в Самарской губернии. Многие представители дворянского сословия организовали в своих имениях зерновое и мукомольное производство. Например, в «Списке населенных мест Самарской губернии» за 1900 г. указано, что в Самарском уезде функционировали водяные мельницы в усадьбе дворянина Чарыкова при с. Богдановка [22, с. 5], в имениях дворянина Данненберг [22, с. 6], вдовы губернского секретаря Потоцкой [22, с. 16], дворянина Бедряги [22, с. 17], дворян Дмитриевых [22, с. 39], ветряная мельница находилась в усадьбе Силлоронтова [22, с. 37]. В Ставропольском уезде в имении дворян Шишковых работала паровая мельница [22, с. 61]. Отмечаем также то, что среди дворян-предпринимателей была распространена практика страхования зерновой продукции: Н. Н. Рычкова

застраховала хлеб в своем имении близ с. Долгоруково Бугурусланского уезда [33, л. 2], С. Б. Куроедов – 1300 пуд. пшеницы «Ноэ» по 80 коп. за пуд., 1400 пуд. овса гигантского белого по 68 коп. за пуд [34, л. 1].

Вторым традиционным направлением деятельности дворян выступало коневодство. По данным 1878 г., в губернии насчитывалось 23 конных завода, владельцами которых выступали дворяне. Наиболее крупными из них являлись завод Чингиза Ахмет Гирея в Новоузенском уезде на 400 лошадей, завод Михаила и Алексея Наумовых в Ставропольском уезде на 69 лошадей и заводы Еселева, Обухова, Шелашникова в Бугурусланском уезде, где численность лошадей была в пределах 40 голов [35, с. 208–212]. К 1900–1905 гг. в губернии числилось 53 частных конных завода, из них 32 принадлежали дворянам [36, с. 39].

Как правило, крупные землевладельцы из числа дворян смогли не только приспособиться к изменившимся правовым и экономическим условиям, но и оперативно внедрить капиталистические методы ведения хозяйства, т.е. «выделиться из новой умственной толпы». Их владения представляли собой многоотраслевые аграрные фирмы. Конечно, по инерции они все еще продолжали заниматься производством, продажей и переработкой зерна, что и составляло основу их бизнеса, однако все большее распространение получали такие отрасли, как животноводство, лесная промышленность, строительный бизнес [9, с. 20]. Новым явлением в дворянской среде становится увлечение садоводством. Во многих дворянских хозяйствах появились фруктовые сады. Безусловно, наличие больших земельных владений оказало влияние на географию предпринимательской деятельности дворянства: они занимались бизнесом не в губернском центре (Самаре), а в своих имениях в уездах [37, с. 91].

Одним из лидеров в дворянском бизнес-сообществе был губернский предводитель дворянства А. Н. Наумов, который входил в группу крупнейших землевладельцев губернии. По данным 1910 г., только в Ставропольском уезде ему принадлежала 7171 десятина земли [23, с. 65]. А. Н. Наумов отмечал, что Головкинское имение досталось ему «как бы застывшее и превратившееся в бездоходную рутину», несмотря на то что «природных богатств было немало» [17, с. 309]. Помимо занятий торговым зерновым земледелием, превращенным в большое «промышленно-коммерческое предприятие» [17, с. 310], он занимался коневодством. В его конном заводе выращивали лошадей, которые затем продавались за пределами губернии. В имении Наумова также был сооружен кирпичный завод. В 1911 г. им была построена вальцовая мельница нового типа. При ее строительстве использовался железобетон с пустотелыми кирпичами. Эти новые строительные практики посеяли недоверие к Наумову не только у крестьян, но и у других предпринимателей. Но скептики оказались не правы. Уже в 1913 г. мельница окупала финансовые затраты на строительство. Дело в том, что А. Н. Наумов стал вести переговоры с руководством Калашниковской хлебной биржи и специалистами по хлебной торговле – братьями Мельниковыми. В мае 1913 г. им была продана первая партия ржаной муки в 75 тыс. пудов. Кроме того, Наумовым в 1910 г. было организовано сыроваренное производство. Продукция завода поставлялась на московский рынок [38, с. 111–112]. Мукомольное и сыроваренное производства с 1912 г. стали приносить ежегодно 80 000 руб. прибыли [39, с. 133]. Имение Наумовых соответствовало и общероссийским критериям

по устройству и содержанию оранжерей [40]. В их усадьбе выращивались лимоны [25, с. 77].

Большой вклад в социально-экономическое развитие Самарской губернии внесли дворяне Шелашниковы, владевшие большими земельными угодьями в Бугульминском уезде и организовавшие многоотраслевое производство. Так, они специализировались на зерновом и мукомольном производстве. Их продукция шла на всероссийский и мировой рынки. В имении С. П. Шелашникова было организовано маслобойное производство, Н. П. Шелашников открыл суконную фабрику, а А. Н. Шелашников специализировался также на коневодстве и овцеводстве [41, с. 263–265]. Известность и авторитет дворянского рода Шелашниковых резко возросли в связи с их участием в сооружении железнодорожной ветки «Самара – Бугульма», строительство которой было связано с необходимостью сбыта увеличивавшихся объемов продажи пшеницы [42]. Особо следует отметить экономическую деятельность Петра Ивановича Шелашникова, который являлся владельцем винокуренного завода в с. Старая Варваринка Бугульминского уезда. По данным 1877 г., завод принес прибыль в 208 813 руб. [43, л. 56 об. – 57]. Также роду Шелашниковых принадлежал дегтярный завод [22, с. 220]. По сведениям 1857 г., в селе имелся конный и водочный заводы, а в начале XX в. функционировала водяная мельница [44].

В том же Бугульминском уезде активной была деятельность дворянского рода Елачич. В предпринимательскую деятельность помимо Александра Францевича включилась его жена Софья Кирилловна. Как видим, в семейный бизнес вовлекались и женщины. По существу, имение Елачич также реально представляло агрофирму. Им принадлежали паровая мельница, маслобойный, винокуренный, крахмальный заводы [22, с. 143]. Занимались они и животноводством: содержанием молочных коров, откормом бычков, разведением других сельскохозяйственных животных; кожевенным производством [45].

Активно в предпринимательскую деятельность включилась княгиня Е. П. Волконская. Многочисленные земельные владения в Бугурусланском уезде позволили ей реализовать специализацию производства: в Пилюгино – коневодство и содержание крупного рогатого скота, в Пономарево – полеводство, в Березовом 1 и 2 развивались такие отрасли, как полеводство и овцеводство, в Водопадном функционировала кумысолечебница, в Выходном работал кирпичный завод, Горный выступал центром тонкорунного овцеводства. Самой прибыльной отраслью в имениях княгини Волконской являлось овцеводство, численность животных составляла около 4000 голов [29, с. 270].

Многоотраслевым бизнесом занимался дворянин Г. Н. Костромитинов. В своей усадьбе Георгий Николаевич использовал капиталистические методы ведения хозяйства. Часть земли он сдавал в аренду, а на другой части вел собственное хозяйство [10, с. 283]. В с. Михайловка Бузулукского уезда ежегодно производилось 50 тыс. пуд. муки [18, с. 485]. При этом для большей доходности в имении дворянина выращивались различные зерновые культуры. Помимо этого, Костромитинов занимался маслобойным и сыроваренным производством; эта продукция поступала на продажу в магазины Самары.

В Спасской волости Самарского уезда многоотраслевым бизнесом занимался дворянин Самарин. В его состав входили: паровая мельница и лесопилка, 3 овчарных и кирпичный заводы [23, с. 38].

Дворянин Бузулукского уезда С. А. Кашкаров на землях имения Воронцовка выращивал зерно, отправляемое затем либо на мельницу, либо в амбары. Он открыл кумысолечебницу, владел конным заводом и занимался молочным хозяйством. В 1901 г. предпринимательскую деятельность после смерти мужа стала вести его вдова Мария Ивановна. Она смогла не только сохранить бизнес мужа, но и расширить его. Так, она изменила структуру засеваемых культур: на полях Кашкаровых высевали пшеницу, просо, овес, рожь, ячмень, подсолнечник, помимо этого она открыла винокуренный завод, т.е. положила начало переработке сельскохозяйственной продукции [46].

В Бугурусланском уезде размещались прибыльные имения дворянского рода Карамзиных. Полибино и Козловка стали центрами мясомолочного, суконного производства. Показатели были достаточно высокими: в полибинском имении среднегодовой удой среднемолочной коровы составлял до 200 ведер молока, убойный вес скота достигал 7–8 пудов, сала от него получалось 2,5–3,5 пуда. Суконное производство давало доход в наилучшие годы 20 тыс. руб. [29, с. 103–104, 112–113].

Представители мелкого дворянства также были вовлечены в торгово-промышленную деятельность. Помимо мукомольной и животноводческой отрасли производства, где наблюдался высокий уровень конкуренции, они были представлены в других отраслях. Так, дворянин А. А. Карпов имел каретное заведение [22, с. 249], Протопопов содержал паровую лесопилку [22, с. 365], Н. В. Жданов владел типо-литографией [19, с. 123], графы Бобринские были собственниками сахарного завода в Самаре на улице Соборной [20, с. 16].

Привлекательной для ведения торгово-промышленной деятельности Самарская губерния была и для иногородних дворян. Симбирский дворянин и член ялтинской городской думы Франц Антонович Огризко владел водочным заводом в г. Самаре, на Самарской улице. В 1886 г. на этом предприятии 32 рабочих занимались производством 75 тыс. ведер вина и водки. Доход владельца завода составил 315 тыс. руб. [18, с. 652]. Костромской дворянин В. Ф. Лугинин занимался оптовой и розничной торговлей строевым лесом на волжской и засамарской пристанях [16].

Заключение

Таким образом, несмотря на высокую конкуренцию в торгово-промышленном предпринимательстве, вызванную законодательными инициативами государя, дворяне вели активную торгово-промышленную деятельность в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Это было обусловлено в первую очередь как наличием больших земельных владений, так и их включением в предпринимательскую деятельность. В пореформенный период произошла убыль дворянского землевладения. К новым условиям смогли приспособиться лишь те дворяне, которые внедряли в своих имениях капиталистические способы ведения хозяйства. Наибольшую устойчивость и высокий доход показывали те хозяйства, владельцы которых смогли создать многоотраслевой бизнес, который характерен для агрофирм. Помимо традиционных отраслей зернового производства и животноводства в них велась переработка сельскохозяйственной продукции, внедрялись новые агроприемы, способствующие интенсификации хозяйственной деятельности. К тому же

именно эти дворяне включались активно в торговлю зерном, мукой и другой сельскохозяйственной продукцией. Особенности дворянского предпринимательства в указанный период были многоотраслевой характер и находжение в уездах, а не в столице региона. Наиболее крупной и значимой для региона была деятельность «земельных магнатов», которые вели свое хозяйство интенсивно, оперативно реагируя на технические и рыночные изменения. Однако не менее важной была деятельность мелкого дворянства, которое осваивало новые виды бизнеса.

Список литературы

1. Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Самара : Издание Самарского статистического комитета, 1877. 744 с.
2. Алабин П. В. Трехвековая годовщина г. Самары (1586–1886 гг.). Самара : Губернская типография, 1887. 215 с.
3. Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 199 с.
4. Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. 1861–1900 гг. (Социально-экономическое исследование). М. : Наука, 1984. 232 с.
5. Клейн Н. Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981. 199 с.
6. Клейн Н. Л. Предпринимательство и предприниматели в России : ист. очерки. Самара : СамВен, 1994. 151 с.
7. Савельев П. И. Поместное дворянство Самарской губернии накануне первой русской революции 1905–1907 гг. // Крестьянское движение в трех русских революциях. Куйбышев : КГУ, 1982. С. 14–29.
8. Амирова Н. Ф. Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма : дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев : КГУ, 1989. 222 с.
9. Александрова С. А. Дворянские усадьбы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2011. 22 с.
10. Баринаева Е. П., Кабытов П. С., Кабытова Н. Н. Самарский помещик и либерал Георгий Николаевич Костромитинов // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 282–287. doi: 10.24411/2309-4370-2019-12226
11. Баринаева Е. П., Кабытов П. С. Бузулукские дворяне Племянниковы в воспоминаниях А. Э. Фридрихс // Двенадцатые Большаковские чтения: Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию старшинства оренбургского казачества (1574 г.), 280-летию основания Оренбургской губернии (1744 г.) и 90-летию учреждения Оренбургской области (1934 г.), 250-летию принятия «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.), 100-летию со дня рождения выдающегося оренбуржца, почетного гражданина г. Оренбурга Л. Н. Большакова (1924 г.), 70-летию начала основания оренбургской целины (1954 г.) (г. Оренбург, 17–20 апреля 2024 г.). Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2024. С. 15–18.
12. Баринаева Е. П. Дворянские усадьбы в начале XX века // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры / под науч. ред. П. С. Кабытова ; М-во образования и науки РФ ; Самар. гос. ун-т ; Поволж. фил. Ин-та рос. истории Рос. акад. наук ;. Самара : Универс-групп, 2004. С. 170–174.
13. Баринаева Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М. : РОССПЭН, 2008. 349 с.
14. Федосеев Р. В. Винокурение в структуре дворянского хозяйства Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. // Манускрипт. 2016. № 2 (64). С. 198–202.

15. Федосеев Р. В. Состояние вспомогательных отраслей дворянской промышленности Среднего Поволжья во второй половине XIX века // Инновационная наука. 2016. № 11-3. С. 65–68.
16. Адрес-календарь Самарской губернии на 1900 г. Самара, 1900. 462 с.
17. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний 1868–1917 : в 2 кн. Нью-Йорк : Издательство А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1954. Кн. 1. 377 с.
18. Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России: материалы для фабрично-заводской статистики. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1894. 827 с.
19. Список фабрик и заводов Российской Империи. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 720 с.
20. Коммерческая Самара и ее уезды: справочник-указатель на 1911–1912 гг. торгово-промышленных и фабрично-заводских предприятий по всем отраслям торговли и производства. Самара : Изд-во Тагамлицкого, [б. г.]. 183 с.
21. Памятная книжка на 1863–1864 гг. Самара : Самар. губ. стат. ком., 1864. 128 с.
22. Список населенных мест Самарской губернии / под ред. И. А. Протопопова. Самара : Губ. тип., 1900. 220 с.
23. Список населенных мест Самарской губернии / сост. Н. Г. Подковыров. Самара : Губ. тип., 1910. 425 с.
24. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е. И. Индова. М. : Юридическая литература, 1987. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/dv_gram.htm (дата обращения: 09.05.2024).
25. Бабина С. А. Дворянские усадебно-парковые комплексы Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 6. С. 75–82.
26. Юдина Е. Ю. Самарский помещик Д. А. Путилов: размышления о жизни провинциального барина (по материалам семейной переписки) // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : материалы XIII Всерос. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.). СПб. : Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2022. Вып. 13. С. 199–203.
27. Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания : в 2 т. М. : Художественная литература, 1967. Т. 1. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_\(%D0%A8%D0%B5%D0%BB%D0%B3%D1%83%D0%BD%D0%BE%D0%B2\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_(%D0%A8%D0%B5%D0%BB%D0%B3%D1%83%D0%BD%D0%BE%D0%B2)) (дата обращения: 20.06.2024).
28. Гарин-Михайловский Н. Г. Несколько лет в деревне // Собрание сочинений : в 8 т. Т. VI. Рассказы. СПб., 1908. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9D%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE_%D0%BB%D0%B5%D1%82_%D0%B2_%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B5_\(%D0%93%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD-%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9D%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE_%D0%BB%D0%B5%D1%82_%D0%B2_%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B5_(%D0%93%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD-%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9)) (дата обращения: 22.06.2024).
29. Мишанина Е. В. Оренбургское поместное дворянство: история, быт, культура. Оренбург : Университет, 2017. 335 с.
30. Федосеев Р. В. Численность и структура дворянства Среднего Поволжья во второй половине XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Грамота. 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 197–201.
31. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1904. Т. 36. 209 с.

32. Краткая записка о деятельности самарского дворянства за пятидесятилетний период существования Самарской губернии 1851–1901 гг. / сост. губ. предводителем дворянства А. А. Чемодуровым. М. : Типо-лит. Тов. Кушнерев И. Н. и К^о, 1901. 124 с.
33. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 23. Д. 356.
34. ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 23. Д. 357.
35. Мердер К. И. Список частных конских заводов в России. СПб. : Тип. Э. Метцига, 1878. 358 с.
36. Самарская летопись : в 2 кн. / под ред. П. С. Кабытова, Л. В. Храмкова. Самара : Самар. ун-т, 1993. Кн. 2. 190 с.
37. Румянцева Н. М. Деловая элита Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5, № 2 (15). С. 88–92.
38. Кабытов П. С., Баринаева Е. П., Селиверстов С. С. Жизнь и судьба Александра Наумова : монография. Самара : Самарский ин-т (филиал) Российского экономического ун-та, 2013. 160 с.
39. Селиверстов С. С. Повседневная жизнь дворянской семьи Наумовых // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2009. № 11 (15). С. 130–134.
40. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. : РОССПЭН, 1998. 573 с. URL: https://statehistory.ru/books/Leonid-Milov_Velikorusskiy-pakhar-i-osobennosti-rossiyskogo-istoricheskogo-protsesssa/9 (дата обращения: 09.05.2024).
41. Баринаева Е. П. Дворяне Бугурусланского уезда Шелашниковы // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. к 275-летию со дня основания г. Оренбурга, 200-летию со дня рождения Оренбургского генерал-губернатора, почетного гражданина г. Оренбурга Н. А. Крыжановского, 100-летию организации государственной архивной службы / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург : Оренбургский государственный педагогический университет, 2018. С. 263–266.
42. Усадьба, ставшая призраком // Волжская коммуна. 2017. 2 октября. URL: <https://samara.bezformata.com/listnews/usadba-stavshaya-prizrakom/61330077/> <https://proza.ru/2015/11/09/382> (дата обращения: 08.01.2023).
43. ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 13.
44. История села Старая Варваринка // Татары Голландии. URL: https://nailtimler.com/rauyon_pages/leninogorsky_rayon/leninogorsky_rayon_old_varvarinka.html (дата обращения: 08.01.2023).
45. Сельский промышленник Александр Францевич Елачич (1847–1916) // Бугульминский краеведческий музей. URL: <https://bugmuseum.ru/zametki-kraevede/selskij-promyshlennik-aleksandr-franczevich-elachich-1847-1916/> (дата обращения: 25.03.2024).
46. А эта свадьба пела и плясала... // Бузулукский краеведческий музей. URL: <https://buzulukmuseum.ru/2021/12/22/a-jeta-svadba-pela-i-pljasala/> (дата обращения: 20.06.2024).

References

1. Alabin P.V. *Dvadsatipyatiletie Samary kak gubernskogo goroda (istoriko-statisticheskij ocherk) = The 20th anniversary of Samara as a provincial city (historical and statistical essay)*. Samara: Izdanie Samarskogo statisticheskogo komiteta, 1877:744. (In Russ.)
2. Alabin P.V. *Trekhvekovaya godovshchina g. Samary (1586–1886 gg.) = The 3rd century anniversary of the city of Samara (1586–1886)*. Samara: Gubernskaya tipografiya, 1887:215. (In Russ.)

3. Kabytov P.S. *Agrarnye otnosheniya v Povolzh'e v period imperializma (1900–1917 gg.) = Agrarian relations in the Volga region during the period of imperialism (1900–1917)*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1982:199. (In Russ.)
4. Smykov Yu.I. *Krest'yane Srednego Povolzh'ya v period kapitalizma. 1861–1900 gg. (Sotsial'no-ekonomicheskoe issledovanie) = Peasants of the Middle Volga Region in the Period of Capitalism. 1861–1900 (Socio-economic study)*. Moscow: Nauka, 1984:232. (In Russ.)
5. Kleyn N.L. *Ekonomicheskoe razvitie Povolzh'ya v kontse XIX – nachale XX veka = Economic development of the Volga region in the late 19th – early 20th centuries*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1981:199. (In Russ.)
6. Kleyn N.L. *Predprinimatel'stvo i predprinimateli v Rossii: ist. ocherki = Entrepreneurship and Entrepreneurs in Russia: historical essays*. Samara: SamVen, 1994:151. (In Russ.)
7. Savel'ev P.I. The local nobility of the Samara province on the eve of the first Russian revolution of 1905–1907. *Krest'yanskoe dvizhenie v trekh russkikh revolyutsiyakh = The peasant movement in three Russian revolutions*. Kuybyshev: KGU, 1982:14–29. (In Russ.)
8. Amirova N.F. *Landlord economy of the South-East of European Russia during the period of imperialism: PhD dissertation*. Kuybyshev: KGU, 1989:222. (In Russ.)
9. Aleksandrova S.A. *Noble estates of the Samara province in the second half of the 19th – early 20th centuries.: PhD abstract*. Samara, 2011:22. (In Russ.)
10. Barinova E.P., Kabytov P.S., Kabytova N.N. Samara landowner and liberal Georgy Nikolaevich Kostromitinov. *Samarskiy nauchnyy vestnik = Samara scientific bulletin*. 2019;8(2):282–287. (In Russ.). doi: 10.24411/2309-4370-2019-12226
11. Barinova E.P., Kabytov P.S. Buzuluk nobles Plemyannikovs in the memoirs of A.E. Friedrichs. *Dvenadtsatye Bol'shakovskie chteniya: Orenburgskiy kray kak istoriko-kul'turnyy fenomen: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 450-letiyu starshinstva orenburgskogo kazachestva (1574 g.), 280-letiyu osnovaniya Orenburgskoy gubernii (1744 g.) i 90-letiyu uchrezhdeniya Orenburgskoy oblasti (1934 g.), 250-letiyu prinyatiya «Uchrezhdeniya dlya upravleniya guberniy Vserossiyskoy imperii» (1775 g.), 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya orenburzhtsa, pochetnogo grazhdanina g. Orenburga L.N. Bol'shakova (1924 g.), 70-letiyu nachala osnovaniya orenburgskoy tseliny (1954 g.) (g. Orenburg, 17–20 aprelya 2024 g.) = The 12th Bolshakov readings: Orenburg region as a historical and cultural phenomenon: proceedings of the International scientific and practical conference, dedicated to the 450th anniversary of seniority of the Orenburg Cossacks (1574), the 280th anniversary of foundation of Orenburg province (1744) and the 90th anniversary of foundation of Orenburg region (1934), the 250th anniversary of the adoption of the “Institution for the governance of the provinces of the All-Russian Empire” (1775), the 100th anniversary of the birth of the outstanding Orenburg citizen, honorary citizen of Orenburg L.N. Bolshakov (1924), the 70th anniversary of the founding of Orenburg virgin lands (1954) (Orenburg, April 17–20, 2024)*. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2024:15–18. (In Russ.)
12. Barinova E.P. *Dvoryanskie usad'by v nachale XX veka. Samarskiy kray v kontekste rossiyskoy i slavyanskoy istorii i kul'tury = Samara region in the context of Russian and Slavic history and culture*. Samara: Univers-grupp, 2004:170–174. (In Russ.)
13. Barinova E.P. *Rossiyskoe dvoryanstvo v nachale XX veka: ekonomicheskii status i sotsiokul'turnyy oblik = Russian nobility at the beginning of the 20th century: economic status and socio-cultural appearance*. Moscow: ROSSPEN, 2008:349. (In Russ.)
14. Fedoseev R.V. Distillation in the structure of the noble economy of the Middle Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Manuskript = Manuscript*. 2016;(2):198–202. (In Russ.)
15. Fedoseev R.V. The state of auxiliary branches of the noble industry of the Middle Volga region in the second half of the 19th century. *Innovatsionnaya nauka = Innovative science*. 2016;(11-3):65–68. (In Russ.)

16. *Adres-kalendar' Samarskoy gubernii na 1900 g.* = *Address calendar of Samara province for 1900.* Samara, 1900:462. (In Russ.)
17. Naumov A.N. *Iz utselevshikh vospominaniy 1868–1917: v 2 kn.* = *From the surviving memoirs 1868–1917: in 2 books.* New York: Izdanie A.K. Naumovoy i O.A. Kusevitskiy, 1954;(bk. 1):377. (In Russ.)
18. Orlov P.A. *Ukazatel' fabrik i zavodov Evropeyskoy Rossii: materialy dlya fabrichno-zavodskoy statistiki* = *Index of factories and plants of European Russia: materials for factory and plant statistics.* Saint Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma, 1894:827. (In Russ.)
19. *Spisok fabrik i zavodov Rossiyskoy Imperii* = *List of factories and plants of the Russian Empire.* Saint Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma, 1912:720. (In Russ.)
20. *Kommercheskaya Samara i ee uezdy: spravochnik-ukazatel' na 1911–1912 gg. torgovo-promyshlennyykh i fabrichno-zavodskikh predpriyatii po vsem otraslyam torgovli i proizvodstva* = *Commercial Samara and its surroundings: a reference book for 1911–1912 of trade, industry and textile-factory enterprises in all branches of trade and production.* Samara: Izd-vo Tagamlitskogo, [b. g.]:183. (In Russ.)
21. *Pamyatnaya knizhka na 1863–1864 gg.* = *Memorial book for 1863–1864.* Samara: Samar. gub. stat. kom., 1864:128. (In Russ.)
22. Protopopov I.A. (ed.). *Spisok naseleennykh mest Samarskoy gubernii* = *List of populated areas of Samara province.* Samara: Gub. tip., 1900:220. (In Russ.)
23. Podkovyrov N.G. (comp.). *Spisok naseleennykh mest Samarskoy gubernii* = *List of populated areas of Samara province.* Samara: Gub. tip., 1910:425. (In Russ.)
24. Charter on the rights, liberties and privileges of the noble Russian nobility. *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 5. Zakonodatel'stvo perioda rastsveta absolyutizma* = *Russian legislation of the 10th – 20th centuries: in 9 volumes. Volume 5. Legislation of the period of the flourishing of absolutism.* Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1987. (In Russ.). Available at: https://www.hist.msu.ru/ER/Text/dv_gram.htm (accessed 09.05.2024).
25. Babina S.A. Noble estate and park complexes of the Samara province in the late 19th – early 20th centuries. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* = *Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 2009;11(6):75–82. (In Russ.)
26. Yudina E.Yu. Samara landowner D. A. Putilov: reflections on the life of a provincial gentleman (based on family correspondence). *Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii: materialy XIII Vseros. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, 11 marta 2022 g.)* = *The capital and the provinces: the relationship between the center and the regions in the history of Russia: proceedings of the 13th All-Russian scientific conference (Saint Petersburg, March 11, 2022).* Saint Petersburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet imeni A.S. Pushkina, 2022;(13):199–203. (In Russ.)
27. Shelgunov N.V., Shelgunova L.P., Mikhaylov M.L. *Vospominaniya: v 2 t.* = *Memories: in 2 volumes.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1967;1. (In Russ.). Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_\(%D0%A8%D0%B5%D0%BB%D0%B3%D1%83%D0%BD%D0%BE%D0%B2\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_(%D0%A8%D0%B5%D0%BB%D0%B3%D1%83%D0%BD%D0%BE%D0%B2)) (accessed 20.06.2024).
28. Garin-Mikhaylovskiy N.G. Several years in the village. *Sobranie sochineniy: v 8 t. T. VI. Rasskazy* = *Collected essays: in 8 volumes. Volume 6. Stories.* Saint Petersburg, 1908. (In Russ.). Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9D%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE_%D0%BB%D0%B5%D1%82_%D0%B2_%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B5_\(%D0%93%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD-%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9D%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE_%D0%BB%D0%B5%D1%82_%D0%B2_%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B5_(%D0%93%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD-%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9)) (accessed 22.06.2024).
29. Mishanina E.V. *Orenburgskoe pomestnoe dvoryanstvo: istoriya, byt, kul'tura* = *Orenburg landed gentry: history, existence, culture.* Orenburg: Universitet, 2017:335. (In Russ.)

30. Fedoseev R.V. The number and structure of the nobility of the Middle Volga region in the second half of the 19th century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Gramota = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theoretical and practical issues. Literacy*. 2014;(1): v 2-kh ch. Ch. II.:197–201. (In Russ.)
31. Troynitskiy N.A. (ed.). *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: v 89 t. = The First General population census of the Russian Empire, 1897: in 89 volumes*. Saint Petersburg: Izd. Tsent. stat. kom. M-va vnutr. del, 1904;36:209. (In Russ.)
32. *Kratkaya zapiska o deyatelnosti samarskogo dvoryanstva za pyatidesyatiletniy period sushchestvovaniya Samarskoy gubernii 1851–1901 gg. = A brief note on the activities of the Samara nobility during the fifty-year period of existence of the Samara province 1851–1901. Comp. gubernatorial leader of the nobility A.A. Chemodurov*. Moscow: Tipol. Tov. Kushnerev I.N. i Ko, 1901:124. (In Russ.)
33. *Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti (TsGASO). F. 5. Op. 23. D. 356 = Central State Archives of Samara Region. Fund 5. Item 23. File 356*. (In Russ.)
34. *TsGASO. F. 5. Op. 23. D. 357 = Central State Archives of Samara Region. Fund 5. Item 23. File 357*. (In Russ.)
35. Merder K.I. *Spisok chastnykh konskikh zavodov v Rossii = List of private stud farms in Russia*. Saint Petersburg: Tip. E. Mettsiga, 1878:358. (In Russ.)
36. Kabytov P.S., Khramkov L.V. (eds.). *Samarskaya letopis': v 2 kn. = Samara chronicle: in 2 books*. Samara: Samar. un-t, 1993;(bk. 2):190. (In Russ.)
37. Rumyantseva N.M. Business elite of Samara province in the late 19th – early 20th centuries. *Karel'skiy nauchnyy zhurnal = Karelian scientific journal*. 2016;5(2):88–92. (In Russ.)
38. Kabytov P.S., Barinova E.P., Seliverstov S.S. *Zhizn' i sud'ba Aleksandra Naumova: monografiya = The life and destiny of Alexander Naumov: monograph*. Samara: SamarSKIY in-t (filial) Rossiyskogo ekonomicheskogo un-ta, 2013:160. (In Russ.)
39. Seliverstov S.S. Everyday life of the noble Naumov family. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo = Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky*. 2009;(11):130–134. (In Russ.)
40. Milov L.V. *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa = The great Russian plowman and the peculiarities of the Russian historical process*. Moscow: ROSSPEN, 1998:573. (In Russ.). Available at: https://statehistory.ru/books/Leonid-Milov_Velikorusskiy-pakhar-i-osobennosti-rossiyskogo-istoricheskogo-protsessa/9 (accessed 09.05.2024).
41. Barinova E.P. The nobles of Buguruslan Shelashnikovs district. *Devyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kul'turnyy fenomen: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. k 275-letiyu so dnya osnovaniya g. Orenburga, 200-letiyu so dnya rozhdeniya Orenburgskogo general-gubernatora, pochetnogo grazhdanina g. Orenburga N.A. Kryzhanovskogo, 100-letiyu organizatsii gosudarstvennoy arkhivnoy sluzhby = The 9th Bolshakov readings. The Orenburg Region as a historical and cultural phenomenon: proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 275th of the foundation of Orenburg, the 200th anniversary of the birth of the Orenburg governor-general, honorary citizen of Orenburg N.A. Kryzhanovsky, the 100th anniversary of organizations of the state archival service*. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2018:263–266. (In Russ.)
42. The estate that became a ghost. *Volzhskaya kommuna = Volzhskaya Commune*. 2017;2 Oct. (In Russ.). Available at: <https://samara.bezformata.com/listnews/usadbastavshaya-prizrakom/61330077/https://proza.ru/2015/11/09/382> (accessed 08.01.2023).
43. *TsGASO. F. 171. Op. 1. D. 13 = Central State Archives of Samara Region. Fund 171. Item 1. File 13*. (In Russ.)

44. History of the village of Staraya Varvarinka. *Tatary Gollandii = Tatars of Holland*. (In Russ.). Available at: https://nailtimler.com/rayony_pages/leninogorsky_rayon/leninogorsky_rayon_old_varvarinka.html (accessed 08.01.2023).
45. Rural industrialist Alexander Frantsevich Jelacic (1847–1916). *Bugul'minskiy kraevedcheskiy muzey = Bugulma Museum of Local History*. (In Russ.). Available at: <https://bugmuseum.ru/zametki-kraevedaselskiy-promyshlennik-aleksandr-franczevich-elachich-1847-1916/> (accessed 25.03.2024).
46. And this wedding sang and danced... *Buzulukskiy kraevedcheskiy muzey = Buzuluk Museum of Local History*. (In Russ.). Available at: <https://buzulukmuseum.ru/2021/12/22/ajeta-svadba-pela-i-pljasala/> (accessed 20.06.2024).

Информация об авторах / Information about the authors

Петр Серафимович Кабытов

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Россия, г. Самара, ул. Московское шоссе, 34)

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Petr S. Kabytov

Doctor of historical sciences, professor, head of the sub-department of Russian history, Samara National Research University (34 Moskovskoye shosse street, Samara, Russia)

Анастасия Евгеньевна Михайлова

аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Россия, г. Самара, ул. Московское шоссе, 34)

E-mail: mixajlova2014@yandex.ru

Anastasia E. Mikhailova

Postgraduate student, Samara National Research University (34 Moskovskoe shosse street, Samara, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 14.08.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.09.2024

Принята к публикации / Accepted 28.10.2024

УДК 93/94

doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-2

Содержание и итоги работы Первой Гаагской конференции мира 1899 г.

Б. В. Николаев¹, Н. А. Павлова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Пензе, Пенза, Россия

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Российская инициатива по созыву в 1899 г. Первой Гаагской конференции мира стала беспрецедентным шагом на пути к формированию нового справедливого миропорядка. Основные цели будущего форума, определенные российской дипломатией (ограничение вооружений, мирное решение международных споров, кодификация законов и обычаев ведения военных действий), представлялись революционными с точки зрения реалий рубежа XIX и XX столетий, но впоследствии стали неотъемлемыми элементами современного международного права. Тем более удивительным представляется отсутствие значительного внимания не только зарубежной, но и отечественной науки к изучению феномена Гаагских конференций в становлении современной системы миропорядка. В этой связи исследование причин, подготовки созыва конференции 1899 г., содержания и итогов ее работы представляется актуальным и научно значимым. Цель работы – определить основные направления работы Гаагской конференции мира 1899 г. и ее историческое значение. *Материалы и методы.* Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагской конференции мира 1899 г., официальных актов Министерства иностранных дел Российской империи, международных договоров, научной литературы. *Результаты.* В работе проанализированы предпосылки созыва Первой Гаагской конференции мира, содержание и значение ее работы. *Выводы.* Исследование предпосылок созыва, содержания работы и исторического значения Первого Гаагского форума позволяет сделать вывод об особой роли российской дипломатии и российского государства в целом в становлении современного международного права, в стремлении обеспечить справедливую и устойчивую систему международных отношений.

Ключевые слова: Гаагская конференция мира, международное право, право вооруженных конфликтов, российская дипломатия

Для цитирования: Николаев Б. В., Павлова Н. А. Содержание и итоги работы Первой Гаагской конференции мира 1899 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 20–29. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-2

Contents and results of the First Hague Peace Conference of 1899

B.V. Nikolaev¹, N.A. Pavlova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹Penza branch of Moscow University named after S.Yu. Vitte, Penza, Russia

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Abstract. *Background.* Domestic diplomacy and international legal science played a leading role in the development of international humanitarian law. It was Russia that initiated the largest projects concerning international law before the era of the world wars: two Hague Peace Conferences were held in 1899 and 1907. However, such significant Russian leadership in the development of international law received insufficient attention from domestic and foreign researchers, the latter, however, actively studied the role of the United States, Great Britain, France and other countries in the development of international humanitarian law. In this regard, the study of the Second Peace Conference and its historical significance seems relevant and scientifically significant. The purpose of the study is to determine the main directions and achievements of the work of the Hague Peace Conference of 1907 in terms of developing rules for conducting armed conflicts, the significance of the adopted documents and the results of the conference for dynamic development of international law. *Materials and methods.* The objectives are achieved by analyzing the official materials of the Hague Peace Conference of 1907, official acts of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, assessments of the conference's achievements given by its participants, international treaties (the Hague Conventions and Declarations of 1907), and scientific literature. *Results.* The article analyzes the work of the Second Hague Peace Conference in terms of codifying the laws and customs of warfare, the role of the Russian delegation in achieving its goals, and the significance of its work for the development of international humanitarian law. *Conclusions.* The article, having studied the prerequisites for holding the conference, its content and historical significance, draws a conclusion regarding the special role of Russian diplomacy and the Russian state in the codification of laws and customs of warfare and dynamic development of international humanitarian law.

Keywords: the Hague Peace Conference, international law, law of armed conflicts, Russian diplomacy

For citation: Nikolaev B.V., Pavlova N.A. Contents and results of the First Hague Peace Conference of 1899. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(4):20–29. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-2

Введение

Российская инициатива по созыву в 1899 г. Первой Гаагской конференции мира стала беспрецедентным шагом на пути к формированию нового справедливого миропорядка. Основные цели будущего форума, определенные российской дипломатией (ограничение вооружений, мирное решение международных споров, кодификация законов и обычаев ведения военных действий), представлялись революционными с точки зрения реалий рубежа XIX и XX столетий, но впоследствии стали неотъемлемыми элементами современного международного права. Тем более удивительным представляется отсутствие значительного внимания не только зарубежной, но и отечественной науки к изучению феномена Гаагских конференций в становлении современной системы миропорядка. В этой связи исследование причин, подготовки созыва конференции 1899 г., содержания и итогов ее работы представляется актуальным и научно значимым. Цель работы – определить основные направления работы Гаагской конференции мира 1899 г. и ее историческое значение.

Материалы и методы

Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагской конференции мира 1899 г., официальных актов Министер-

ства иностранных дел Российской империи, в частности Циркулярного сообщения министра иностранных дел пребывающим в Санкт-Петербурге представителям иностранных государств от 30 декабря 1898 г., международных договоров (Гаагских конвенций и деклараций 1899 г.), научной литературы.

Результаты

Собравшаяся в Гааге 18 мая 1899 г. Первая Гаагская конференция мира (или, как принято было провозглашать, «Парламент мира») [1, с. 31] стала беспрецедентным для своего времени мировым форумом. Действительно, в ее работе принимали участие делегации 26 стран, представляющие страны не только Европы, но и Америки (США и Мексика) и Азии (Китай, Персия, Сиам, Япония) (для сравнения в предшествующей ей Брюссельской конференции 1874 г. принимали участие представители только 13 и исключительно европейских держав). Но даже такое расширенное представительство демонстрировало ограниченность и несправедливость современного мироустройства, при котором значительное число стран и народов находились в колониальной или иной форме зависимости от небольшой группы «просвещенных» и «цивилизованных» великих держав. Более того, многим формально юридически независимым государствам Латинской Америки и Азии «недоставало» суверенности для того, чтобы быть приглашенными на столь уважаемое собрание вершителей судеб мира. Так, единственное (за исключением Мексики) из латиноамериканских стран приглашенное на конференцию правительство Бразилии ответило официальным отказом в связи с уже проведенным бразильской стороной масштабным сокращением не только военно-морского флота, но и сухопутных вооруженных сил. Однако, по существу, правительство Бразилии выразило свою солидарность с другими странами региона. Такая позиция была, возможно, обусловлена и некоторым цинизмом со стороны, в частности, США, которые настояли на неучастии Чили в связи с их отсутствием на Панамериканской конференции 1890 г. Возможно, демарш Бразилии внес, пусть и скромную, лепту в приглашение большого числа латиноамериканских стран на Вторую Гаагскую конференцию мира.

В упомянутом циркуляре российского Министерства иностранных дел ставился вопрос: «Можно ли отыскать средства для предупреждения вооруженных столкновений между народами и для облегчения того бремени, которое на них лежит, благодаря постоянному возрастанию военных бюджетов?». Такая амбициозная цель, заявленная, по выражению выдающегося российского дипломата и юриста-международника Ф. Ф. Мартенса, «с высоты престола могущественного Монарха» [2, с. 257–258], была беспрецедентной с точки зрения предшествующего опыта и реалий исторического момента.

Российская инициатива вызвала противоречивые отклики. С одной стороны, множились благоприятные отзывы в поддержку предложения со стороны научных и общественных деятелей, представителей церкви и писателей, общественных организаций и не только пацифистских, письма простых граждан из многих странах мира. Благожелательное отношение было характерно и для мировой прессы, однако такая благожелательность сочеталась с изрядной долей скепсиса в отношении возможности реальных достижений конференции. Следует отметить наиболее благоприятное отношение со стороны

прессы малых и средних государств Европы, а также в целом лояльный и даже позитивно настроенный тон Австро-Венгрии и, пусть и «со сдержанным одобрением», Германии. Характерно, однако, и наличие более противоречивой позиции средств массовой информации Великобритании и Франции, которая характеризовалась одновременно «внешним сочувствием, но с внутренней иронией» [3, с. 92].

Примерно за полгода до начала конференции, 11 января 1899 г. (30 декабря 1898 г. по старому стилю), министр иностранных дел России граф Муравьев направил приглашаемым на международный форум правительствам новый циркуляр, в котором более точно и детализированно определялись цели и задачи Гаагского форума и фактически определялась будущая повестка дня [4, с. 300–301]. Всего в циркуляре заявлялось восемь пунктов предполагаемой повестки работы мирового форума, в том числе обсуждение моратория на рост вооруженных сил и военных бюджетов, запрещение и ограничение некоторых видов оружия и методов применения их в сухопутной и морской войне, расширение действия на последнюю основных начал Женевской конвенции 1864 г., ревизия законов и обычаев сухопутной войны, разработка соглашения о мирных средствах разрешения международных споров [5].

Заседания проходили в великолепном Лесном замке XVII в. Гааги, председателем конференции единодушно был избран глава российской делегации барон Е. Е. Стааль. По его предложению было образовано три комиссии для предварительной проработки основных вопросов конференции и подготовки соответствующих решений конференции, в том числе выраженных в принятии международных конвенций как юридически обязывающих государств-участников договорах.

Так, первая комиссия под руководством бельгийского представителя Беернара занималась совокупностью вопросов, связанных с обсуждением механизма сокращения вооружений, и была поделена, в свою очередь, на три подкомиссии: по рассмотрению законов и обычаев ведения сухопутной войны, правил ведения морской войны и, собственно, по вопросам разоружения (т.е. первоначально пункты 1–4 российской программы конференции). Именно на первую комиссию и по номенклатуре комиссий, по мнению общественности, возлагались наибольшие ожидания с точки зрения общего успеха конференции. Однако германские представители с первых заседаний категорически отвергли возможность практического обсуждения вопроса ограничения роста вооружений, а тем более разоружения. После такого демарша одной из ведущих держав работа конференции по данному вопросу была обречена.

Вторая комиссия первоначально была призвана разрабатывать такие вопросы, как адаптация основных начал Женевской конвенции 1864 г. с дополнениями 1868 г. применительно к морской войне, обеспечение нейтрального статуса и международно-правовой защиты морских судов и шлюпок, осуществляющих гуманитарную миссию по спасению утопающих как во время боевых столкновений, так и после их окончания; пересмотр и, можно сказать, «реанимирование» так и не вступившей в силу Брюссельской декларации о законах и обычаях ведения войны 1874 г. (т.е. первоначально пункты 5–7 российской программы конференции).

Третья комиссия была призвана исследовать возможность использования таких средств, как посредничество и третейское разбирательство в целях

обеспечения мирного разрешения международных столкновений (т.е. первоначально пункт 8 российской программы конференции). Постепенно именно к работе данной комиссии было приковано внимание всей конференции, а своего рода дипломатическая дуэль председателя комиссии, главы французской делегации Леона Буржуа, и видного ученого и общественного и государственного деятеля Германии Ф. Цорна стала кульминацией и квинтэссенцией сущности работы не только комиссии, но и конференции в целом. К сожалению, победила германская точка зрения относительно несвоевременности и даже вредности введения обязательного арбитража в качестве средства решения международных споров.

Очень скоро первоначальная повестка дня и организационная структура конференции претерпели существенные изменения. Так, в связи с провалом по первоначально приоритетному вопросу сокращения вооружений, делегаты сконцентрировались на разработке кодекса ведения войны и мирных способов разрешения споров между державами. В этой связи следует отметить дипломатическое искусство руководителя российской делегации барона Стаала в перенаправлении внимания не только участников конференции, но и широкой общественности с проблемного и грозящего полным срывом работы международного форума вопроса ограничения вооружений к более продуктивным и также поддержанным общественным мнением задачам по созданию системы гарантий предотвращения вооруженных конфликтов и их гуманизации.

В целом, следует отметить деструктивную роль германской делегации в работе конференции. Показательным в этой связи представляется назначение в состав делегации человека (профессора Штенгеля), который накануне конференции опубликовал издание (с несколько претенциозным названием в качестве антитезы Иммануилу Канту – «Вечный мир»). В данном издании профессор Штенгель не только критически отозвался о возможностях и реальных последствиях работы подобного международного форума, который может только ослабить «боевой дух» и решительность германской нации, но и прямо обосновывал положительное значение вооруженных конфликтов для социально-экономического, научно-технического, политического и даже духовного развития и процветания народов [6, с. 43–46].

Сложно ожидать иной реакции от представителей государства, глава которого, кайзер Вильгельм II, прямо заявил: «Я согласен с этой идеей, только чтобы царь не выглядел дураком перед Европой. Но на практике в будущем я буду полагаться только на Бога и на свой острый меч» [7, с. 78].

При такой общей атмосфере недоверия и неприятия мирной инициативы со стороны германского истеблишмента германская делегация во главе с Георгом Мюнстером оказалась, пожалуй, важнейшим фактором сдерживания и ограничения возможностей и реальных достижений мирового форума.

Не меньшие трудности вызывали и позиции двух ближайших союзниц Российской империи по Тройственному согласию (хотя окончательно Антанта сформировалась много позже – к 1908 г.). Выдающийся российский юрист-международник и дипломат, участник и во многом вдохновитель реальных достижений обеих Гаагских конференций Ф. Ф. Мартенс многократно сокрушался по данному поводу.

Формальным результатом заседаний [8] Первой Гаагской конференции мира стало принятия шести документов, положивших начало тому, что

впоследствии станет всемирно известным как «Гаагское право» (или «право Гааги») и составит «золотой фонд» не только международного гуманитарного права, но и в целом международного права: три конвенции¹ и три декларации². Помимо принятия указанных документов, делегаты конференции высказали шесть «пожеланий на будущее»: о пересмотре Женевских конвенций; о правах и обязанностях нейтральных государств; о соглашении между державами по поводу введения новых типов и калибров морского оружия и морских орудий; об ограничении сухопутных и морских военных сил и военного бюджета; о неприкосновенности частной собственности в морской войне; о бомбардировании портов, городов и селений морскими военными силами [9, с. 40].

Несомненно, особым достижением не только Гаагского форума в целом, но и российской дипломатии и делегации в частности стала Гаагская конвенция о мирном решении международных столкновений. Несмотря на существенные противоречия в позициях представителей различных держав, делегатам удалось согласовать три основных средства разрешения межгосударственных споров: добрые услуги и посредничество, следственные комиссии, международный арбитраж (третейский суд), определенные Ф. Ф. Мартенсом в качестве возможных для согласования на этом международном форуме.

Первый раздел данной конвенции получил программное и смелое для своего времени название «О сохранении всеобщего мира», а его первая статья предусматривала: «С целью предупредить, по возможности, обращение к силе в отношениях между государствами, Договаривающиеся державы соглашаются прилагать все свои усилия к тому, чтобы обеспечить мирное решение международных несогласий». Спустя три года после Гаагского форума была учреждена Постоянная палата третейского суда, действующая и поныне. Неслучайно, что первым делом, рассмотренным новым институтом, стал пусть и незначительный спор между Мексикой и США, переданный президентом США Т. Рузвельтом в расчете на благосклонность американского общественного мнения, весьма благожелательно настроенного к идее международного арбитража. Немногим позже уже более значительный венесуэльский кризис 1902 г. был также разрешен с помощью Гаагского третейского суда. Наконец, подлинное «боевое крещение» Гаагской палаты состоялось в связи с расследованием Гулльского инцидента, почти приведшего к прямому военному столкновению Российской и Британской империй [1, с. 31–32].

Обсуждение

В целом в советской научной литературе доминировало сверхкритическое отношение к Гаагским конференциям, в основном рассматривавшимся в контексте конъюнктурных интересов империалистических держав. В этот

¹ Конвенция о мирном решении международных столкновений 1899 г.; Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г.; Конвенция о применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 августа 1864 г., принятая в 1899 г. // Конвенции и декларации, подписанные на конференции мира в Гааге 17–29 июля 1899 г. СПб. : Сенат. тип., 1901. 88 с.

² Декларация о неупотреблении пуль, легко разворачивающихся или сплющивающихся в человеческом теле 1899 г.; Декларация о неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы 1899 г.; Декларация о запрещении на пятилетний срок метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов 1899 г. // Конвенции и декларации, подписанные на конференции мира в Гааге 17–29 июля 1899 г. СПб. : Сенат. тип., 1901. 88 с.

период, однако, следует отметить достаточно объективную и системную работу пензенского исследователя Александра Ивановича Данилина, который рассматривал моменты, связанные с обсуждением вопросов третейского суда на Первом Гаагском форуме [10].

Наиболее выдающимся системным исследованием Гаагского движения в рассматриваемый период стала монография Ч. Дэвиса «Соединенные Штаты и Вторая Гаагская конференция мира» [11].

Ключевым диссертационным исследованием (хотя и весьма давним – 2001 г.) в изучаемой области является работа Н. Ю. Николаева, посвященная роли российской дипломатии в организации и проведении Первой Гаагской конференции мира [12]. Некоторые аспекты рассматриваемой проблематики затрагиваются также в диссертационных работах В. А. Котенева [13], Л. А. Фишер [14], Г. Н. Четверухина [15], Т. В. Шаповаловой [16].

Заключение

Наряду с очевидными и формальными достижениями Первого Гаагского форума отметим иные, подчас более значимые, особенно в долгосрочной перспективе итоги собрания 1899 г. Во-первых, несмотря на всю ограниченность представительства, была взорвана идея «концерта великих держав» как единственного и непогрешимого мироустроителя и мироуправителя. Действительно, на равных (по крайней мере формально) в конференции участвовали делегации не только великих держав, но и малых европейских стран и ряда неевропейских государств Америки и Азии. Во-вторых, тем самым подтверждалась идея национального суверенитета не только для больших, но и для малых стран. В-третьих, была легализована не только сама идея всеобщего форума, но и возможность односторонней инициативы по его созыву (в данном случае выдающаяся, блестяще сыгранная роль российской дипломатии), а также его способность обсуждать действительно важные судьбоносные для мира проблемы. В-четвертых, российская инициатива сняла табу с таких вопросов для общего обсуждения, как сокращение и ограничение вооружений, государственных бюджетных военных расходов, обязательность мирной процедуры разрешения международных споров, ограничение некоторых конкретных средств и методов ведения войны. В-пятых, впервые, пожалуй, была реализована модель не общего политического конгресса держав и не узконаправленной на выработку конкретного соглашения правовой конференции, а новая модель действительно всеобщего многостороннего собрания, не только нацеленного на обсуждение и принятие политических решений, но и готового к их юридизации в форме универсальных международных конвенций и деклараций. В-шестых, Первая Гаагская конференция продемонстрировала альтернативный созданию военно-политических блоков и развязыванию войн путь развития международной системы отношений и права посредством всеобщего обсуждения наиболее конфликтных вопросов и поиска компромиссов и средств урегулирования существующих разногласий. В-седьмых, собрание 1899 г. не только дало толчок Гаагскому движению, но и проложило путь к созданию в будущем таких международных организаций, как Лига Наций и Организация Объединенных Наций. Наконец, Гаагская конференция существенно усилила пацифистское движение и в целом обусловила рост влияния общественного мнения и общественных

организаций в различных странах мира на внешнюю политику этих стран и международные дела.

Список литературы

1. Фархутдинов И. З. Гаагские конференции мира 1899 и 1907 гг.: кто развязал Первую мировую войну. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 29–36.
2. Пустогаров В. В. Ф. Ф. Мартенс – юрист, дипломат. 2-е изд., доп. М. : Международные отношения, 1999. 286 с.
3. Николаев Н. Ю. Европейское общественное мнение и Гаагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2003. Вып. 8. С. 92–96.
4. Рыбаченок И. С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М. : РОССПЭН, 2004. 391 с.
5. Циркулярное сообщение министра иностранных дел пребывающим в Санкт-Петербурге представителям иностранных государств от 30-го декабря 1898 г. // Правительственный вестник. 1899. № 8.
6. Николаев Н. Ю. Германия и Гаагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2005. Вып 10. С. 43–46.
7. Мединский В. Р. Скелеты из шкафа русской истории. М. : Олма Медиа Групп, 2012. 521 с.
8. Конвенции и декларации, подписанные на конференции мира в Гааге 17–29 июля 1899 года. СПб. : Сенат. тип., 1901. 88 с.
9. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. 3-е рус. изд. Юрьев : Тип. К. Матиссена, 1912. 404 с.
10. Данилин А. И. Проблема международного арбитража и позиции США и Германии на I-й Гаагской конференции мира // Европейские государства и США в международных отношениях первой половины XX века (история и историография) : межвуз. сб. науч. тр. Ленинград : ЛГПИ, 1983. С. 136–143.
11. Davis Ch. B. The United States and the Second Huge Peace Conference: American diplomacy and international organization, 1899–1914. Durham : Duke University Press, 1975. 398 p.
12. Николаев Н. Ю. Россия и Гаагская мирная конференция 1899 года : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Волгоград, 2001. 247 с.
13. Котенев В. А. Проблема наказания военных преступников в международных отношениях второй половины XIX – первой четверти XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Брянск, 2008. 26 с.
14. Фишер Л. А. Проблема черноморских проливов в российско-германских дипломатических отношениях в 1908–1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2009. 24 с.
15. Четверухин Г. Н. Российская интеллигенция второй половины XIX в. и проблемы миротворчества : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2007. 218 с.
16. Шаповалова Т. В. Англо-бурская война 1899–1902 гг. и Россия : дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 164 с.

References

1. Farkhutdinov I.Z. The Hague Peace Conferences of 1899 and 1907: who launched the First World War? an opinion on doctrines of the problem of forming a modern model of international relations in the context of international law development. *Evraziyskiy juridicheskiy zhurnal = Eurasian law journal*. 2020;(4):29–36. (In Russ.)
2. Pustogarov V.V. *F.F. Martens – jurist, diplomat. 2-e izd., dop. = F.F. Martens – lawyer, diplomat. The 2nd edition, supplemented.* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999:286. (In Russ.)

3. Nikolaev N.Yu. European public opinion and the Hague Peace Conference of 1899. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International relations.* 2003;(8):92–96. (In Russ.)
4. Rybachenok I.S. *Rossiya i Pervaya konferentsiya mira 1899 goda v Gaage = Russia and the First Peace Conference of 1899 in the Hague.* Moscow: ROSSPEN, 2004:391. (In Russ.)
5. Circular message from the Minister of Foreign Affairs to representatives of foreign states visiting St. Petersburg, December 30, 1898. *Pravitel'stvennyy vestnik = Government Gazette.* 1899;(8). (In Russ.)
6. Nikolaev N.Yu. Germany and the Hague Peace Conference of 1899. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International relations.* 2005;(10):43–46. (In Russ.)
7. Medinskiy V.R. *Skelety iz shkafa russkoy istorii = Skeletons from the closet of the Russian History.* Moscow: Olma Media Grupp, 2012:521. (In Russ.)
8. *Konventsii i deklaratsii, podpisannye na konferentsii mira v Gaage 17–29 iyulya 1899 goda = Conventions and Declarations signed at the Peace Conference in The Hague, July 17–29, 1899.* Saint Petersburg: Senat. tip., 1901:88. (In Russ.)
9. List F. *Mezhdunarodnoe pravo v sistematicheskom izlozhenii. 3-e rus. izd. = International law in a systematic presentation. The 3rd Russian edition.* Yurev: Tip. K. Matis-sena, 1912:404. (In Russ.)
10. Danilin A.I. The issue of International Arbitration and the Positions of the United States and Germany at the 1st Hague Peace Conference. *Evropeyskie gosudarstva i SShA v mezhdunarodnykh otnosheniyakh pervoy poloviny XX veka (istoriya i istoriografiya): mezhvuz. sb. nauch. tr. = European States and the United States in International Relations of the First Half of the 20th century.* Leningrad: LGPI, 1983:136–143. (In Russ.)
11. Davis Ch.B. *The United States and the Second Huge Peace Conference: American diplomacy and international organization, 1899–1914.* Durham: Duke University Press, 1975:398.
12. Nikolaev N.Yu. *Russia and the Hague Peace Conference of 1899: PhD dissertation.* Volgograd, 2001:247. (In Russ.)
13. Kotenev V.A. *The problem of punishment of war criminals in international relations of the second half of the 19th – first quarter of the 20th century: PhD abstract.* Bryansk, 2008:26. (In Russ.)
14. Fisher L.A. *The problem of the Black Sea straits in Russian-German diplomatic relations in 1908–1914: PhD abstract.* Saint Petersburg, 2009:24. (In Russ.)
15. Chetverukhin G.N. *Russian intelligentsia of the second half of the 19th century and the problems of peacekeeping: PhD dissertation.* Kostroma, 2007:218. (In Russ.)
16. Shapovalova T.V. *The Boer War 1899–1902 and Russia: PhD dissertation.* Moscow, 1995:164. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Борис Викторович Николаев

кандидат исторических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40); заведующий
кафедрой юриспруденции,
филиал Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе
(Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, 25Б)

Boris V. Nikolaev

Candidate of historical sciences,
associate professor of the sub-
department of criminal law, Penza
State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia); head of the sub-
department of jurisprudence, Penza
branch of Moscow University named after
S.Yu.Vitte (25B Vyazemskogo street,
Penza, Russia)

E-mail: nikolboris@yandex.ru

Наталья Анатольевна Павлова

кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой иностранных
языков, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: nataliia.pavlova@inbox.ru

Natalia A. Pavlova

Candidate of pedagogical
sciences, head of the sub-
department of foreign languages,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.09.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.10.2024

Принята к публикации / Accepted 18.11.2024

УДК 63:630.114.5(575.2)(04)
doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-3

**Динамика развития сельскохозяйственной промышленности
Пржевальского и Пишпекского уездов Семиреченской области
в конце XIX – начале XX в. в условиях их
хозяйственного освоения**

Ш. Д. Батырбаева

Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента
Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская Республика
shaira60@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Проанализирована динамика развития промышленности Пржевальского и Пишпекского уездов Семиреченской области в конце XIX – начале XX в. в условиях их хозяйственного освоения. *Материалы и методы.* Исследование опирается на данные «Обзоров Семиреченской области» с 1882 по 1900, 1906 и 1913 гг. *Результаты.* Временные рамки были обусловлены административным статусом Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства: с 1882 по 1899 г. она находилась в составе Степного генерал-губернаторства, а 1906 г. ознаменовал активную фазу переселения крестьян; 1913 г. рассматривается как рубеж более чем полувекового нахождения Северного Кыргызстана в составе России в качестве национальной окраины. Отмечается развитие обрабатывающей промышленности, связанной с животноводческой, растениеводческой и добывающей отраслями. Исследование посвящено процессу формирования экономического ландшафта региона в результате реализации экономической политики Российской империи, направленной на освоение новых территорий. В заключении подчеркивается необходимость учета накопленного исторического опыта для современного развития предпринимательства в аграрном секторе республик. *Выводы.* Современное состояние предпринимательства и промышленности в Кыргызстане следует рассматривать через призму исторического опыта дореволюционного периода, что позволяет выявить основы рыночной трансформации и подчеркивает необходимость учета накопленного исторического опыта для эффективного развития предпринимательства, особенно в аграрном секторе республики.

Ключевые слова: Северный Кыргызстан, Семиречье, Пишпекский уезд, Пржевальский уезд, национальная окраина, предпринимательство, промышленные заведения, конец XIX – начало XX в.

Для цитирования: Батырбаева Ш. Д. Динамика развития сельскохозяйственной промышленности Пржевальского и Пишпекского уездов Семиреченской области в конце XIX – начале XX в. в условиях их хозяйственного освоения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 30–46. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-3

**The dynamics of agricultural industry development in Przhevalsky and
Pishpek districts of the Semirechye region
at the turn of the 19th and 20th centuries
under economic expansion**

© Батырбаева Ш. Д., 2024. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Sh.D. Batyrbaeva

Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President
of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic
shaira60@mail.ru

Abstract. *Background.* The purpose of the study is to analyze the historical aspects of the dynamics of industrial establishments in Northern Kyrgyzstan in the context of the development of a new territory as a national outskirts of the Przhevalsky and Pishpek districts of the Semirechye region in the late 19th – early 20th centuries. *Materials and methods.* The study is based on the data of the “Surveys of the Semirechye Region” from 1882 to 1900, 1906 and 1913. *Results.* The time frame was determined by the administrative status of the Semirechye region of the Turkestan Governorate-General: from 1882 to 1899 it was part of the Steppe Governorate-General, and 1906 marked the active phase of peasant resettlement. The year 1913 is considered as a milestone of more than half a century of Northern Kyrgyzstan being a part of Russia as a national outskirts, in this context the development of the manufacturing industry associated with livestock, crop and mining industries is noted. The study analyzes the process of formation of the economic landscape of the region as a result of the implementation of the economic policy of the Russian Empire on the development of a new national outskirts. In conclusion, the need to take into account the accumulated historical experience for the modern development of entrepreneurship in the agricultural sector of the republics is emphasized. *Conclusions.* The current state of entrepreneurship and industry in Kyrgyzstan should be viewed through the prism of the historical experience of the pre-revolutionary period, which allows us to identify the foundations of market transformation and emphasizes the need to take into account the accumulated historical experience for the effective development of entrepreneurship, especially in the agricultural sector of the republic.

Keywords: Northern Kyrgyzstan, Semirechye, Pishpek district, Przhevalsky district, national outskirts, entrepreneurship, industrial establishments, late 19th – early 20th century

For citation: Batyrbaeva Sh.D. The dynamics of agricultural industry development in Przhevalsky and Pishpek districts of the Semirechye region at the turn of the 19th and 20th centuries under economic expansion. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(4):30–46. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-3

С приобретением независимости и переходом к рыночным условиям, сопровождавшимся введением частной собственности на землю и средства производства, в странах, ранее входивших в состав Советского Союза, усилились тенденции к предпринимательскому движению, открывающему возможности для повышения экономического уровня и благосостояния. Сегодня, в условиях восстановления рыночных отношений, заложенных еще в XIX в., возникает необходимость в глубоком понимании исторического опыта развития. Выявленный положительный опыт развития, в частности в сельскохозяйственном производстве в период освоения национальных окраин Российской империей, может существенно способствовать пониманию особенностей трансформации экономической системы современной Кыргызской Республики и помочь в преодолении современных вызовов и определении перспектив развития. Именно в период, когда Северный Кыргызстан входил в состав Семиреченской области Туркестанского генерал-

губернаторства Российской империи с конца XIX до начала XX в., произошли существенные изменения в хозяйственной, культурной и экономической жизни региона, которые в значительной мере определялись политикой освоения, проводимой в национальных окраинах империи.

Актуализация накопленного опыта внедрения рыночных механизмов в дореволюционном Северном Кыргызстане становится необходимой, поскольку положительные аспекты освоения новых территорий Российской империей, включая опыт предыдущих поколений промышленных заведений, остаются недостаточно изученными на сегодняшний день. В условиях национального возрождения особое внимание национальной исторической науки привлекает изучение аграрной истории Северного Кыргызстана, который стал эпицентром восстания 1916 г., что делает эту тему центральной в современных исследованиях [1, 2]. Анализ советской исторической литературы показывает, что в условиях господства марксистско-ленинской идеологии события изучаемого периода были подробно описаны, однако не всегда были осмыслены причинно-следственные связи и закономерности развития промышленных заведений, занимающихся обработкой продукции [3]. Оценки состояния таких заведений часто отсутствовали, поскольку основное внимание уделялось последствиям колонизации региона, а не комплексному изучению процессов освоения нового края с учетом всех их аспектов.

Следовательно, в кыргызстанской историографии история промышленных заведений остается актуальной проблемой, требующей дальнейшего изучения, особенно в контексте переселенческой политики в Северном Кыргызстане. Исходя из вышеизложенного, данная статья рассматривает промышленные заведения в Северном Кыргызстане с учетом особенностей региона, где основное население вело кочевой или полукочевой образ жизни, занимаясь скотоводством. Основной фокус статьи сосредоточен на предприятиях, специализирующихся на обработке продукции животноводства. Исследование развития данного сектора позволяет более ясно увидеть изменения в этой сфере. Развитие промышленных заведений этого направления неразрывно связано с хозяйственной деятельностью местного населения. Понятие «промышленные заведения» будет рассматриваться через призму предпринимательства, обрабатывающего продукцию животноводства. Дискурс о предпринимательстве возник еще на ранних этапах развития экономической науки, однако до сих пор существуют споры относительно его определения и мотивации людей, выбирающих предпринимательство как основную деятельность. Результаты этих дискуссий полностью не раскрыли феномен предпринимательства [4].

В изучении промышленных заведений Северного Кыргызстана в конце XIX – начале XX в. важно учитывать специфические исторические условия, при которых регион развивался под влиянием политики Российской империи по освоению новых территорий национальных окраин. В этот период концепция монархистов и консерваторов, поддерживавших развитие через русскую колонизацию, одержала верх в высших эшелонах власти в противовес концепциям либералов, которые, напротив, акцентировали внимание на увеличении государственных вложений, механизации сельского хозяйства и привлечении зарубежных инвестиций для модернизации региона [5].

Таким образом, именно концепция русской колонизации, в отличие от стратегии увеличения государственных инвестиций, механизации сельского хозяйства и привлечения зарубежного капитала для модернизации, стала доминирующей в экономическом развитии Северного Кыргызстана в указанный период. Одной из ключевых идей было переселение крестьян в новый регион с предположением, что создание промышленности и развитие торговли привлекут русских переселенцев и способствуют интеграции региона в общее экономическое пространство Российской империи. Освоение новых территорий, таким образом, прежде всего отразилось на структуре расселения и динамике численности населения в Пржевальском и Пишпекском уездах Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства, которые составляли основную часть Северного Кыргызстана. Эти уезды были включены в район активного заселения, способствующего модернизации края через переселение в национальные окраины.

Пржевальский уезд, расположенный в юго-восточной части Семиреченской области и образованный в 1869 г., занимал площадь 46,379 кв. верст. С 1900 г. уезд был разделен на Пржевальский и Атбашинский участки. Местное население занималось различными видами сельского хозяйства и ремеслами, такими как пчеловодство, рыболовство и охота, а кочевые кыргызы – скотоводством. Уезд производил значительные объемы зерновых культур, картофеля, льна и меда. Основные населенные пункты включали Сазановку, Преображенское, Теплоключенку, Сливкино, Самсоновку, Темировку, Чолпон-Атинское, Михайловку, казачьи станицы Куланак и Николаевку. Рост числа хозяйств был интенсивным, села развивались на местах почтовых трактов и воинских укреплений. Обработка зерна была развита во всех селениях, кроме Рыбачьего и Нарына. В Нарыне и Ат-Баши было значительное количество торговых заведений, а также организован центр по отлову и продаже диких животных. Пржевальский уезд стал местом активного заселения в ходе столыпинской аграрной реформы, способствовавшей быстрому росту домохозяйств и превращению уезда в экспортера зерна.

Пишпекский уезд, занимавший западную часть Семиреченской области на площади 80,480 кв. верст, также активно развивался в этот период. В нем получили развитие земледелие и скотоводство, а также были организованы торговля, огородничество и садоводство. Город Пишпек был центром торговли, земледелия, огородничества и садоводства. Оседлое население занималось земледелием, а полукочевое – скотоводством. Жители пригородных сел Пишпека занимались огородничеством и садоводством, а также рыболовством и звероловством. Основные населенные пункты уезда включали Токмак, Кара-Балту, Лебединовку, Александровское, Николаевку, Петровское, Георгиевку и Ивановку.

Динамика численности населения в Северном Кыргызстане за период с 1897 по 1913 г. отражает значительный рост. В 1897 г. население Пишпекского уезда составляло 176 577 человек, что составляло 15,08 % от общей численности Семиреченской области, а к 1913 г. увеличилось до 244 162 человек, что соответствует приросту на 138,28 %. Пржевальский уезд в то же время насчитывал 139 409 жителей в 1897 г. (18,37 % от общего населения области) и 185 586 человек в 1913 г., что представляет прирост на 133,12 %. Вместе эти уезды составляли около трети общей численности насе-

ления Семиреченской области, и их высокие темпы роста населения с 1897 по 1913 г. (136 %) превышали средний показатель по области в 124,36 % [6, с. 4].

На 1 января 1912 г. в Пишпекском уезде проживало 182 509 киргизов, 9623 дунганина, 51 869 русских и 8047 представителей других национальностей, всего 251 948 человек. В Пржевальском уезде численность киргизов составляла 142 903 человека, дунган – 1414, русских – 31 465 и прочих – 13 915, всего – 189 697 человек. Эти данные демонстрируют значительное присутствие русского населения, особенно в Пишпекском уезде, что отражает активную русскую колонизацию и соответствующую политику модернизации края, поддерживаемую монархистами и консерваторами [7, с. 244].

В развитии промышленных заведений, обрабатывающих продукцию сельского хозяйства, в Северном Кыргызстане ключевую роль играли уездные города Пишпек и Пржевальск. Они стали не только административными и культурными центрами, но и основными пунктами торговых маршрутов, где реализовывались различные товары, что значительно усилило их роль в жизни региона. В период с 1897 по 1913 г. городское население этих двух городов значительно превысило средний темп роста для городов Семиреченской области. В Пишпекке население увеличилось с 6615 человек в 1897 г. до 20 201 человека в 1913 г., что составляет прирост в 305,38 %. Темп роста населения Пржевальска также существенно превысил общий средний уровень: с 8108 человек в 1897 г. до 15 418 человек в 1913 г., что соответствует увеличению в 190,15 % [6, с. 5; 8]. Эти высокие темпы роста городского населения указывают на значительное привлечение населения к этим городам в указанный период, что сыграло ключевую роль в развитии и расширении промышленных предприятий в этих уездах. В процессе освоения новых территорий и развития г. Пржевальск и Пишпек в начале XX в. особенно важными стали развитие земледелия и налаживание связей с уездными городами. Несмотря на удаленное месторасположение Пржевальска, его развитие стало возможным благодаря активному развитию связей с округами и вывозу сельскохозяйственной продукции из глубинки. Влияние земледелия на развитие уездных городов в начале XX в. стало все более заметным, особенно благодаря крупному потоку переселенцев. Именно их адаптация, удовлетворение потребностей и продажа сельскохозяйственной продукции стали важными стимулами для развития этих городов.

Для обзора промышленных заведений в Северном Кыргызстане были использованы приложения к «Обзорам Семиреченской области». В этих приложениях заведения, занимающиеся обработкой продукции, были систематизированы в специальной ведомости под названием «Заводы и фабрики», в соответствии с установленными в России разрядами для уплаты основного промыслового налога. Предприятия были разделены на 8 разрядов: от 4 до 8. В начале XX в. промышленные заведения Семиреченской области в основном относились к 7 и 8 разрядам, что означало, что на них работало от 4 до 9 рабочих, а при использовании механических двигателей – от 4 до 7 рабочих [9, с. 166–167]. В приложениях к обзорам подчеркивалось, что фабрики и заводы этой области включали в себя винокуренные заводы, табачные и гильзовые фабрики, крупчаточные мельницы и мойки шерсти, где работало до 800 человек. Остальные производства считались кустарно-ремесленными

с одним-двумя рабочими, а чаще всего с единственным владельцем, который был и хозяином, и работником [10, с. 50]. Таким образом, в общей сложности в приложениях выделялись три категории промышленных заведений: «Обрабатывающие животные продукты», «Обрабатывающие растительные продукты» и «Обрабатывающие ископаемые продукты».

Для полного представления о промышленных предприятиях, обрабатывающих продукцию животноводства в Северном Кыргызстане, был проведен обзор промышленных заведений, занимающихся обработкой растительной и ископаемой продукции в уездах Пржевальск и Пишпек в динамике с 1882 по 1900, 1906 и 1914 гг. Временные рамки исследования (1882, 1900, 1906 и 1914 гг.) выбраны с учетом административно-территориальных изменений и ключевых исторических событий, повлиявших на развитие региона. С 1882 по 1899 г. Семиреченская область входила в состав Степного генерал-губернаторства, а с 1900 г. была включена в Туркестанское генерал-губернаторство, что отражает этапы экономического и административного развития территории. В 1906 г. началась активная фаза переселения крестьян и реализация столыпинской аграрной реформы, что стало важным этапом в динамике развития сельскохозяйственной промышленности региона. Завершающим периодом исследования выбран 1914 г. – начало Первой мировой войны, которая кардинально изменила социально-экономическую ситуацию и дальнейшее развитие региона (см. приложение).

В Пишпекском уезде в 1883 г. отсутствовали предприятия по обработке растительной продукции. К 1914 г. их количество возросло до 301, что свидетельствует о значительном развитии данной отрасли. В уезде появились заводы по производству вин, водки, пива, сыроваренные и крупночистильные мельницы, маслобойни, фабрики искусственного чая, а также обрабатывающие рис. Общий объем производства вырос с 18 260 до 214 000 руб., а количество занятых рабочих увеличилось с 131 до 433 человек.

В Пржевальском уезде наблюдается аналогичная динамика: количество предприятий по обработке растительной продукции увеличилось с 9 в 1883 г. до 262 в 1914 г. Здесь также появились маслобойни, крупночистильные мельницы, табачные заводы и фабрики по производству масел. Объем производства возрос с 1300 до 67 000 руб., а количество занятых рабочих увеличилось с 124 до 307 человек. Эти изменения отражают укрепление промышленной базы области и адаптацию к растущим экономическим потребностям за рассматриваемый период времени (см. приложение).

Искомая продукция, включающая гончарное, известковое, кирпичное и частично металлообрабатывающее производство, имеет свои особенности в контексте развития социальной инфраструктуры Северного Кыргызстана с конца XIX до начала XX в. В Пишпекском и Пржевальском уездах количество предприятий, занимающихся этим видом производства, оставалось относительно невеликим и демонстрировало несущественный рост к 1914 г. Например, в Пишпекском уезде к 1914 г. было всего 6 предприятий, производящих искомые продукты, с общим объемом производства 1500 руб., занятых 6 рабочими. Пржевальский уезд в то же время показал небольшой рост с 4 до 8 предприятий с объемом производства 1500 руб., занятых 8 рабочими к 1914 г. (см. приложение).

Эти данные свидетельствуют о том, что производство искомым продуктов в обоих уездах было в основном направлено на удовлетворение потребностей в строительных материалах и ремесленных изделиях и не играло ключевой роли в экономике региона. Рост этого сектора был ограничен спросом на социальное строительство и местные потребности. Коренное население традиционно продолжало жить в юртах, и переход к оседлости происходил очень медленно. Предприятия, занимающиеся искомой продукцией, удовлетворяли нужды как переселенцев, так и краевой администрации, что отражает специфику развития промышленности в сельской экономике Северного Кыргызстана в указанный период времени.

При анализе динамики промышленных заведений, занимающихся обработкой животных продуктов в Пишпекском и Пржевальском уездах Северного Кыргызстана с 1882 по 1914 г., видны значительные изменения в структуре и производственных показателях. В начале периода в обоих уездах наблюдалось незначительное количество заводов с ограниченной производственной мощностью и числом рабочих. К 1900 г. произошел значительный рост числа предприятий и производственных показателей: Пишпекский уезд имел 25 заводов с общим числом рабочих 54 и суммой производства 28 112 руб., в то время как в Пржевальском уезде было 20 заводов с 74 рабочими и суммой производства 46 100 руб. Однако к 1906 г. наблюдалось снижение числа заводов, хотя общие производственные показатели оставались значительными: общее количество заводов сократилось до 36, рабочих – до 82, а сумма производства составила 28 809 рублей. К 1914 г. отмечается восстановление и дальнейший рост промышленных мощностей: в Пишпекском уезде было 5 заводов с 35 рабочими и суммой производства 51 000 руб., а в Пржевальском уезде – 29 заводов с 104 рабочими и суммой производства 88 700 руб. (см. приложение).

Эти данные свидетельствуют о значимости промышленного сектора обработки животных продуктов для экономики региона, отражая его интеграцию во всероссийские рынки сельскохозяйственной продукции и продуктов животноводства, что способствовало росту и развитию обоих уездов Северного Кыргызстана.

В пределах всей Семиреченской области, где действовало 128 предприятий по переработке продукции животноводства с общим объемом производства в 1 199 960 руб. и численностью рабочих в 997 человек, доля Северного Кыргызстана была менее значительной. В Северном Кыргызстане находилось 26,6 % от общего количества предприятий области, но их сумма производства составляла лишь 7,4 % от общей суммы производства, а число рабочих – 10,3 % от общего числа рабочих в области. Это указывает на меньшую производственную мощность и эффективность предприятий Северного Кыргызстана по сравнению с другими уездами Семиреченской области, что требует дальнейшего исследования и возможного вмешательства для повышения экономической продуктивности региона.

Анализ данных с 1892 по 1912 г. о промышленных заведениях, обрабатывающих животные продукты, в Семиреченской области демонстрирует значительные изменения в структуре и производственных показателях. Мыловаренные заводы увеличились с 14 до 35, однако производительность

на одно предприятие снизилась с 747 до 481, что может указывать на появление множества мелких заводов. Количество восковых свечных заводов сохранилось (1 завод), но его производительность уменьшилась с 9100 до 5000, что, возможно, связано с изменением спроса или технологий. Кожевенные заводы показали значительный рост, увеличившись с 36 до 61, хотя производительность на одно предприятие снизилась с 3121 до 2959, что также указывает на увеличение числа малых предприятий. Сукновальные заводы, наоборот, сократились в количестве с 2 до 1, но их производительность резко возросла с 95 до 50 000, что свидетельствует о внедрении новых технологий или методов производства. В начале XX в. появились новые отрасли: овчинные заводы (18 заводов с производительностью 978), церковные свечные заводы (1 завод с производительностью 4000), кишкоочистительные заводы (3 завода с производительностью 8667) и мойки шерсти (8 заводов с производительностью 112 500). Эти данные отражают диверсификацию промышленного сектора и адаптацию к новым рыночным потребностям, что способствовало развитию региона (табл. 1).

Таблица 1

Промышленные заведения, обрабатывающие животные продукты,
в Семиреченской области [11, прил. 2; 12, ведомость 8]

Название фабрик и заводов	Количество заводов		Производительность на одном предприятии	
	1892 г.	1912 г.	1892 г.	1912 г.
Мыловаренные	14	35	747	481
Восковых свеч	1	1	9100	5000
Кожевенные	36	61	3121	2959
Сукноваленные	2	1	95	50 000
Новые отрасли, появившиеся к началу XX в.				
Овчинные	–	18	–	978
Церковные свечи	–	1	–	4000
Кишкоочистительные	–	3	–	8667
Мойки шерсти	–	8	–	112 500

По структуре промышленных заведений Пржевальского и Пишпекского уездов проходили аналогичные изменения (табл. 2). Во второй половине XIX в. промышленные заведения, занимающиеся переработкой продуктов скотоводства, находились на самом раннем этапе развития из-за недостатка капитала, знаний и предпринимательских инициатив. Даже такие продукты, как кожи и сало, вывозились за пределы области в качестве сырья. Местное население выделывало значительное количество кож и овчин для собственного потребления, но оно не удовлетворяло потребностей области, и значительное количество кожи привозилось из Сибири и внутренних губерний.

Таблица 2

Динамика численности промышленных заведений,
обрабатывающих животные продукты
[8, ведомость 5; 13, ведомость 9; 14, ведомость 11; 15, прил. 2]

Годы	Количество заводов	Количество рабочих	Сумма производства (в рублях)	Количество заводов	Количество рабочих	Сумма производства (в рублях)	Количество заводов	Количество рабочих	Сумма производства (в рублях)
Обделывающие животные продукты Пишпекского уезда Семиречинской области									
	г. Пишпек			Уезд			Итого		
1882	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1900	8	26	12 350	17	68	45 450	25	120	57 800
1906	11	12	2250	10	29	19 700	21	31	21 950
1914	4	26	31 000	1	9	20 000	5	35	51 000
Обделывающие животные продукты Пржевальского уезда Семиречинской области									
	г. Пржевальск			Уезд			Итого		
1882	0	0	0	7	19	6640	7	19	6640
1900	17	28	15 762	3	6	650	20	34	16 452
1906	9	31	3659	6	10	3200	15	41	6850
1914	14	40	28 100	15	28	9600	29	68	37 700
Обделывающие животные продукты Северного Кыргызстана (Пржевальский и Пишпекский уезды)									
	Города			Уезды			Итого		
1882	0	0	0	7	19	6640	7	19	6640
1900	25	54	28 112	20	74	46 100	45	128	74 212
1906	20	43	5909	16	39	22 900	36	82	28 809
1914	28	66	59 100	16	38	29 600	44	104	88 700

Помимо кожевенных заводов в области было небольшое количество мыловаренных и маслобойных заводов, которые работали по примитивным методам производства. В Пишпекском уезде в начале 1885 г. началось производство высококачественного сыра, что значительно способствовало экономике региона, ориентированной на скотоводство. Основателями производства стали отставной титулярный советник И. Шалабанов и садовод А. М. Фетисов. Сыроварни Фетисова находились как в городе, так и в урочище Чон-Курчак. На его ферме содержалось до 230 голов скота, который благодаря

постепенному скрещиванию местных пород коров с голландскими и русскими улучшался, и годовая производственная мощность составляла до 500 пудов по швейцарской системе. Местный сыр отличался высоким качеством и относительно низкой ценой по сравнению с импортным, что способствовало его успешной реализации как на местном рынке, так и за его пределами, включая г. Верный, Ташкент, Аулие-Ата, Каракол и Самарканд в зависимости от спроса. На выставке в Омске в 1892 г. представленная А. М. Фетисовым сыроваренная продукция «на манер швейцарского сыра хорошего качества» вызвала большой интерес. Павильон А. М. Фетисова, организованный в киргизской юрте, посетил император Александр III [16, с. 35]. Следует отметить, что развитие новых направлений промышленных заведений в значительной мере зависело не только от природных условий, как отмечено в обзоре, но и от личности инициаторов. Например, в 1890 г. продолжительная зима и недостаток сена привели к сокращению объемов производства сыра до 70 пудов. В этом же году было реализовано 45 пудов сыра на сумму 810 руб., однако часть продукции оставалась непроданной до полного созревания. Со смертью А. М. Фетисова в 1894 г., несмотря на появление другого крупного сыродела Иванова, данное направление не получило должного развития. Соответственно, при изучении истории промышленных заведений в процессе освоения нового края важно учитывать как природные, так и человеческие факторы, которые оказали влияние на формирование новых направлений в промышленности на этих территориях.

Ведущей отраслью хозяйствования было животноводство, которое служило основным источником сырья для перерабатывающей промышленности. Именно поэтому кожевенные заводы стали одними из первых предприятий в Пишпекке. Самым крупным из них был завод Енгальчева, который производил до 6000 шкур в год. Заводы Василия Пашкова обрабатывали 4000 шкур, Гладкова и Пулагбаева – 2000, Розынбаева – 1000 [16, с. 35]. В 1912 г. в Семиреченской области функционировало три кишкоочистительных заводов, из которых два находились в Пишпекском и Пржевальском уездах. Основной фигурой в этой отрасли был немецкий подданный Г. В. Дюршмитд – крупный верненский купец, контролировавший монополию на производство. Его бизнес включал скупку сырья, такого как шерсть и сало, а также экспорт этих продуктов. В 1916 г. в регион начинает проникать Русско-Азиатский банк с целью завоевания монопольного положения в производстве и торговле продуктами животноводства Центральной Азии. Для укрепления своего положения банк финансирует создание акционерного Западно-Азиатского торгово-промышленного общества, объединяющего крупные предприятия отрасли, включая «Наследники Г. В. Дюршмитда» и «А. В. Емельянов и В. Г. Сорокин». Это общество планировало заниматься скупкой, переработкой и торговлей продуктами животноводства, что стало шагом к консолидации рынка и укреплению экономического влияния банка в регионе [7, с. 196–197, 227]. Эти предприятия обеспечивали значительный вклад в экономику региона.

Все эти промышленные предприятия, за исключением кишкоочистительных, удовлетворяли только местные потребности и не выпускали продукцию животноводства для экспорта в сыром или полуобработанном

виде. Промышленные предприятия, занимающиеся переработкой животноводческой продукции, были малочисленными. Большая часть таких продуктов, как овечья и верблюжья шерсть, а также волосы, экспортировалась в сыром виде и очищалась на месте для снижения стоимости транспортировки до фабрик. Кожи также экспортировались в значительных количествах в сыром виде. Несмотря на существование кожевенных заводов, их продукция не могла конкурировать по качеству с товарами из Европейской России из-за трудностей в привлечении квалифицированных мастеров [17, с. 35]. Высокий объем вывоза рогатого и мелкого рогатого скота свидетельствовал о значительной потребности региональных продуктов скотоводства на других рынках, что подтверждает конкурентоспособность продукции, способствующую активному экспорту. Значительный объем сырых животных продуктов, таких как свежее мясо и сало, также находил спрос на внешних рынках [14, с. 72].

В 1914 г. промышленные предприятия, занимающиеся переработкой продукции животноводства, играли значительную роль в экономике Северного Кыргызстана, который включал уезды Пржевальск и Пишпек. В Пишпекском уезде отмечался заметный рост производственных мощностей с общей суммой производства в 51 000 руб. на 5 предприятиях, где работало 35 рабочих. В Пржевальском уезде к тому времени было открыто 29 предприятий с численностью рабочей силы 104 человека и общий объем производства составил 88 700 руб. Эти данные свидетельствуют о небольшом росте как числа предприятий, так и производственных показателей в секторе переработки животной продукции обоих уездов к 1914 г., по сравнению с обработкой сельскохозяйственной продукции (см. приложение).

Анализ деятельности промышленных предприятий за 1914 г. показывает, что Пишпекский уезд проявил более высокую производственную активность и экономическую эффективность по сравнению с Пржевальским уездом. Это особенно заметно в секторе переработки сельскохозяйственной продукции, где Пишпекский уезд значительно опережал Пржевальский уезд по числу предприятий, объему производства и численности рабочих. Основные выводы подчеркивают, что Пишпекский уезд доминировал по всем ключевым показателям: числу предприятий, объему производства и численности рабочей силы. Пржевальский уезд имел больше предприятий, занимающихся переработкой продуктов животноводства, но уступал по объему производства и численности рабочих. Оба уезда были слабо развиты в секторе переработки ископаемых продуктов. Эти различия подчеркивают неравномерное промышленное развитие между двумя уездами Северного региона Семиреченской области.

Промышленная обработка продуктов сельского хозяйства и животноводства в регионе оставалась низкоразвитой из-за отдаленности и недоступности транспортных путей. Преимущественно промышленные заведения занимались базовой обработкой продукции, что не всегда удовлетворяло потребности местного населения. Пишпекский уезд опережал Пржевальский по количеству предприятий, сумме производства и числу рабочих, особенно в секторе обработки растительных продуктов. Пржевальский уезд имел больше предприятий, занимающихся обработкой животных продуктов, но отставал по производительности. Оба уезда слабо развиты в секторе

обработки ископаемых продуктов. Промышленные предприятия, обрабатывающие продукцию животноводства к началу Первой мировой войны, перешли от кустарно-ремесленного производства к промышленной обработке. Несмотря на небольшое количество рабочих, ограниченное оборудование и ориентацию на вторичный рынок для дальнейшей переработки, производственные технологии стали промышленными. Предприниматели стремились получать прибыль не только от купли-продажи, но и за счет производства полуфабрикатов. Учитывая специфику области, где скотоводство было основным занятием местного населения, такое направление в обработке продукции животноводства как по размеру, так и по характеру должно было стать промежуточным звеном к крупному предпринимательству.

Исходя из вышеизложенного, современное состояние Кыргызской Республики в период перехода рассматривается как преемник плановой экономики советского периода, что ограничивает полное раскрытие результатов рыночной экономики из-за недостаточного учета исторического контекста развития. В ретроспективе лишь изредка проводятся параллели отдельных аспектов этих процессов. В связи с этим актуальность исследования развития предпринимательства через призму развития обрабатывающих промышленных заведений в последней четверти XIX – начале XX в. обосновывается возможностью системного анализа современных проблем промышленного сектора и торговли, а также их долгосрочных исторических перспектив.

Изменения в хозяйственной, культурной и экономической жизни Северного Кыргызстана до революции напрямую зависели от политики освоения края Российской империей. Анализ промышленных заведений показал, что в дореволюционный период в крае были заложены основы структуры обрабатывающих предприятий, регулируемой рыночными механизмами. Произошел переход от простой реализации сельскохозяйственных излишков к их активной переработке. Появление новых производств, включая обработку животных, растительных и ископаемых продуктов различного типа, стало возможным благодаря уже существовавшим промыслам.

В конце XIX – начале XX в. в Семиреченской области был накоплен ценный экономический и хозяйственный опыт, который сохраняет актуальность для современности. Параллели между дореволюционным периодом и сегодняшним временем заключаются в возможности использования исторических примеров освоения национальных окраин Российской империи для укрепления предпринимательского потенциала. Опыт прошлого может быть адаптирован к современным реалиям для решения актуальных задач экономического развития и эффективного хозяйственного управления.

Приложение

Таблица П.1

Динамика промышленных заведений Северного Кыргызстана с 1882 по 1913 г.
[8, ведомость 5; 13, ведомость 11; 14, ведомость 11; 18, ведомость 2]

Уезды	Род фабрик и заводов	1883 г. (ведомость № 2)			К 1 января 1900 г.			1906 г.			1914 г.		
		Количество предприятий	Сумма производства	Количество рабочих	Количество предприятий	Сумма производства	Количество рабочих	Количество предприятий	Сумма производства	Количество рабочих	Количество предприятий	Сумма производства	Количество рабочих
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Пишпек	Обделывающие животные продукты	0	0	0	8	12 350	26	11	2250	12	4	31 000	26
	Обрабатывающие растительные продукты	0	0	0	12	3600	15	15	7300	15	18	107 000	61
	Обрабатывающие искомые продукты	0	0	0	2	2000	6	4	650	5	2	1500	6
	Итого	0	0	0	22	17 950	47	30	10 200	22	24	139 500	93
Пишпекский уезд	Обделывающие животные продукты	0	0	0	17	45 450	68	10	19 700	29	1	20 000	9
	Обрабатывающие растительные продукты	0	0	0	98	14 660	116	86	91 840	127	283	107 000	372
	Обрабатывающие искомые продукты	0	0	0	1	1000	4	0	0	0	0	0	0
	Итого	0	0	0	116	61 100	87	96	111 540	156	284	127 000	381

Продолжение табл. П.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Пищек Пищекский уезд	Обделяющие животные продукты	0	0	0	25	57 800	120	21	21 950	31	5	51 000	35
	Обрабатывающие растительные продукции	0	0	0	110	18 260	131	101	99 140	142	301	214 000	433
	Обрабатывающие искомые продукты	0	0	0	3	3000	10	4	650	5	2	1500	6
	Итого	0	0	0	138	79 060	134	126	121 740	178	308	266 500	474
Пржевальск	Обделяющие животные продукты	0	0	0	17	15 762	28	9	3650	31	14	28 100	40
	Обрабатывающие растительные продукции	0	0	0	24	7500	38	19	4140	34	9	29 000	30
	Обрабатывающие искомые продукты	0	0	0	3	600	6	0	0	0	2	1000	6
	Итого	0	0	0	44	23 862	72	28	7790	65	25	58 100	76
Пржевальский уезд	Обделяющие животные продукты	7	6640	19	3	650	6	6	3200	10	15	9600	28
	Обрабатывающие растительные продукции	9	1300	30	83	4190	86	280	13 095	90	253	38 000	277
	Обрабатывающие искомые продукты	0	0	0	1	30	1	4	1000	7	1	500	2
	Итого	16	7940	49	87	4870	93	290	17 295	107	269	48 100	307

Окончание табл. П.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Пржевальск Пржевальский уезд	Обделяющие животные продукты	7	6640	0	20	16 452	34	15	6850	41	29	37 700	68
	Обрабатывающие растительные продукции	9	1300	0	107	7990	124	299	17 235	93	262	67 000	307
	Обрабатывающие искомые продукты	0	0	0	4	630	7	4	1000	7	3	1500	8
	Итого	16	7940	0	131	25 072	158	318	25 085	141	274	106 200	383
Семиречье	Обделяющие животные продукты	14	42 245	72	145	188 361	367	113	144 445	290	128	1 199 960	997
	Обрабатывающие растительные продукции	36	478 091	252	894	322 508	1330	1593	1 065 356	1575	2148	2 877 500	3099
	Обрабатывающие искомые продукты	4	5160	50	52	13 720	116	30	2850	49	34	45 200	104
	Итого	54	525 496	374	1091	524 589	818	1736	1 212 651	1914	2310	4 122 660	4200

Список литературы

1. Алымбаев Ж. Б. Общественно-политическая жизнь кыргызов в российской историографии второй половины XVIII – начале XX вв. Бишкек, 2009. 288 с.
2. Жакыпбеков Ж. Социально-экономическое и политическое развитие Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX веков: историография проблемы. Бишкек, 2003. 287 с.
3. Бедельбаев А. Б. История развития предпринимательства в Семиреченской области в конце XIX и начале XX века в исследованиях ученых советского периода // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. 2019. № 4. С. 133–136.
4. Буймов А. А. Сравнительный анализ теорий предпринимательства в рамках исторического подхода // Human Progress. 2023. Т. 9, вып. 1. С. 23–55.
5. Алимджанов Б. А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 376 с.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : в 89 т. Т. 85: Семиреченская область. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. Мин-ва внутр. дел, 1905. 149 с.
7. Васильев В. А. Семиречинская область как колония и роль в ней Чуйской долины: введение к проекту. Петроград : Екатерин. тип., 1915. 281 с.
8. Обзор Семиреченской области за 1913 год. Верный, 1914. 110 с.
9. Мырзаханов Е. Н., Сахипов Н. Г. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в дореволюционном Казахстане // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. 2020. № 2. С. 163–173.
10. Обзор Семиреченской области за 1909 год. Верный, 1910. 87 с.
11. Обзор Семиреченской области за 1892 год. Верный, 1893. 91 с.
12. Обзор Семиреченской области за 1912 год. Верный, 1913. 104 с.
13. Обзор Семиреченской области за 1900 год. Верный, 1901. 68 с.
14. Обзор Семиреченской области за 1906 год. Верный, 1907. 121 с.
15. Обзор Семиреченской области за 1882 год. Верный, 1883. 78 с.
16. Петров В. Г. Пишпек Исчезающий 1825–1926. Бишкек : Литературный Кыргызстан, 2005. 100 с.
17. Обзор Семиреченской области за 1905 год. Верный, 1906. 112 с.
18. Обзор Семиреченской области за 1883 год. Верный, 1884. 96 с.

References

1. Alymbaev Zh.B. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' kyrgyzov v rossiyskoy istoriografii vtoroy poloviny XVIII – nachale XX vv.* = *Social and political life of the Kyrgyz in Russian historiography of the second half of the 18th – early 20th centuries*. Bishkek, 2009:288. (In Russ.)
2. Zhakypbekov Zh. *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie Kyrgyzstana vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov: istoriografiya problemy* = *Socio-economic and political development of Kyrgyzstan in the second half of the 19th – early 20th centuries: historiography of the problem*. Bishkek, 2003:287. (In Russ.)
3. Bedel'baev A.B. The history of the development of entrepreneurship in the Semirechye region in the late 19th and early 20th centuries in the studies of scientists of the Soviet period. *Vestnik Kyrgyzskogo natsional'nogo universiteta imeni Zhusupa Balasagyna* = *Bulletin of the Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn*. 2019;(4):133–136. (In Russ.)
4. Buymov A.A. Comparative analysis of entrepreneurship theories within the historical approach. *Human Progress*. 2023;9(1):23–55. (In Russ.)

5. Alimdzhanov B.A. *Economic policy of the Russian Empire in the Turkestan Governorate-General (second half of the 19th – early 20th centuries): PhD dissertation*. Saint Petersburg, 2016:376. (In Russ.)
6. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.: v 89 t. T. 85: Semirechenskaya oblast' = The first general census of the Russian Empire, 1897: in 89 volumes. Volume 85. Semirechinsk region*. Saint Petersburg: Izd. Tsentr. stat. kom. Min-va vnutr. del, 1905:149. (In Russ.)
7. Vasil'ev V.A. *Semirechinskaya oblast' kak koloniya i rol' v ney Chuyskoy doliny: vvedenie k proektu = Semirechensk region as a colony and the role of the Chui valley in it: introduction to the project*. Petrograd: Ekaterin. tip., 1915:281. (In Russ.)
8. *Obzor Semirechenskoy oblasti za 1913 god = Review of the Semirechye region for 1913*. Vernyy, 1914:110. (In Russ.)
9. Myrzakhanov E.N., Sakhipov N.G. Legal regulation of entrepreneurial activity in pre-revolutionary Kazakhstan. *Nauchnyy Al'manakh assotsiatsii France-Kazakhstan = Scientific Almanac of the Franz-Kazakhstan Association*. 2020;(2):163–173. (In Russ.)
10. *Obzor Semirechenskoy oblasti za 1909 god = Review of the Semirechye region for 1909*. Vernyy, 1910:87. (In Russ.)
11. *Obzor Semirechenskoy oblasti za 1892 god = Review of the Semirechye region for 1892*. Vernyy, 1893:91. (In Russ.)
12. *Obzor Semirechenskoy oblasti za 1912 god = Review of the Semirechye region for 1912*. Vernyy, 1913:104. (In Russ.)
13. *Obzor Semirechenskoy oblasti za 1900 god = Review of the Semirechye region for 1900*. Vernyy, 1901:68. (In Russ.)
14. *Obzor Semirechenskoy oblasti za 1906 god = Review of the Semirechye region for 1906*. Vernyy, 1907:121. (In Russ.)
15. *Obzor Semirechenskoy oblasti za 1882 god = Review of the Semirechye region for 1882*. Vernyy, 1883:78. (In Russ.)
16. Petrov V.G. *Pishpek Ischezayushchiy 1825–1926 = Pishpek the Vanishing of 1825–1926*. Bishkek: Literaturnyy Kyrgyzstan, 2005:100. (In Russ.)
17. *Obzor Semirechenskoy oblasti za 1905 god = Review of the Semirechye region for 1905*. Vernyy, 1906:112. (In Russ.)
18. *Obzor Semirechenskoy oblasti za 1883 god = Review of the Semirechye region for 1883*. Vernyy, 1884:96. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Шайыркул Джалдошевна

Батырбаева

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии гуманитарного факультета, Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина (Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Киевская, 44)

E-mail: shaira60@mail.ru

Shayyrkul D. Bатырбаева

Doctor of historical sciences, professor of the sub-department of history and cultural studies of the faculty of humanities, Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, (44 Kievskaya street, Bishkek, Kyrgyz Republic)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 09.09.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.10.2024

Принята к публикации / Accepted 15.11.2024

УДК 94(47).08

doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-4

**Организация народных чтений в конце XIX в.
как проявление модернизации просветительской деятельности
(по самарским материалам)**

Л. М. Артамонова

Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия

artamonovoi@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследование посвящено актуальной проблематике изучения деятельности общественности и органов власти при проведении народных чтений как одного из факторов имперской модернизации культурно-просветительской сферы. Значимость такого изучения для территории Самарского края в 1890-е гг. обусловлена потребностями осмысления и восприятия этого локального опыта в сравнении с имеющимися наработками специалистов по данной теме, сделанными в общероссийских рамках и по другим регионам. *Материалы и методы.* Исследование основано на использовании различных видов источников: законодательства, делопроизводства, статистики, периодики и др. Методологической основой стала модернизационная теория, а также традиционные и современные подходы к научному изучению прошлого, в том числе сравнительно-исторический метод и приемы «локальной истории». *Результаты.* Характеризуется нормативно-правовая база, которая определяла организацию народных чтений во второй половине XIX в., практика их проведения в населенных местах и на различных общественных площадках Самарской губернии, особенно их самого массового варианта в помещении городского театра. *Выводы.* Народные чтения в пореформенные десятилетия способствовали ускорению модернизации в разных частях России и расширению круга ее акторов. При их проведении осваивались технические новшества в средствах обучения, складывались новые формы социальной активности, особенно в культурно-просветительской сфере. Наиболее важное их значение заключалось в поиске эффективных способов и приемов повышения интеллектуального и креативного уровня той части населения, которая не получила систематического образования. Народные чтения оказали заметное модернизационное воздействие на общественную просветительскую деятельность, контроль над которой сохраняло государство.

Ключевые слова: история России, Самарская губерния, внешкольное образование, модернизация, общественность, местные органы власти

Для цитирования: Артамонова Л. М. Организация народных чтений в конце XIX в. как проявление модернизации просветительской деятельности (по самарским материалам) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 47–59. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-4

**Organization of public readings at the end of the 19th century
as a manifestation of the educational modernization
in Samara region**

L.M. Artamonova

Samara State Institute of Culture, Samara, Russia
artamonovoi@mail.ru

Abstract. *Background.* The article is devoted to current problems of studying the activities of the public and authorities during public readings as one of the factors of imperial modernization of the cultural and educational sphere. The significance of such studying for the territory of the Samara region in the 1890s is due to understand and perceive this local experience in comparison with the existing specialists' developments made within the all-Russian framework and in other regions. *Materials and methods.* The article is based on the using various types of sources: legislation, office work, statistics, periodicals, etc. Its methodological basis was the modernization theory, traditional and modern approaches to the scientific study of the past, including the comparative historical method and techniques of "local history". *Results.* The article describes the legal framework that determined the organization of folk readings in the second half of the 19th century, the practice of them in populated areas and at various public venues, especially their most popular version in the premises of the Samara city theater. *Conclusions.* Public readings in the post-reform decades contributed to the acceleration of modernization in various parts of Russia and the expansion of the circle of its actors. During their implementation, technical innovations in educational means were mastered, new forms of social activity were formed, especially in the cultural and educational sphere. Their most important significance was the searching effective ways and methods of increasing the intellectual and creative level of the population did not receive a systematic education. Public readings had a noticeable modernizing effect on educational activity, control over which was retained by the state.

Keywords: history of Russia, Samara province, out-of-school education, modernization, public activity, local authorities

For citation: Artamonova L.M. Organization of public readings at the end of the 19th century as a manifestation of the educational modernization in Samara region. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(4):47–59. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-4

Введение

Актуальность исследуемой темы определяется не только практическим интересом к историческому опыту внешкольной просветительской работы среди детей и взрослых, но и теоретическими вопросами, с ней связанными, например отразились ли в этой деятельности модернизационные процессы конца XIX – начала XX в., активность элементов формирующегося гражданского общества.

В дореволюционную эпоху одним из ярких проявлений указанной деятельности стали народные чтения, которые в 1870-е гг. получили официальный статус, став частью и правительственной политики, и общественной активности в культурно-образовательной сфере, средством приобщения широких масс населения к книжной культуре, художественной литературе и научным знаниям. Изучение этого явления в первые десятилетия организации народных чтений вели видные педагоги и общественные деятели, сами занимавшиеся осуществлением подобного рода мероприятий [1–3].

Новая волна интереса к ним поднялась в исследованиях современных авторов. Они рассматривают народные чтения конца XIX в. в свете и общероссийской системы внешкольного образования и культурно-просветительной работы [4–6], и в региональных рамках, в том числе губерний Нижегородской [7],

Орловской [8] и Тульской [9], Южного Урала [10] и Башкирии [11]. Кроме перечисленных трудов, имеющих отношение преимущественно к истории педагогики, авторами поднимались также вопросы государственного регулирования [12, 13] и содействия организации народных чтений [14], а также связанной с ними издательской деятельности [15]. В вышеназванных трудах материалы по Самарской губернии практически не рассматривались, что определило обращение в данной статье к истории организации народных чтений в географических рамках этого региона. Хронологически исследование ограничено концом XIX столетия в связи с изменением в начале 1900-х гг. нормативно-законодательной базы, регулировавшей условия проведения народных чтений.

Материалы и методы

В большинстве исследований история народных чтений излагается как описание развития конкретных педагогических форм и культурно-просветительских практик. Считаю необходимым расширить задачу, обозначив место этих мероприятий в ряду явлений позднеимперской модернизации страны в целом. Согласимся с теми из указанных авторов, кто справедливо ставит преобразования в социокультурной сфере пореформенной эпохи в один ряд со стремлениями Российского государства к модернизации других его институтов: «управленческий аппарат, правоохранительная система, армия». При этом справедливо отмечено, что в области народного образования власти предоставляли более широкие возможности «общественной просветительской инициативе» [12, с. 67]. В новейших капитальных трудах, основанных на модернизационном подходе к российской истории, народные чтения показаны как явления, которые наряду с общеобразовательной школой меняли традиционные подходы к обучению и социализации [16, с. 218], а вместе с научно обоснованной системой здравоохранения внедряли в повседневность современные санитарные нормы [17, с. 292]. В обобщающем труде по региональной истории Самарского края модернизационные усилия, например, в сфере сельского хозяйства связываются не только с конкретными достижениями в области агрономии или ветеринарии, но и с народными чтениями на сельскохозяйственную тематику, разъяснявшими жителям пользу этих достижений и необходимость их внедрения в практику [18, с. 98, 105–106]. Полагаю, что модернизационный подход наряду с иными традиционными и новейшими методами исторического познания (сравнительно-историческим, «локальной истории» и др.) может служить основанием для создания адекватной объективной и целостной картины народных чтений.

Эту картину верифицируют, дополняют, уточняют различные источники. Среди них следует указать на законодательные и нормативные акты о системе образования в целом и народных чтениях в частности [19], на отчетность организаторов чтений [20, 21], на делопроизводство различных учреждений и обществ, а также сведения об их деятельности и сообщения с мест, опубликованные в периодической печати, справочниках и сборниках [22, 23].

Результаты и обсуждение

Организация и проведение народных чтений в конце XIX в., как уже было сказано, регулировались законодательно. Правда, до 1860-х гг. в кре-

постнической России публичные чтения были сравнительно редким явлением и правовой базы по их регламентации тогда еще не сложилось, власти руководствовались общими установками о необходимости устройства любых массовых мероприятий только с разрешения полиции.

Активизация общественной жизни накануне и в годы Великих реформ изменила ситуацию. Особенно правительство было обеспокоено размахом широкого движения по открытию воскресных школ для взрослых в 1859–1862 гг., выходом его из-под своего контроля и подозрениями в неблагонадежности их организаторов [18, с. 263–264]. Это привело к закрытию воскресных школ, в поддержку которых не раз, как это было и в Самаре, устраивались литературные вечера и чтения [24, с. 10].

В июне 1863 г. по представлению министра народного просвещения А. В. Головина император Александр II подписал указ о том, что народные чтения и публичные лекции разрешались только после утверждения прошений, одобренных как попечителем учебного округа, так и губернатором, возглавлявшим местную администрацию и полицию. При этом «цензура содержательной части выступлений закреплялась за учебным ведомством, а проверка благонадежности лекторов и чтецов – за полицейским» [12, с. 68]. В результате народные чтения в 1860-е гг. вновь стали редким явлением, поскольку разрешение на их проведение получить было весьма сложно.

Однако реформаторский потенциал в верхних эшелонах власти еще не угас. Вскоре инициативы активной части общественности очередной раз нашли понимание у представителей российской «просвещенной бюрократии» – «имперских чиновников, готовивших и проводивших радикальные преобразования в масштабе страны и отдельных регионов» [25, с. 105].

В 1872 г. в Санкт-Петербурге были возобновлены народные чтения, которые проводились под контролем специальной столичной Постоянной комиссии по их устройству. В 1887 г. министром народного просвещения были изданы «Правила для руководства Постоянной Комиссии народных чтений», которая организовывала их в столице и ее окрестностях [19, с. 639–641].

Спустя два года в Москве в 1874 г. Общество распространения полезных книг учредило свою комиссию народных чтений, получив разрешение на их проведение. С 1893 г. здесь руководствовались «Временными правилами комиссии по устройству публичных народных чтений в Москве, состоящей при Обществе распространения полезных книг» [19, с. 641–645].

Наконец, 24 декабря 1876 г. император Александр II подписал общероссийские «Правила для устройства народных чтений в губернских городах» [19, с. 646]. Разрешение на их проведение по просьбам обществ и частных лиц должен был давать попечитель учебного округа при согласии местного губернатора, после чего непосредственное руководство и контроль над чтениями возлагались на директора или инспектора народных училищ данной губернии.

Были установлены при этом два жестких ограничения. Первое – действие этого акта не распространялось на уездные города и сельскую местность, где для получения разрешения на проведение народных чтений требовалось особое высочайшее повеление. Так, в двух больших черноморских портовых городах Николаеве и Севастополе, не уступавших по значению своим губернским центрам – Херсону и Симферополю, разрешения на устройство

народных чтений в 1886–1887 гг. давал лично император Александр III [12, с. 71]. За несколько дней до своей кончины в 1894 г. он же утвердил решение Комитета министров «Об устройстве народных чтений вне губернских городов». Предусматривалось, что позволение на их проведение в уездных городах и селениях должно быть согласовано с министрами народного просвещения и внутренних дел, а также с обер-прокурором Святейшего синода. Непосредственное наблюдение возлагалось на «ближайших представителей духовного или учебного ведомства» при условии, что «нравственная и политическая благонадежность лиц, занимающихся устройством народных чтений, была надлежащим образом удостоверена» [19, с. 647].

Второе важное ограничение заключалось в том, что на чтениях должны были использоваться только те произведения, книги, брошюры, которые были одобрены специальной комиссией при Министерстве народного просвещения или Священным синодом. Упомянутая комиссия не только утверждала и издавала тексты для чтений, но и изготавливала «туманные картинки» – диапозитивы – для показа слушателям. Предусматривалось, что в ходе мероприятия специально назначенный чтец должен произносить текст, ему могли помогать с помощью «волшебного фонаря» – проектора – демонстрировать относящиеся к тексту иллюстрации. Таким образом, людям неграмотным, малограмотным или по какой-либо причине желавшим услышать художественный и познавательный текст в профессиональном исполнении предоставлялась возможность приобщиться к такому материалу.

Народные чтения становились и распространенной обучающей практикой, и «новым дешевым досугом, формой полезного и массового развлечения» [14, с. 79]. Современники замечали, что многие слушатели в 1890-е гг., «когда тем для народных чтений было разрешено очень мало, посещали по нескольку раз одно и то же чтение» [3, с. 200].

Действительно, постепенно народные чтения стали частью повседневной жизни, они вызывали интерес и прививали любовь к самостоятельному чтению, воспитывали вкус у населения. После посещения чтений, к радости их организаторов, росло число тех, кто шел в библиотеки за рекомендованной литературой или приобретал брошюры, выпущенные по тематике чтений [15, с. 51].

Основную часть текстов на народных чтениях составляли художественные произведения. Их дополняли специально написанные тексты просветительского и воспитательного характера, среди которых, по мнению исследователей, «можно выделить три ключевых тематических блока»: любовь к ближнему, трезвость, гигиена и связанное с ней физическое здоровье [14, с. 80].

К началу 1890-х гг. народные чтения были организованы на основании Правил 24 декабря 1876 г. в 42 губернских и 19 уездных городах [3, с. 218]. Самара пока в этом перечне не фигурировала.

История организации народных чтений в Самарской губернии начинается 12 февраля 1893 г., когда с прошением о разрешении их проведения с использованием «волшебного фонаря» к губернатору обратились представители общественности Самары. Среди инициаторов были врач В. О. Португалов, статистик и краевед И. М. Красноперов, педагог А. Р. Данненберг, межевой инженер А. Н. Борисьяк (отец будущего академика – основателя Пале-

онтологического института Российской академии наук), детская писательница А. Л. Толстая (мать будущего известного автора «Буратино» и «Петра Первого») [22, с. 100].

Спустя лишь месяц, 14 марта 1893 г., состоялись первые народные чтения. Самаре, считаем, повезло, так как непростое требование получить позволение у двух разных ведомств (административного и учебного), существовавшее с 1876 до 1901 г., приводило в некоторых случаях к тому, «что чтения разрешались лишь чрез 2–3 года после подачи прошения о разрешении» [3, с. 221]. Лекции прочли Данненберг («О Кольцове»), Красноперов («Татарский погром»), преподаватель истории и географии реального училища Богатырев («Александр Невский»). Чтения прошли дважды в течение дня: утром в помещении городской Думы, а вечером – в Коммерческом собрании. На них присутствовали 144 слушателя, что заставило подыскивать более просторные помещения. Уже 18 марта организаторы чтений попросили Самарскую городскую управу о «дозволении им устроить народные чтения в городском театре» [22, с. 102].

Как оказалось, только самый большой зал города, расположенный в театральном здании, мог вместить всех желающих присутствовать на чтениях. 30 марта народные чтения были проведены уже в этом помещении, благодаря чему на них смогли присутствовать 655 слушателей [22, с. 103].

С тех пор число слушателей на каждых чтениях исчислялось сотнями, а нередко превышало тысячу человек. Иногда они проводились в здании городской думы для меньшего числа слушателей, как это было 28 ноября 1893 г., когда на лекции директора реального училища А. П. Херувимова «Император Александр Благословенный» присутствовало 100 человек [22, с. 105, 117].

Всего же десять народных чтений в 1893 г. посетили 13 264 человека. В 1895 г. таких чтений было проведено уже 28, а количество слушателей составило 23 617 человек [26].

В 1895 г. по разрешению министра народного просвещения была организована еще одна площадка для «народных чтений с туманными картинами». Она находилась в депо станции Самара и предназначалась для «мастеровых, рабочих и низших служащих» железной дороги [22, с. 173, 180].

Постепенно чтения стали проводиться и в других селениях Самарской губернии. Так, осенью 1894 г. при школе в с. Кичуй Ставропольского уезда были открыты «народные чтения религиозно-нравственного содержания». Они сопровождались «показыванием туманных картин и пением хора певчих под управлением диакона Ермолова» [22, с. 141].

В декабре 1894 г. о предоставлении права устраивать «народные чтения» возбудили ходатайство и члены училищного совета уездного Ставрополя (ныне – Тольятти). Правда, открытие чтений в этом городе состоялось только через год – 28 декабря 1895 г. «За вход на чтения платы не установлено, – сообщала газета “Самарский вестник”, – чтения было намечено устраивать по воскресным дням и праздникам, в вечернее время, когда народ идет в пивные и трактиры... Первое чтение имело неожиданный успех в смысле большого наплыва публики. Вся аудитория была битком набита, и часть публики из народа вынуждена была стоять». Схожая картина наблюдалась на народных чтениях «с туманными картинами», начавшихся в конце 1895 г. в самарском пригороде Алексеевске: «Народу набралось столько, что большая

половина не могла поместиться в аудитории. Внимание слушателей не ослабевало до самого конца... Через два дня происходило чтение специально для учащихся в помещении земской школы... Взрослые настолько заинтересовались вечером, что старались силой пробраться в школу» [27].

К началу 1898 г. «народные чтения» были организованы уже в 85 селениях губернии. Из губернского центра в другие места рассылались картинки для «волшебного фонаря», поскольку в распоряжении организаторов чтений в конце 1897 г. уже имелась коллекция, насчитывавшая почти пятьсот диапозитивов. В самой Самаре за 1897 г. только в помещении городского театра прошло 20 народных чтений, одно «литературное утро» и один «народный спектакль», на которых побывали 23 788 человек, в среднем около 1100 человек на одном мероприятии [23, с. 45–46].

Сцена городского театра в Самаре позволяла привлекать публику на народные чтения за счет зрелищности, насыщенности театрализованным и музыкальным действием. Так, в программу чтений 11 января 1898 г. кроме декламирования «Светланы» В. А. Жуковского были включены сцены из трагедии «Борис Годунов» А. С. Пушкина [23, с. 57].

Постепенно привычным становилось появление в программе чтений «музыкальной части». 11 января 1899 г. на них были прочитаны рассказы Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» и И. С. Тургенева «Певцы» с былинной «Садко» в переложении А. К. Толстого. Вместе с ними прозвучали трио скрипки, виолончели, пианино из сочинений Гайдна и несколько произведений, исполненных «хором любителей при участии слепых мальчиков». При этом в Самаре взималась плата за вход со слушателей, поскольку была задействована инфраструктура и служба театрального здания, впрочем, эта плата была небольшой, и с 1207 посетителей в тот день было получено 47 руб. 36 коп. [21, с. 2]. В среднем это составило около 4 коп. с человека, но конкретно цена зависела от занятого места, а много билетов вообще раздавалось бесплатно.

Так, в 1899 г. было продано 105 билетов в ложи, 174 – в кресла первого ряда партера, 4256 – в кресла остальных рядов, 1930 – в амфитеатр. Однако еще больше мест было предоставлено бесплатно: 381 – в ложах, 2 – в первом ряду партера, 233 – в остальных рядах, 447 – в амфитеатре и самое большое число – 6838 – «на балконе и галерее», куда билеты вовсе не продавались [21, с. 16].

Именно о бесплатных и дешевых билетах говорилось в отзывах тех посетителей чтений, жаловавшихся на то, что «очень трудно доставать билеты, так что замучаешься», или в репликах тех из них, что «еле-еле достали билеты, и если бы не достали, то бы так пролезли» [21, с. 19]. Некоторые народные чтения, проводившиеся под названием «литературное утро», были полностью бесплатными. В основном они носили праздничный характер и были приурочены к торжественным событиям. Например, 4 и 5 мая 1896 г. для школьников были организованы литературные утра, которые были посвящены коронации императора Николая II. По этому случаю на них силами преподавателей и учащихся музыкальных классов были поставлены сцены из оперы М. Глинки «Жизнь за царя» [20, с. 9–11].

Переехавший из Тулы мастер П. Л. Чулков воплотил в Самаре в 1897 г. идею «создания хроматической гармонии» [28, с. 13]. После доработки строя

и конструкции этого инструмента в петербургской мастерской П. Е. Стерлигова в 1904–1907 гг. он получил название «баян» в честь древнерусского певца и музыканта, упомянутого в «Слове о полку Игореве». Известно, что 21 ноября 1899 г. на сцене самарского театра Чулков выступил в рамках музыкальной части народных чтений. Им были исполнены вальс «Страдание» румынского композитора И. Ивановича и русская песня «Ночка» в аранжировке А. К. Фарского «на хроматической концертной, собственного производства гармонике» [21, с. 14–15].

На этом выступлении присутствовали 1418 слушателей народных чтений. По оценке современников, Чулков «доказал, что гармоника в руках умелого мастера-виртуоза далеко незаурядный музыкальный инструмент... произвел восторг, не поддающийся описанию, аплодисментами... был бесконечное число раз вызван» [21, с. 18].

В народных чтениях 7 ноября 1899 г. музыкальной части с выступлением артистов не было предусмотрено. Зато публике после прочтения поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри», сказки «Горе» из сборника Афанасьева, лекции «Кровообращение» из цикла «О человеке» и показа «большой серии раскрашенных картин» было «дано объяснение а) об устройстве слухового аппарата человека и б) о происхождении звука и идеи устройства аппаратов, воспринимающих человеческую речь, пение и музыку». После всех пояснений, которые сделал преподаватель реального училища В. В. Кожевников, собравшимся была продемонстрирована техническая новинка под названием «граммофон» с пластинками, «посредством которого передано 12 пьес». Новое устройство настолько понравилось слушателям (их в тот день собралось 1124 человека), «что аплодисментам на “бис” не было конца» [21, с. 13–14, 18]. Несомненно, что такие публичные демонстрации способствовали скорому внедрению граммофонных записей в повседневный быт.

Просветительской общественной активности следовало ожидать поддержки со стороны нового искусства – кино. В литературе справедливо отмечено, что «к появлению кино широкую публику готовили показы “туманных картин” с помощью “волшебного фонаря”», которые «демонстрировались на народных чтениях» [29, с. 24]. В программу чтений в самарском театре, состоявшихся 17 января 1899 г., уже были включены и «эффектные движущиеся картины» [21, с. 2]. Учитывая, что первые показательные сеансы кинематографа в Самаре прошли всего лишь в конце весны 1898 г., надо признать оперативность обращения организаторов народных чтений в этом городе к многообещающему способу эстетического эмоционального воздействия и перспективному техническому средству обучения. Е. Н. Медынский – один из первых дореволюционных авторов, обобщивших опыт народных чтений, предсказывал, что «с течением времени кинематограф, несомненно, получит более широкое применение к народным чтениям... картины кинематографа имеют большое преимущество пред картинами волшебного фонаря». Он указывал на Самарскую губернию в числе первых, прибегших к кино «в целях внешкольного образования» [3, с. 196].

Заключение

Таким образом, исследованные материалы по истории Самарского края показывают, что в пореформенные десятилетия ускорился ход и расширился

круг акторов российской модернизации. Среди проявлений этого процесса в России определенную роль сыграли народные чтения. На них осваивались технические новинки (широкое применение диапроектора, первые демонстрации возможностей граммофонной звукозаписи и кино, пропаганда научных достижений в области медицины, сельского хозяйства и иных сферах) и рождались новые организационные формы социальной активности (в том числе присущие гражданскому обществу). Будучи массовыми мероприятиями обучающей, коммуникационной и рекреационной направленности, народные чтения соответствовали объективным условиям и субъективным запросам людей в обществе рассматриваемой эпохи. Оно, по определению Б. Н. Миронова, уже «развивалось от традиции к модерну», но еще «не соответствовало в полной мере ни одному из критериев современного общества» [30, с. 57]. Народные чтения в России в целом и Самарском крае в частности стали точкой приложения совместных усилий власти и различных общественных сил. Они преследовали не всегда и не во всем схожие цели, но в рассматриваемый период эти усилия складывались в общий вектор развития всей страны и конкретного региона по глобальному модернизационному пути с национальной и локальной спецификой.

Большое значение, которое придавалось народным чтениям и которому они, в целом, соответствовали, заключалось в выработке новых эффективных методов и приемов повышения интеллектуального и креативного уровня населения, как правило, не получившего систематического добротного образования. В связи с этим исследованные здесь массовые мероприятия стоит рассматривать не только как педагогические новации, но и как проявление модернизационных изменений в просветительской деятельности интеллигенции и общественности, однако осуществляемой под контролем властных структур.

Список литературы

1. Вахтеров В. П. Народные чтения. СПб. : Изд. журнала «Русская школа», 1897. 209 с.
2. Чарнолуский В. И. Справочная книжка о собраниях, съездах, публичных лекциях и народных чтениях. СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1912. 66 с.
3. Медынский Е. Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. М. : Наука, 1916. 328 с.
4. Савинова М. А. Народные чтения как одна из форм внешкольного образования в России (вторая половина XIX – начало XX века) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2007. № 7. С. 134–136.
5. Левченко О. Ю. Народные чтения как форма внешкольного образования в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 4 (36). С. 185–190.
6. Ивенина Т. А. Система культурно-просветительных организаций и учреждений в дореволюционной России (1859–1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 49 с.
7. Мустафин И. Р., Щербакова М. П. Просвещение сельского и городского населения Нижегородской губернии на рубеже XIX–XX веков: ключевые проблемы и способы решения // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 9. С. 36–40.

8. Klevtsova O. V., Zhirov N. A. Folk Readings as one of the Forms of Organization of Rural Extracurricular Education in the Orel Province in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2021. № 16 (4). P. 1877–1885.
9. Королева Е. И. «Народные чтения» – одна из форм дополнительного образования в конце XIX – начале XX вв. в Тульской губернии // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. 2013. № 3 (7). С. 89–92.
10. Николаева Л. А. Народные чтения как одна из форм художественно-просветительной деятельности учреждений внешкольного образования на Южном Урале во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2013. № 1 (33). С. 194–197.
11. Шарапова Э. А. История развития народных чтений как одной из первых форм внешкольного образования дореволюционной Башкирии // *Педагогическое образование в России*. 2014. № 12. С. 31–35.
12. Попов Д. И. Государственная регламентация народных чтений в России в 1860–1880-е гг. // *Вестник Омского университета*. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8, № 4 (32). С. 67–75.
13. Попов Д. И. Государственная регламентация народных чтений в России в 1890–1910-е гг. // *Вестник Омского университета*. Серия: Исторические науки. 2022. Т. 9, № 3 (35). С. 59–71.
14. Агафонова Я. Я. Литература для народа и центральная аудитория для народных чтений как государственный просветительский проект во второй половине XIX века // *Новое литературное обозрение*. 2022. № 3 (175). С. 31–35.
15. Кузьмина Н. Г. Издательская деятельность постоянной комиссии по устройству народных чтений. «История книги» И. П. Хрущова // *Библиосфера*. 2014. № 3. С. 49–51.
16. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : монография : в 3 т. 2-е изд., испр. СПб. : Дмитрий Булганин, 2018. Т. 2. 912 с.
17. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр. и доп. М. : Весь Мир, 2012. 848 с.
18. Кабытов П. С., Артамонова Л. М., Баринаева Е. П. [и др.]. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : монография : в 2 т. 2-е изд., испр., доп. Самара : Слово, 2020. Т. 2. 480 с.
19. Пругавин А. С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб. : Издание О. Н. Поповой, 1898. 785 с.
20. Отчет по народным чтениям в гор. Самаре за 1 половину 1896 г. Самара : Губернская тип., 1896. 11 с.
21. Отчет по устройству народных чтений и литературных утр в г. Самаре за 1899 г. Самара : [б. и.], 1900. 20 с.
22. Самарская губерния: день за днем... 1891–1895 годы. Хроника событий / сост.: А. Н. Завальный, П. С. Кабытов, Ю. Е. Рыбалко. Самара : Универс-групп, 2004. 191 с.
23. Самарская губерния: день за днем... 1896–1900 годы. Хроника событий / сост.: А. Н. Завальный, П. С. Кабытов, Ю. Е. Рыбалко. Самара : Универс-групп, 2004. 236 с.
24. Смирнов Ю. Н. Учителство и образованное общество волжского города середины XIX в. в гражданских инициативах и самостоятельном творчестве // *Центр и периферия*. 2023. № 3. С. 8–14.
25. Смирнов Ю. Н. Саратовское Заволжье в «путеводителе» для великого князя Константина Николаевича // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 104–110.
26. Самарский вестник. 1896. 27 февраля.
27. Самарский вестник. 1896. 2 марта.

28. Озеров С. А. Гармонико-баянное искусство Нижегородской области: становление, развитие, современное состояние : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Нижний Новгород, 2017. 22 с.
29. Устюгова В. В. Раннее немое кино и трансляция ценностей модерна в жизнь российского губернского города: на материале Перми конца XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2020. 41 с.
30. Миронов Б. Н. Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, № 1. С. 54–82.

References

1. Vakhterov V.P. *Narodnyye chteniya = Public readings*. Saint Petersburg: Izd. zhurnala «Russkaya shkola», 1897:209. (In Russ.)
2. Charnoluskiy V.I. *Spravochnaya knizhka o sobraniyakh, syezdakh, publichnykh lektsiyakh i narodnykh chteniyakh = A reference book on meetings, congresses, public lectures and public readings*. Saint Petersburg: Tip. B.M. Volfa, 1912:66. (In Russ.)
3. Medynskiy E.N. *Vneshkolnoye obrazovaniye, yego znacheniyе, organizatsiya i tekhnika = Extracurricular education, its importance, organization and technology*. Moscow: Nauka, 1916:328. (In Russ.)
4. Savinova M.A. Public readings as one of the forms of extracurricular education in Russia (second half of the 19th – beginning of the 20th century). *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo = Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky*. 2007;(7):134–136. (In Russ.)
5. Levchenko O.Yu. Public readings as a form of extracurricular education in Russia (second half of the 19th – early 20th century). *Professionalnoye obrazovaniye v Rossii i za rubezhom = Professional education in Russia and abroad*. 2019;(4):185–190. (In Russ.)
6. Ivenina T.A. *The system of cultural and educational organizations and institutions in pre-revolutionary Russia (1859–1917): DSc abstract*. Moscow, 2004:49. (In Russ.)
7. Mustafin I.R., Shcherbakova M.P. Education of the rural and urban population of the Nizhny Novgorod province at the turn of the 19th – 20th centuries: key problems and solutions. *Manuskript = Manuscript*. 2019;12(9):36–40. (In Russ.)
8. Klevtsova O.V., Zhirov N.A. Folk Readings as one of the Forms of Organization of Rural Extracurricular Education in the Orel Province in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody = Past years*. 2021;(16):1877–1885.
9. Koroleva E.I. “Public Readings” – one of the forms of additional education in the late 19th – early 20th centuries in the Tula province. *Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo = Humanitarian bulletin of Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy*. 2013;(3):89–92. (In Russ.)
10. Nikolayeva L.A. Public readings as one of the forms of artistic and educational activities of extracurricular education institutions in the South Urals in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kultury i iskusstv = Bulletin of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2013;(1):194–197. (In Russ.)
11. Sharapova E.A. The history of the development of folk readings as one of the first forms of extracurricular education in pre-revolutionary Bashkiria. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii = Pedagogical education in Russia*. 2014;(12):31–35. (In Russ.)
12. Popov D.I. State regulation of public readings in Russia in the 1860s–1880s. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki = Bulletin of Omsk University. Series: Historical sciences*. 2021;8(4):67–75. (In Russ.)
13. Popov D.I. State regulation of public readings in Russia in the 1890s–1910s. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki = Bulletin of Omsk University. Series: Historical sciences*. 2022;9(3):59–71. (In Russ.)

14. Agafonova Ya.Ya. Literature for the people and the central audience for public readings as a state educational project in the second half of the 19th century. *Novoye literaturnoye obozreniye = New literary review*. 2022;(3):31–35. (In Russ.)
15. Kuzmina N.G. Publishing activities of the standing commission for organizing public readings. “History of the book” by I.P. Khrushchov. *Bibliosfera = Bibliosphere*. 2014;(3):49–51. (In Russ.)
16. Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: monografiya: v 3 t. 2-e izd., ispr. = Russian Empire: from tradition to modernity: monograph: in 3 volumes. The 2nd edition, revised*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulganin, 2018;2:912. (In Russ.)
17. Mironov B.N. *Blagosostoyaniye naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii: XVIII – nachalo XX veka. 2-e izd., ispr. i dop. = Welfare of the population and revolutions in imperial Russia: 18th – early 20th centuries. The 2nd edition, revised and supplemented*. Moscow: Ves Mir, 2012:848. (In Russ.)
18. Kabytov P.S., Artamonova L.M., Barinova E.P. et al. *Istoriya Samarskogo Povolzhya s drevneyshikh vremen do nashikh dney: monografiya: v 2 t. 2-e izd., ispr., dop. = History of the Samara Volga region from ancient times to the present day: monograph: in 2 volumes. The 2nd edition, revised and supplemented*. Samara: Slovo, 2020;2:480. (In Russ.)
19. Prugavin A.S. *Zakony i spravochnyye svedeniya po nachalnomu narodnomu obrazovaniyu = Laws and reference information on primary public education*. Saint Petersburg: Izdaniye O.N. Popovoy, 1898:785. (In Russ.)
20. *Otchet po narodnym chteniyam v gor. Samare za 1 polovinu 1896 g. = Report on public readings in the city of Samara for the first half of 1896*. Samara: Gubernskaya tip., 1896:11. (In Russ.)
21. *Otchet po ustroystvu narodnykh chteniy i literaturnykh utr v g. Samare za 1899 g. = Report on the organization of public readings and literary mornings in the city of Samara for 1899*. Samara: [b. i.], 1900:20. (In Russ.)
22. Zavalnyy A.N., Kabytov P.S., Rybalko Yu.E. (comp.). *Samarskaya guberniya: den za dnem... 1891–1895 gody. Khronika sobytii = Samara province: day by day... 1891–1895. Chronicle of Events*. Samara: Univers-grupp, 2004:191. (In Russ.)
23. Zavalnyy A.N., Kabytov P.S., Rybalko Yu.E. (comp.). *Samarskaya guberniya: den za dnem... 1896–1900 gody. Khronika sobytii = Samara province: day by day... 1896–1900. Chronicle of Events*. Samara: Univers-grupp, 2004:236. (In Russ.)
24. Smirnov Yu.N. The teaching and educated society of the Volga city in the mid-20th century in civil initiatives and amateur creativity. *Tsentr i periferiya = Center and periphery*. 2023;(3):8–14. (In Russ.)
25. Smirnov Yu.N. Saratov Trans-Volga Region in the “guidebook” for Grand Duke Konstantin Nikolaevich. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya = Proceedings of Saratov University. New series. Series: History. International relations*. 2022;22(1):104–110. (In Russ.)
26. *Samarskiy vestnik = Samara bulletin*. 1896;27 February. (In Russ.)
27. *Samarskiy vestnik = Samara bulletin*. 1896;2 March. (In Russ.)
28. Ozerov S.A. *Accordion art of the Nizhny Novgorod region: formation, development, current state: PhD abstract*. Nizhniy Novgorod, 2017:22. (In Russ.)
29. Ustyugova V.V. *Early silent cinema and the transmission of Art Nouveau values into the life of a Russian provincial city: based on Perm in the late 19th – early 20th centuries: DSc abstract*. Perm, 2020:41. (In Russ.)
30. Mironov B.N. Imperial and Soviet modernization. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Saint Petersburg University. History*. 2018;63(1):54–82. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Людмила Михайловна Артамонова
доктор исторических наук,
профессор кафедры культурологии,
музеологии и искусствоведения,
Самарский государственный институт
культуры (Россия, г. Самара,
ул. Фрунзе, 167)

E-mail: artamonovoi@mail.ru

Lyudmila M. Artamonova
Doctor of historical sciences,
professor of the sub-department
of cultural studies, museology and
art history, Samara State Institute
of Culture (167 Frunze street, Samara,
Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 02.10.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.10.2024

Принята к публикации / Accepted 06.11.2024

УДК 93/94

doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-5

Жандармерия западных губерний Российской империи в начальный и кульминационный периоды Первой русской революции

С. В. Ананьев

Главный центр научных исследований Федеральной службы войск
национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Россия

sergey_ananyev1982@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рассматривается анализ деятельности местной жандармерии по обеспечению государственной и общественной безопасности в Северо-Западном крае и польских губерниях Российской империи в начальный и кульминационный периоды Первой русской революции в 1905 г. Приводятся примеры участия жандармского корпуса в борьбе как с революционным движением, так и с другими проявлениями протестного характера. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели был проведен анализ неопубликованных документов из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, а также опубликованных материалов. В работе использованы ретроспективный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный, а также общенаучные методы исследования. *Результаты и выводы.* Исследование базируется на данных архивных источников, воспоминаний современников событий и ряда современных исследователей проблемы. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что жандармерия западных окраин Российской империи выполняла огромный объем задач в период Первой русской революции, однако ее малочисленность не способствовала подавлению революционного движения без тесного взаимодействия с гражданскими властями, вооруженными силами и другими правоохранительными структурами. Автор, исследуя деятельность жандармерии в Привислинском крае и западных губерниях Российской империи по обеспечению государственной и общественной безопасности, впервые рассмотрел борьбу данной правоохранительной структуры с революционным движением в рамках взаимодействия с гражданскими и военными органами. Настоящая работа, основанная на архивных источниках, воспоминаниях современников событий и некоторых исследователей проблемы, углубляет имеющиеся в отечественной историографии сведения по данному вопросу.

Ключевые слова: Отдельный корпус жандармов, общественная безопасность, государственная безопасность, революция, охранное отделение, протестное движение, губернские жандармские управления, забастовки

Для цитирования: Ананьев С. В. Жандармерия западных губерний Российской империи в начальный и кульминационный периоды Первой русской революции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 60–70. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-5

Gendarmerie of the western provinces of the Russian Empire in the initial and culminating periods the first Russian revolution

© Ананьев С. В., 2024. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

S.V. Ananyev

Main Center for Scientific Research of the Federal Service of the National Guard
of the Russian Federation, Moscow, Russia

sergey_ananyev1982@mail.ru

Abstract. *Background.* This article examines the analysis of the activities of the local gendarmerie to ensure state and public security in the North-Western Territory and the Polish provinces of the Russian Empire in the initial and climactic periods of the First Russian Revolution in 1905. Examples of the participation of the gendarme corps in the fight against the revolutionary movement and other manifestations of a protest nature are given. *Materials and methods.* To achieve this goal, an analysis of unpublished documents from the funds of the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Historical Archive, as well as published materials was carried out. The work uses retrospective, problem-chronological, historical-comparative, as well as general scientific research methods. *Results and conclusions.* The conclusion is based on data from archival sources, memoirs of contemporaries of events and a number of modern researchers of the problem. Based on the study, it was concluded that the gendarmerie of the western outskirts of the Russian Empire performed a huge amount of tasks during the First Russian Revolution, but its small number did not contribute to the suppression of the revolutionary movement without close interaction with civilian authorities, the armed forces and other law enforcement agencies. The author, exploring the activities of the gendarmerie in the Privislinsky Territory and the western provinces of the Russian Empire to ensure state and public security, for the first time considered the struggle of this law enforcement structure with the revolutionary movement in the framework of interaction with civil and military bodies. The present work, based on archival sources, memoirs of contemporaries of events and some researchers of the problem, deepens the information available in Russian historiography on this issue.

Keywords: Separate gendarme corps, public security, state security, revolution, security department, protest movement, provincial gendarme administrations, strikes

For citation: Ananyev S.V. Gendarmerie of the western provinces of the Russian Empire in the initial and culminating periods the first Russian revolution. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(4):60–70. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-5

Введение

В современных условиях общественной напряженности и существования угроз внутренней безопасности государства актуальным становится изучение деятельности правоохранительных структур в предшествующие исторические периоды в условиях эскалации внутренней общественной напряженности, развития революционной ситуации и вооруженных столкновений политической оппозиции с правоохранительными структурами и вооруженными силами государства, что имеет значимость в целях возможного использования их опыта борьбы с данными угрозами, а также недопущения ошибок прошлого. Обострение внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации в сегодняшние дни на западных окраинах Российского государства требует изучения опыта как их государственного управления, так отдельных способов действий и методов, используемых правоохранительными структурами, в борьбе с угрозами внутренней безопасности. Западные окраины Российской империи к началу XX в. приобрели репутацию одних из наиболее проблемных территориальных образований нашего государства, что сложилось

вследствие наличия целого комплекса нерешенных наболевших вопросов: польского, конфессионального, рабочего, крестьянского и др.

В этой связи, по мнению автора, определенный интерес представляет рассмотрение деятельности местных жандармских органов в период Первой русской революции 1905–1907 гг. С момента своего создания в 1826 г. задачами жандармских органов оставались политический розыск, производство дознаний по государственным преступлениям и наблюдение за общественным мнением, однако в событиях начала XX в. им пришлось принять непосредственное участие и в силовом подавлении вооруженных общественных беспорядков.

Результаты

Местные жандармские органы на начальном этапе революции

Деятельность местных жандармских органов в западных губерниях Российской империи – Привислинском и Северо-Западном краях – имела свои особенности с учетом местных политических, национальных, социальных, конфессиональных и прочих условий, отличалась остротой политической ситуации, существовавшей в западных окраинах Российской империи с момента их вхождения в состав нашего государства. В то же время эта деятельность не расходилась с общеимперскими принципами и правилами, принятыми в данной правоохранительной структуре [1, с. 49–56]. Новые политические веяния, связанные с эскалацией внутривнутриполитической ситуации, вылившейся в события Первой русской революции 1905–1907 гг., потребовали от правительства необходимости повышения эффективности деятельности жандармерии в указанном регионе государства.

В период Первой русской революции 1905–1907 гг. Отдельный корпус жандармов принял участие в противодействии революционному движению. 9 января 1905 г., с началом революционных событий в стране, директор Департамента полиции Министерства внутренних дел сообщил помощнику варшавского генерал-губернатора по полицейской части о возможном прибытии из-за границы польских революционеров для эскалации вооруженных событий в польских губерниях и отдавал распоряжение о необходимости их обыска и ареста по прибытии на пограничные пункты. В частности, им также сообщалось о начавшейся в Варшаве агитации вооруженного восстания, получении местными революционерами огнестрельного оружия из-за границы [2, л. 3–6].

Революционные события развивались стремительно, и уже в первой половине января 1905 г. в жандармских донесениях вышестоящему начальству фигурировали эксцессы вооруженных нападений на чинов жандармерии во время начавшихся в Варшаве беспорядков, которые выражались не только в бросании камней и выстрелах из толпы протестантов, но и в преследовании раненых сотрудников, как, например, в случае с рядовым 1-го жандармского эскадрона И. Макалова, который был вынужден скрываться от преследования вооруженных рабочих в одной из квартир, но был достигнут и изранен ножами [3, л. 10–18 об.]. О вооруженных нападениях на нижних чинов жандармерии во время подавления беспорядков, произведенных рабочими, 14 января 1905 г. докладывал командир варшавского жандармского дивизиона полковник

Казанков начальнику Варшавского губернского жандармского управления (ГЖУ). 19 февраля 1905 г. в Ковно был задержан террорист, покушавшийся на жизнь жандармского унтер-офицера Светличного. Имелись и другие примеры нападений на чиновников местной жандармерии, а также католиков на православное население края.

Надо отметить, что служба жандармов и полицейских в указанный период являлась одной из самых опасных профессий в дореволюционной России. Супруга начальника Белостокского охранного отделения генерал-майора С. Н. Глобачева вспоминала, что сразу же после его назначения он стал мишенью для польских революционеров: «Ни за один день я не могла поручиться, что мой муж не будет убит революционерами... Из Белостока муж был назначен начальником жандармского управления города Лодзь... Не проходило и дня, чтобы кого-нибудь не убили... Ужасным образом погиб помощник мужа. Ежедневно он выходил из дома в определенное время и, окруженный солдатами, отправлялся на службу. Революционеры были осведомлены о времени и маршруте его и поджидали... революционеры всех уложили на месте, а в убитого офицера выпустили еще 10 пуль...» [4, с. 414–415].

Местные региональные власти совместно с жандармскими управлениями, приняв ряд организационно-управленческих решений, перешли в решительное наступление против революции. После начавшейся революции в польских губерниях Российской империи была издана инструкция начальника штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенанта Ф. К. Гершельмана жандармерии Привислинского края по организации подвижного охранения, согласно которой губернии делились на отдельные участки, а в них организовывалось движение мобильных «летучих отрядов» по определенным маршрутам. Численность каждого такого отряда составляла 2 роты пехоты и полсотни кавалерии, в каждой из которых находился представитель гражданской администрации для отдания распоряжений по предотвращению скопления на улицах людей, уведомления военных властей о беспорядках и ареста бунтующих лиц.

Начальников «летучих отрядов» предписывалось назначать из числа наиболее опытных, энергичных и хладнокровных офицеров. Прибегать к применению оружия рекомендовалось только в случае вооруженного нападения со стороны толпы, перед которым следовало троекратное предупреждение сигналом. В инструкции отмечалось: «Если со стороны толпы не будет проявлено каких-либо враждебных действий против них (угрозами, выстрелами, камнями, палками и т.п.), то, не прибегая к действию оружием, войска быстро окружают неповинующихся, сгоняют их в сосредоточенную массу, с предупреждением, что, в случае малейшего проявления насильственных действий, толпа будет истреблена, а затем препровождают задержанных в место, указанное гражданской властью» [3, л. 215–217 об.].

Помимо этого, усиливалась служба наружного наблюдения, организовывались служебные командировки филеров в Минск, Вильну, Ковно, Варшаву и другие города западного региона империи; осуществлялся контроль деятельности ксендзов, который выявлял случаи религиозных антироссийских проповедей [5, л. 63]; проводились обыски и задержания лиц за их принадлежность к революционным организациям. Так, согласно рапорту корнета жандармерии Ганько начальнику варшавского ГЖУ был найден

схрон с 2 тыс. бомбами и большим количеством револьверов [3, л. 137], 20 февраля 1905 г. в одной из построек на Новомосковской улице было найдено 2 ящика с патронами, а 27 февраля в Борисове были арестованы 14 человек за принадлежность к партии сионистов-социалистов [6, с. 93]. Крупными успехами местных жандармов стали задержание в Варшавской губернии и привлечение к дознанию одного из будущих вождей партии большевиков – Ф. Э. Дзержинского и арест 5 марта в Варшаве известной немецкой революционерки Розы Люксембург [6].

Безусловно, одними только силами местной жандармерии было невозможно справиться с массовыми проявлениями революционного движения. В Варшавском гарнизоне располагались армейские полки, оказавшие силовую поддержку правоохранительным структурам в борьбе с революционным движением: лейб-гвардии Литовский, Кексгольмский, Санкт-Петербургский, Волынский полки; 16-й Ладожский, 22-й Нижегородский, 61-й Владимирский, 152-й Владикавказский, 189-й Белгородский, 183-й Пултусский, 186-й резервный Луковский пехотные полки; крепостной полк и артиллерийская бригада [3, л. 33–51]. Из состава Варшавского жандармского дивизиона на каждые сутки назначался суточный наряд, распределяемый в наиболее людные части польской столицы. С апреля 1905 г. разрешалось приводить задержанных участников беспорядков в свободные помещения (казармы, столовые и т.д.).

20 мая 1905 г. новое приказание войскам Варшавского военного округа предписывало принятие мер по охране Привислинского края. Также была разработана подробная инструкция унтер-офицерам жандармских команд. Местной жандармерии предписывалось при содействии общей полиции усилить негласное наблюдение за членами революционных партий. Кроме этого, имела инструкция по ведению внутреннего наблюдения. Жандармские агенты должны были быть в курсе последних веяний революционного движения, следить за его литературой и т.д. [2, л. 1–15]. С усилением крестьянского движения весной – летом 1905 г. директор Департамента полиции С. Г. Коваленский требовал от начальников ГЖУ усилить наблюдение за агитационными эсеровскими группами в деревне [7, л. 1].

Была составлена инструкция отделению по охранению порядка и общественной безопасности в г. Варшаве, которое подчинялось Варшавскому обер-полицмейстеру и имело задачи по наблюдению, розыску и расследованию по делам о государственных преступлениях и их пресечению. В ней ставились задачи по предупреждению и расследованию революционных стачек и движений, наблюдению за неблагонадежными лицами и учебными заведениями, проверке видов на жительство [8, л. 4–4 об.]. Чины отделения выполняли служебные поручения от Департамента полиции Министерства внутренних дел, требования жандармских управлений и прокурорского надзора, докладывали обер-полицмейстеру, совершали аресты и осмотры, выемки, осуществляли руководство подчиненными, вели делопроизводство [9].

*Деятельность жандармерии западных окраин империи
осенью 1905 г.*

Начало кульминационного этапа Первой русской революции осенью 1905 г. потребовало от местных жандармских органов напряжения всех усилий. Донесение начальника Виленского охранного отделения К. К. Климовича

директору Департамента полиции Н. П. Гарину от 16 сентября 1905 г. гласило о формировании «социал-демократической террористической организации», создании Бундом «боевых дружин» с целью исполнения террористических актов и организации за ними агентурного наблюдения. Местные революционные организации распространяли прокламации среди дислоцированных в регионе воинских частей, устраивали забастовки и протестные шествия. Участились случаи антироссийских проповедей ксендзов, беспорядки со стороны гимназистов [10, л. 13–19].

В связи с этим временным варшавским генерал-губернатором генерал-лейтенантом П. Д. Ольховским в сентябре 1905 г. был принят ряд постановлений: об ответственности граждан за уклонение от помощи потерпевшим или за отказ предоставить сведения о личности известного им преступника, за это грозило взыскание в размере 3-месячного содержания или тюрьма (крепость) на тот же срок; о прекращении работы пекарей, служащих в период беспорядков, за неисполнение которого также возлагалась ответственность с наказанием до 3 месяцев заключения в крепость или тюрьму; о запрете воспитанникам учебных заведений находиться на улицах Варшавы позднее 20 ч вечера или позднее 22 ч (при наличии письменного разрешения учебного начальства) – им запрещалось посещать рестораны, кофейни, кондитерские и подобные заведения, в противном случае им грозил штраф суммой до 3 тыс. рублей или тюрьма сроком в 3 месяца [11, л. 52–54].

Осенью 1905 г. усилился революционный террор в отношении полицейских и жандармских чинов, о чем докладывали представители местной жандармерии в Минской, Могилевской губерниях. В секретном донесении начальнику Могилевского ГЖУ от 30 сентября 1905 г. перечислялись 4 теракта, проведенных против чинов гомельской полиции [12, с. 196]. Помимо Бунда в черте еврейской оседлости активно действовали представители эсеров. Так, в Белостоке они застрелили городского, стреляли в полицмейстера, в Бердичиве ранили помощника пристава, а в Пинске – жандармского ротмистра [13, с. 124]. Жандармские полицейские управления в октябре 1905 г. оказались не готовы к забастовкам железнодорожников, однако ими были приняты меры по их прекращению путем организации взаимодействия с ГЖУ, полицией и принятию решительных мер к пресечению беспорядков [14, л. 74 об.].

29 октября 1905 г. в 10 губерниях Привислинского края было введено военное положение, а 31 октября начальник штаба Варшавского военного округа в письме на имя временного генерал-губернатора Варшавской губернии указывал на необходимость грамотного распределения войск при «налетах» мобильных отрядов грабителей до 30 человек в каждом, терроризировавших местные селения, грабя магазины и торговые лавки. При этом армейские подразделения, как правило, не успевали выдвинуться к месту происшествий. Поэтому предлагалось действовать легкими «летучими отрядами» под руководством офицера с приданием им подразделений кавалерийской разведки [11, л. 46].

*Местная жандармерия периода кульминации революции
в конце 1905 г.*

В ноябре 1905 г. в губерниях западных окраин империи жандармерией совместно с полицией были произведены удачные политические обыски и

аресты представителей местных революционных и военно-революционных организаций [15, с. 13–16]. В ответ участились случаи вооруженных нападений на чинов в основном земской стражи с целью принуждения их к забастовкам. Это обстоятельство привело местную военную администрацию к необходимости оставления воинских команд при участковых квартирах [11, л. 62]. Однако уже в конце ноября 1905 г. воинские начальники районов начали высказываться за необходимость снятия с войск обязанностей по охране городских на постах вследствие их перенасыщения служебной нагрузкой. Так, только в одной Варшаве имелось 43 неподвижных военно-полицейских поста в составе 324 чинов, а для охраны полицейских участков в наряд под видом дозорных выделялось еще 209 человек ежедневно, итого отвлекались от службы ежедневно 1066 человек нижних воинских чинов [11, л. 63].

Еще одной проблемой, вставшей в период Первой русской революции перед жандармскими органами западных окраин империи, стало их противодействие местным националистическим проявлениям [16, с. 65–66]. По информации начальников ГЖУ Привислинского края и западных губерний империи с конца XIX в. в регионе существовал целый конгломерат организаций как социал-демократического, так и националистического толка, которые первоначально боролись за право печатания книг и других изданий на латинском языке [10, л. 7 об.]. Наибольшей активностью отличались литовские организации. Только за 1905 г. партия литовских социал-демократов обезоружила 15 земских стражников, разграбила 26 гминных управлений, 28 казенных винных лавок, 7 гминных сходов, 22 начальных училища и 2 лесничества, в одном из которых было похищено 1300 руб., в другом – 350 руб., также были разграблены 2 постоянных двора и 1 чайная лавка [10, л. 8]. Организовывались забастовки рабочих и на местных кожевенных заводах.

Литовские социал-демократы, по сути, выступали с националистической позиции, ставя целью своей борьбу с русской администрацией за предоставление Литве автономии, распространяли печатные пропагандистские воззвания. Одно из таких воззваний «Война» провозглашало с развитием Первой русской революции удобный момент для отсоединения Литвы от Российской империи, в котором говорилось: «Будем разрушать нынешний негодный строй. Не будем платить правительству податей. Не будем идти служить в войсках и не позволим другим... будем изгонять из нашего края царских чиновников, а злейших положим на месте» [10, л. 8 об. – 9]. Литовские боевики и погромщики громили и грабили казенные учреждения, уничтожали казенные книги, дела и бумаги, оскверняли портреты императорских особ. 20 ноября 1905 г. они ворвались в 11 местных начальных училищ с револьверами в руках и требовали прекращения занятий до введения преподавания на литовском языке. Пропаганда среди местного населения гласила об отказе в приюте русским солдатам, в корме лошадям, отказе от уплаты налогов и податей. Борьбу с царским режимом литовские революционеры анонсировали вплоть до созыва сейма в г. Вильно. В сложившихся условиях местные власти единственным средством для подавления развернувшегося литовского националистического движения признавало введение с оптимальным распределением войск по местностям и организацией мобильных «летучих отрядов» из состава располагавшихся там войск [10, л. 9 об. – 11].

7 декабря 1905 г. начальник штаба Варшавского военного округа издал очередную инструкцию войскам по охране г. Варшавы и Варшавской губернии, в которой говорилось о формировании штабов, распределении войск по районам, правах начальников губерний и уездов, чинов полиции и корпуса жандармов обращаться за содействием к начальнику охраны. Начальники районов осуществляли наблюдение за обеспеченностью войск в своем районе, под их руководством войсковые части в каждом районе действовали самостоятельно. Начальник войсковой охраны ведал распределением нарядов службы. Регламентировалось употребление оружия в случаях оскорблений войск, членов императорской фамилии, не допускались скопления манифестантов, арестовывались зачинщики [10, л. 24 об.].

К решительным действиям против революционных манифестаций своих губернаторов призывал генерал-губернатор и командующий войсками округа генерал-адъютант Г. А. Скалон [11, л. 26]. Руководством по охране г. Варшавы и Варшавской губернии стал приказ № 1 от 4 декабря 1905 г. На время военного положения личному составу войсковой охраны была роздана инструкция по охране польской столицы и составлены рекомендации по несению службы дозорными, часовыми, по охране железных дорог и т.д. [11, л. 139–165]. 20 декабря в Варшаве на ул. Лешно было захвачено 189 динамитных гильз, а на улице Качей – 21 бомба, 7 револьверов, 500 патронов и лаборатория по изготовлению взрывчатки [6, с. 158].

Дополнительные указания начальника штаба Варшавского военного округа касались несения службы охраны в уездах Варшавской губернии, где ставились задачи по организации «разведывания чинами полиции и жандармерии при содействии войск», своевременному задержанию и аресту агитаторов и террористов, налаживанию связи между полицейскими участками. Каждый начальник уезда был обязан своевременно докладывать начальнику района о том, какую гмину «следует привести в повиновение». Действия войск должны были отличаться быстротой и решительностью, а в каждой гмине устанавливались дневные и ночные караульщики из числа местных жителей. При появлении протестной толпы они сообщали информацию начальнику ближайшей воинской части [11, л. 131–132]. Помимо самой Варшавы и губернии было сформировано 6 войсковых районов, которые осуществляли тесное взаимодействие с гражданскими властями. После объявления военного положения в декабре 1905 г. остальные польские губернии также подлежали делению на 5–8 военных участков с назначением «летучих отрядов» в каждый, состоявший, как правило, из одной роты пехоты и одного кавалерийского эскадрона, которым к тому же оказывали содействие казачьи полки в тесном взаимодействии с гражданскими властями [17, л. 34].

Заключение

Организация тесного взаимодействия между гражданскими и военными властями западных окраин Российской империи и принятие ими мер по борьбе с революционным и националистическим движениями в регионе позволили сбить накал революционного движения и создать условия для дальнейшей деэскалации внутренней обстановки в государстве.

Местные жандармские органы западных окраин Российской империи встретили Первую русскую революцию как хорошо подготовленная,

но малочисленная военизированная правоохранительная структура, относительно успешно осуществлявшая выявление и наблюдение за антиправительственными организациями и движениями, но не способная исключительно собственными силами справиться с масштабным революционным движением в 1905 г. Жандармерии в новых условиях становилось трудно бороться и с новыми конспиративными методами, применяемыми революционным лагерем.

Наболевшими и до конца не решенными проблемными вопросами в деятельности жандармерии оставались ее малочисленность, национальный состав (преимущественно из числа местных уроженцев), недостаточная осведомленность о деятельности подпольных революционных организаций. Руководители жандармских управлений осознавали и признавали наличие данных обстоятельств, все реже прибегая к ранее привычным делопроизводственной волоките и очковтирательству. Для решения сохранявшихся изъянов в организации служебной деятельности местных жандармских органов в 1906 г. потребовалось внести ряд корректив в их оперативную работу.

Следует отметить, что жандармским офицерам становилось все труднее выдерживать конкуренцию с революционерами, значительно усилившими к тому времени свою конспиративную деятельность, и заметно уступали охранным отделениям по организации оперативно-розыскной деятельности. Массовые аресты, традиционно применяемые жандармами, также постепенно уходили в прошлое. Помимо этого, жандармские управления размещались исходя из административно-территориального деления империи, которое не всегда совпадало с главными пунктами развития революционного движения. Данное обстоятельство поставило местные военные и гражданские органы власти перед необходимостью сплочения и организации тесного взаимодействия друг с другом. Благодаря содействию войск Варшавского военного округа и принятию эффективных мер охранительного характера правоохранительные структуры западных окраин империи сумели справиться с кульминационным этапом революции и продолжить борьбу с политическими террористами и экстремистами вплоть до подавления революционного движения и восстановления правопорядка в 1906–1907 гг.

Список литературы

1. Ананьев С. В. Правоохранительные структуры Российской империи в борьбе с революционным движением 2-й пол. XIX – нач. XX вв. // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2022. № 3. С. 49–56.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1660. Оп. 1. Д. 61.
3. ГАРФ. Ф. 726. Оп. 1. Д. 11.
4. Григорьев Б., Колоколов Б. Повседневная жизнь российских жандармов. М. : Молодая гвардия, 2007. 852 с.
5. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 101.
6. Обнинский В. Полгода русской революции. Сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.). М. : Тип. И. Н. Холчев и К°, 1906. Вып. 1. 180 с.
7. ГАРФ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 45.
8. ГАРФ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 17.
9. Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917). М. : РОССПЭН, 2000. 432 с.
10. ГАРФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1177.

11. ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 11.
12. Бунд в Беларуси. 1897–1921 : документы и материалы. Минск : БелНИИДАД, 1997. 608 с.
13. Овченко Ю. Ф. Безопасность империи (политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия 1880–1917 гг.). М. : Техинформ, 2012. 370 с.
14. ГАРФ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 2.
15. Бусько С. И. Структура и кадровый состав губернских жандармских управлений на территории Беларуси (конец XIX – начало XX в.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Минск : БДУ, 2010. Вып. 5. С. 9–17.
16. Романов В. В., Романова А. В. «Польский вопрос» и политическая полиция Российской империи во второй четверти XIX – начале XX в.: организационно-правовые аспекты // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1. С. 59–66.
17. ГАРФ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 363.

References

1. Ananyev S.V. Law enforcement agencies of the Russian Empire in the fight against the revolutionary movement of the second half of the 19th – early 20th centuries. *Akademicheskij vestnik voysk natsionalnoy gvardii Rossiyskoy Federatsii = Academic Bulletin of the Troops of the National Guard of the Russian Federation*. 2022;(3):49–56. (In Russ.)
2. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 1660. Op. 1. D. 61 = State Archive of the Russian Federation. Fund 1660. Item 1. File 61. (In Russ.)
3. GARF. F. 726. Op. 1. D. 11 = State Archive of the Russian Federation. Fund 726. Item 1. File 11. (In Russ.)
4. Grigoryev B., Kolokolov B. *Povsednevnyaya zhizn rossiyskikh zhandarmov = Everyday life of Russian gendarmes*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2007:852. (In Russ.)
5. GARF. F. 102. Op. 226. D. 101 = State Archive of the Russian Federation. Fund 102. Item 226. File 101. (In Russ.)
6. Obninskiy V. *Polgoda russkoy revolyutsii. Sbornik materialov k istorii russkoy revolyutsii (oktyabr 1905 – aprel 1906 gg.) = Half a year of the Russian Revolution. Collection of materials on the history of the Russian Revolution (October 1905 – April 1906)*. Moscow: Tip. I.N. Kholchev i Ko, 1906;(1):180. (In Russ.)
7. GARF. F. 219. Op. 1. D. 45 = State Archive of the Russian Federation. Fund 219. Item 1. File 45. (In Russ.)
8. GARF. F. 244. Op. 1. D. 17 = State Archive of the Russian Federation. Fund 244. Item 1. File 17. (In Russ.)
9. Peregudova Z.I. *Politicheskiy sysk v Rossii (1880–1917) = Political investigation in Russia (1880–1917)*. Moscow: ROSSPEN, 2000:432. (In Russ.)
10. GARF. F. 265. Op. 1. D. 1177 = State Archive of the Russian Federation. Fund 265. Item 1. File 1177. (In Russ.)
11. GARF. F. 215. Op. 1. D. 11 = State Archive of the Russian Federation. Fund 215. Item 1. File 11. (In Russ.)
12. *Bund v Belarusi. 1897–1921: dokumenty i materialy = The Bund in Belarus. 1897–1921: documents and materials*. Minsk: BelNIIDAD, 1997:608. (In Russ.)
13. Ovchenko Yu.F. *Bezopasnost imperii (politicheskiy rozysk – sredstvo obespecheniya bezopasnosti rossiyskogo samoderzhaviya 1880–1917 gg.) = Security of the empire (political investigation – a means of ensuring the security of the Russian autocracy 1880–1917)*. Moscow: Tekhinform, 2012:370. (In Russ.)
14. GARF. F. 219. Op. 1. D. 2 = State Archive of the Russian Federation. Fund 219. Item 1. File 2. (In Russ.)
15. Busko S.I. The structure and personnel of provincial gendarmerie departments in Belarus (late 19th – early 20th century). *Pratsy gistarychnaga fakulteta BDU: navuk. zb*. Minsk: BDU, 2010;(5):9–17.

16. Romanov V.V., Romanova A.V. “The Polish Question” and the political police of the Russian Empire in the second quarter of the 19th – early 20th century: organizational and legal aspects. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura = Society: philosophy, history, culture*. 2019;(1):59–66. (In Russ.)
17. GARF. F. 242. Op. 1. D. 363 = State Archive of the Russian Federation. Fund 242. Item 1. File 363. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Сергей Валерьевич Ананьев

кандидат исторических наук,
доцент, старший офицер отдела,
Главный центр научных исследований
Федеральной службы войск
национальной гвардии Российской
Федерации (Россия, г. Москва,
ул. Красноказарменная, 9А)

E-mail: sergey_ananyev1982@mail.ru

Sergey V. Ananyev

Candidate of historical sciences,
associate professor, senior division
officer, Main Center for Scientific
Research of the Federal Service of the
National Guard of the Russian Federation
(9A Krasnokazarmennaya street,
Moscow, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.09.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.10.2024

Принята к публикации / Accepted 15.11.2024

УДК 94(47).083

doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-6

Использование положения усиленной охраны в период революции 1905–1907 гг.

Г. В. Гарбуз

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

ggarbuz@rambler.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Различные процессы политического, экологического, техногенного характера периодически создают ситуации, в которых на отдельных территориях нашей страны возникает необходимость в применении чрезвычайных методов управления. Создание эффективных форм чрезвычайного положения в определенной степени зависит от изучения исторического опыта реализации исключительного законодательства. Целью работы является анализ использования одного из основных вариантов чрезвычайного управления в начале XX в. – положения усиленной охраны в условиях политической нестабильности в период революции 1905–1907 гг. *Материалы и методы.* Для реализации поставленных задач использовались сравнительно-исторический и статистический методы анализа документов различных структур государственного управления периода Первой российской революции, извлеченных из фондов Российского государственного исторического архива и ряда областных архивов. *Результаты.* Исследованы причины и способы введения положения усиленной охраны на различных территориях Российской империи, механизм реализации исключительных мер, эффективность чрезвычайных методов управления. *Выводы.* Положение усиленной охраны стало наиболее распространенной формой реализации чрезвычайных методов управления в борьбе с революционным движением в 1905–1907 гг. Оно позволяло расширить охранительные полномочия центральных и местных органов государственного управления, сохраняя целостность вертикали власти. Неизменность основных составляющих положения усиленной охраны на протяжении всего периода революции указывает на то, что правительство считало данный вариант исключительных мер достаточно эффективным.

Ключевые слова: революция, чрезвычайное управление, усиленная охрана, чрезвычайная охрана, военное положение

Для цитирования: Гарбуз Г. В. Использование положения усиленной охраны в период революции 1905–1907 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 71–82. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-6

Using the position of reinforced security during the revolution of 1905–1907

G.V. Garbuz

Penza State University, Penza, Russia

ggarbuz@rambler.ru

Abstract. *Background.* Various processes of political, environmental, and man-made nature periodically create situations in which the need for emergency management methods

arises in certain territories of our country. The creation of effective forms of a state of emergency, to a certain extent, depends on the study of the historical experience of implementing exceptional legislation. The purpose of the work is to analyze the use of one of the main options for emergency management at the beginning of the 20th century – the state of enhanced security in the conditions of political instability during the revolution of 1905–1907. *Materials and methods.* To implement the tasks, comparative historical and statistical methods of analyzing documents of various structures of public administration during the first Russian revolution, extracted from the funds of the Russian State Historical Archive and a number of regional archives, were used. *Results.* The reasons and methods for introducing the state of enhanced security in various territories of the Russian Empire, the mechanism for implementing exceptional measures, and the effectiveness of emergency management methods are studied. *Conclusions.* The state of enhanced security became the most common form of implementing emergency management methods in the fight against the revolutionary movement in 1905–1907. It allowed for the expansion of the protective powers of central and local government bodies, while maintaining the integrity of the vertical of power. The constancy of the main components of the enhanced security provision throughout the entire period of the revolution indicates that the government considered this version of exceptional measures to be quite effective.

Keywords: revolution, state of emergency, enhanced security, emergency security, martial law

For citation: Garbuz G.V. Using the position of reinforced security during the revolution of 1905–1907. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(4):71–82. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-6

Чрезвычайные методы управления – закономерная реакция государства на обстоятельства, создающие угрозу общественной безопасности, государственной целостности, жизни населения. Сегодня в нашей стране сохраняется опасность возникновения подобных ситуаций, вызванных военными конфликтами, международным терроризмом, эпидемиями, что определяет актуальность изучения исторического опыта формирования различных систем исключительных мер и их реализации в кризисные моменты нашей истории.

Анализ положения усиленной охраны в большей степени отражен в историко-правовой литературе [1–5], где даны характеристики различных правовых аспектов положения в соотношении с другими формами чрезвычайного управления. Реализация положения усиленной охраны в деятельности местной администрации отмечается в работах П. Н. Зырянова [6], А. С. Минакова [7], использование положения для борьбы с революционным движением в 1905–1907 гг. затрагивается в исследованиях В. С. Дякина [8], С. В. Тютюкина [9], применение местной администрацией полномочий, полученных в рамках усиленной охраны в отдельных регионах, показано в статьях Е. А. Митяева [10], С. В. Кистанова [11]. Данная статья дополняет историографию проблемы общим обзором применения положения усиленной охраны в период революции 1905–1907 гг.

Режим усиленной охраны законодательно регламентировался изданным 14 августа 1881 г. «Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которое в современной историко-правовой литературе оценивается как «один из наиболее значимых законодательных актов в истории России» [1, с. 35]. Положение от 14 августа носило временный характер и первоначально вводилось на три года. Впоследствии

по представлению министра внутренних дел оно еще семь раз продлевалось Комитетом министров на трехлетний срок.

Высочайший указ от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» в числе других изменений предполагал пересмотр исключительных законоположений в сторону их ограничения. Для разработки проекта нововведений в феврале 1905 г. было образовано особое совещание под председательством члена Государственного совета графа А. П. Игнатъева – брата бывшего министра внутренних дел графа Н. П. Игнатъева, под руководством которого было разработано и введено в 1881 г. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Совещание приступило к работе в условиях нарастания революционного кризиса, что не могло не отразиться на его деятельности. Царские сановники не торопились с подготовкой проекта, который должен был ограничить возможность административных репрессий против участников освободительного движения.

В мае 1905 г. в связи с истечением очередного трехлетнего срока действия Положения Министерство внутренних дел обратилось в Кабинет министров с предложением продлить действие исключительного законодательства еще на три года. Поскольку особое совещание под руководством графа А. П. Игнатъева еще не выполнило свою задачу, Комитет министров дал согласие на продление действия Положения на один год или до введения нового [12, л. 216]. В апреле 1906 г. особое совещание прекратило свою работу, так и не подготовив проект исключительного законодательства. С принятием 23 апреля 1906 г. новой редакции Основных законов Российской империи изменился порядок принятия законов. Несмотря на попытки депутатов I Государственной думы инициировать своими запросами пересмотр исключительного законодательства [13], ее оппозиционный характер лишил правительство надежды получить нужный ему вариант законов и чиновники не торопились с разработкой новых проектов. После роспуска I Государственной думы в августе 1906 г. Высочайшим указом на основании ст. 87 Основных законов действие «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» было продлено еще на год [12, л. 219], то же самое было сделано в августе 1907 г. после роспуска II Государственной думы [14, л. 287 об.]. Таким образом, законодательные основы положения усиленной охраны в период революции оставались неизменными.

Положение определяло две формы реализации исключительных полномочий – усиленную охрану и чрезвычайную охрану. В разные периоды революции власти отдавали предпочтение одной или другой степени чрезвычайного положения, но в целом чаще использовался режим усиленной охраны. Основания для его введения, по мнению Т. Е. Новицкой, формулировались весьма расплывчато: «Было достаточно обнаружения наличия преступных посягательств против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имущества, или даже подготовка к таковым преступлениям» [4, с. 4], что в условиях революционного кризиса позволяло использовать усиленную охрану повсеместно.

Положение усиленной охраны существенно расширяло административные и судебные полномочия местных властей. Генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники получали право издавать обязательные

постановления для обеспечения порядка и безопасности. Постановления охватывали широкий круг вопросов, расширяя компетенцию начальников губерний за пределы законодательства мирного времени. Они разрешали дела о нарушении таких постановлений своей властью в административном порядке, карали нарушителей штрафом до 500 руб. или арестом до 3 месяцев. В условиях положения усиленной охраны губернаторы могли запрещать всякие общественные и частные собрания, закрывать торговые и промышленные заведения как на короткий срок, так и на все время действия своих исключительных полномочий, имели право добиваться смещения любых должностных лиц земского и городского самоуправления (кроме мировых судей и лиц, служивших по выборам). Разрешалось налагать арест на имущество подозреваемого, если оно, по мнению властей, указывало на его преступные намерения. Начальники губерний могли делать представления в Особое совещание при Министерстве внутренних дел о высылке из своего района вредных спокойствию людей на срок от двух до пяти лет или высылать таких лиц своей властью до окончания действия в губернии положения усиленной охраны. По усмотрению губернатора отдельные дела арестованных в административном порядке лиц передавались на рассмотрение военных судов, от гражданских судов «хозяин губернии» мог требовать рассмотрения определенных дел при закрытых дверях [15, с. 97].

Политическая и общая полиция получали право задержания подозреваемых сроком на две недели. В дальнейшем, если улик для формального судопроизводства не хватало, дело рассматривалось в административном порядке и подозреваемые высылались в отдаленные места империи на срок до пяти лет [16, с. 415–416]. Полиция обязана была следить за исполнением обязательных постановлений, издаваемых губернаторами, проводить предварительное задержание лиц, подозреваемых в государственных преступлениях или принадлежности к противозаконным сообществам, налагать арест на имущество, проводить по собственному усмотрению ночные обыски (в обычных условиях это право было ограничено и строго регламентировано).

Чрезвычайное законодательство усиливало защиту непосредственных исполнителей административных репрессий. Смертная казнь полагалась за нападение на военных, полицейских и должностных лиц администрации, находящихся при исполнении ими служебных обязанностей, если данные преступления сопровождались убийством или покушением на убийство, нанесением ран, увечий, тяжких побоев или поджогом. В то же время ужесточалась ответственность административных лиц за бездействие власти [12, л. 110].

Первоначально положение усиленной охраны вводилось в какой-либо местности решением министра внутренних дел или генерал-губернатора с последующим утверждением министра. Осенью 1905 г. в ходе октябрьской политической стачки административные связи внутри империи были нарушены. Власти на местах, не имея надежных сношений с правительством и достаточных полномочий для самостоятельного усиления репрессивных мер, вынуждены были отступать под натиском революционной волны в октябрьские дни 1905 г. В некоторых случаях местная администрация на какое-то время теряла контроль над ситуацией в регионе. В сложившихся обстоятельствах правительство пошло на децентрализацию полномочий по введению чрезвычайного

положения. Высочайшим указом 29 ноября 1905 г. генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам предоставлялось право «в случаях прекращения железнодорожных, почтовых и телеграфных сообщений, а равно замешательства в правильности сих сообщений, объявлять местности вверенные их управлению на положениях усиленной или чрезвычайной охраны или же, при известных условиях, на военном положении» [12, л. 2]. Руководители местной администрации активно пользовались этим правом зимой 1905–1906 гг. Правительство зафиксировало 47 случаев введения различных форм исключительного положения по распоряжению местных властей [12, л. 45]. В апреле 1906 г. объявление чрезвычайного положения становится прерогативой высшей власти. Положение усиленной охраны вводилось на отдельных территориях империи Высочайшим указом согласно ст. 15 Основных государственных законов [12, л. 342].

Положение усиленной охраны вводилось сроком на один год с возможностью его дальнейшего продления. Оно могло быть введено как на территории всей губернии, так и в отдельных ее частях. Летом 1905 г. положение усиленной охраны действовало в Покровском и Шуйском уездах и г. Иваново-Вознесенске, в то время как на остальной территории Владимирской губернии сохранялся общий порядок управления [12, л. 24]. Схожая ситуация была в области Войска Донского, где усиленная охрана была только в станице Гниловской, с. Варваровке и на железодельном заводе Пастухова [12, л. 23 об.], поскольку в данный период эти территории и поселения, имевшие крупные промышленные производства, отличались особым размахом рабочего движения.

К началу революции на положениях усиленной охраны находились полностью или частично двенадцать губерний и областей Европейской России: Санкт-Петербургская, Московская, Харьковская, Екатеринославская, Киевская, Подольская, Волынская, Херсонская, Владимирская, Бессарабская, Гродненская, область Войска Донского и четыре градоначальства: Санкт-Петербургское, Московское, Одесское, Николаевское [12, л. 85 об., 215 об.; 17, л. 30]. В основном это были регионы, где подъем общественного движения в начале XX в. проявился наиболее ярко. Положение усиленной охраны действовало также в трех областях Туркестанского генерал-губернаторства: Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской [12, л. 14], в которых чрезвычайные меры использовались в том числе для предотвращения антиросийских выступлений местного населения.

Первые случаи введения усиленной охраны в период революции в Витебской губернии в марте 1905 г. и г. Кишиневе и Аккермане Бессарабской губернии в апреле 1905 г. были вызваны опасениями местных властей, что распространение революционных настроений в еврейской среде может спровоцировать погромную волну [12, л. 23]. В марте 1905 г. на положение усиленной охраны был переведен Ялтинский уезд, где находилась летняя резиденция императорской семьи [12, л. 85]. Весной – летом 1905 г. основными причинами введения усиленной охраны были: рост революционной пропаганды, волнения в рабочей среде, нападения на представителей власти. К 20 октября 1905 г. полностью на положениях усиленной охраны находились двадцать губерний, три области и три градоначальства, частично – одиннадцать губерний и три области [18, л. 4].

В конце 1905 г. в связи с подъемом крестьянского движения положение усиленной охраны вводится в ряде аграрных губерний. Распоряжением министра внутренних дел П. Н. Дурново 29 октября и 7 ноября в состоянии усиленной охраны были объявлены несколько уездов Саратовской губернии, четвертого ноября – Пензенская и Курская губернии, 27 ноября – Воронежская, 28 ноября – Полтавская, 9 декабря – Тульская [12, л. 24–24 об.].

В декабре 1905 – январе 1906 г. губернаторы вводили усиленную охрану на территории своих губерний самостоятельно на основании указа от 29 ноября 1905 г., лишь уведомляя правительство о причинах применения чрезвычайных методов управления. Владимирский губернатор И. М. Леонтьев объявил положение усиленной охраны на линиях Московско-Нижегородской и Муромской железных дорог в пределах губернии в ответ на забастовку железнодорожников. Саратовский губернатор П. А. Столыпин переводил отдельные уезды вверенной ему губернии на положение усиленной охраны без объяснений правительству [12, л. 24 об.]. Имея возможность самостоятельно выбирать варианты исключительных мер, начальники губерний отдавали предпочтение военному положению и чрезвычайной охране, которые позволяли местным властям самостоятельно распоряжаться военными контингентами для борьбы с революционным движением. В конце января 1906 г. Министерство внутренних дел зафиксировало 23 случая введения военного положения по решению местных властей, 18 случаев введения положения чрезвычайной охраны и только 6 случаев введения усиленной охраны [12, л. 18–25].

Использование крайних форм исключительного положения способствовало децентрализации местного управления. Законодательство о военном положении предусматривало сосредоточение всей гражданской и военной власти в руках генерал-губернаторов, которые включались в командные структуры военного времени. Применение военного положения для борьбы с революционным движением привело к тому, что назначенные местными властями из числа начальников воинских частей временные генерал-губернаторы оказались вне системы военного и гражданского управления мирного времени. В мемории Совета министров от 5 марта 1906 г. отмечалось, что «введение военного положения выводит целые местности из порядка общего государственного управления и исключает их из ведения высшего Правительства» [12, л. 77]. В период подъема революции правительство мирилось с создавшимся положением, но с февраля 1906 г. Министерство внутренних дел по поручению Совета министров начинает оказывать давление на руководителей местной администрации с целью склонить их к замене крайних форм исключительного положения более умеренными, такими как усиленная охрана. В феврале 1906 г. военное положение в г. Белостоке Гродненской губернии заменяется положением усиленной охраны, в марте в Калужской губернии чрезвычайная охрана заменяется усиленной [12, л. 73 об., 94 об.]. Местные власти неохотно шли на ограничение своих чрезвычайных полномочий. В мае 1906 г. военное положение действовало на территории 33 губерний, областей и градоначальств, чрезвычайная охрана – в 9, усиленная охрана – в 31 [12, л. 105–107 об.]. На положении усиленной охраны находились также все русские поселения в Бухарском ханстве, которое формально считалось независимым государством [12, л. 107 об.]. Следует отметить, что в этот

период на территории одной губернии могли одновременно действовать разные формы чрезвычайного положения. В Киевской губернии г. Киев с уездом находился на военном положении, г. Бердичев с уездом – на положении чрезвычайной охраны, а остальные территории – на положении усиленной охраны [19, л. 81 об.].

Положение усиленной охраны было для правительства наиболее предпочтительной формой чрезвычайного управления. Оно наделяло местную администрацию значительным арсеналом средств для борьбы с революционным движением и одновременно усиливало влияние центральных органов власти на деятельность правительственных агентов на местах [2, с. 35]. Процесс перехода с военного положения и чрезвычайной охраны на усиленную продолжался до конца революции. В некоторых случаях подъем революционной борьбы заставлял правительство возвращаться к более жестким формам чрезвычайного положения. В июне 1906 г. военное положение было восстановлено в г. Белостоке. Виленский генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий, ходатайствуя о возврате к прежнему уровню исключительных мер, отмечал, что за три месяца нахождения г. Белостока в состоянии усиленной охраны революционерами был осуществлен 31 террористический акт, в то время как за предыдущие полгода, пока действовало военное положение, – всего пять [12, л. 133 об. – 134].

В 1906–1907 гг., несмотря на спад революционной волны, правительство продолжало переводить на положение усиленной охраны территории, на которых еще продолжал действовать общий порядок управления. Переход к чрезвычайным методам во многом зависел от позиции руководителей местной администрации. Некоторые начальники губерний считали исключительные меры обязательной составляющей управления в революционный период и готовы были применять их при любых проявлениях революционной активности. В августе 1906 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин отклонил ходатайство губернатора А. А. Ватаци о введении в Костромской губернии положения усиленной охраны на основании того, что, по оценке самого начальника местной администрации, «острого проявления революционного движения в губернии пока не замечается». Костромскому губернатору были предоставлены особые полномочия, заключавшиеся в праве издавать для населения обязательные постановления для предупреждения нарушений общественного порядка и наказывать за их нарушение самостоятельно в административном порядке штрафом до 500 руб. или арестом до 3 месяцев [12, л. 246–246 об.]. По сути, это была ограниченная форма положения усиленной охраны, которая вводилась там, где не было оснований для введения положения в полном объеме. Введения усиленной охраны в Костромской губернии добился в феврале 1907 г. следующий губернатор А. П. Веретенников, сумевший предоставить правительству достаточные аргументы [14, л. 93]. Определенная часть руководителей губерний не спешила переходить к чрезвычайным методам управления. Одни опасались дополнительной ответственности, для других такое решение было продиктовано нежеланием подставлять себя и своих сотрудников как непосредственных исполнителей жестких административных мер, продиктованных исключительным положением, под удар революционных террористов.

По мере развития революционного процесса отношение местных руководителей к чрезвычайным методам управления менялось. И. Ф. Кошко, занимавший в этот период руководящие посты в администрации нескольких губерний, отмечал в своих мемуарах, что поначалу относился к положению усиленной охраны скептически, считая предоставленные им средства слишком слабыми в условиях, «когда революция обнаглела до последней крайности». Летом 1906 г., занимая пост самарского вице-губернатора, он отказался ходатайствовать о введении усиленной охраны после убийства губернатора И. Л. Блока, но уже весной 1907 г. в должности пензенского губернатора воспринимал чрезвычайные полномочия как «могущественное орудие для борьбы с самым серьезным политическим брожением» [20, с. 88] и активно использовал их в своей деятельности. К концу революции чрезвычайные методы управления в различных формах использовались во всех губерниях Российской империи. Одной из последних на положение усиленной охраны перешла в апреле 1907 г. Симбирская губерния. Важнейшим обстоятельством перехода к чрезвычайному управлению стало опасение местной администрации, что Симбирская губерния, окруженная со всех сторон губерниями, где уже действует исключительное положение, превращается в очаг революционной активности, являясь «пристанищем для разного рода неблагонадежного элемента», высланного из других регионов [14, л. 154].

Полномочия, предоставленные положением усиленной охраны, активно использовались местной администрацией в борьбе с революционным движением. Важным средством административной практики стали обязательные постановления губернаторов. Различавшиеся по форме изложения, структуре, срокам издания обязательные постановления всех губернаторов затрагивали в основном одни и те же вопросы. Перечень проблем, которые регулировались местной администрацией, заранее определялся правительством. Обязательные постановления регламентировали продажу и хранение огнестрельного и холодного оружия, запрещали самовольные митинги и собрания, подстрекательство к забастовкам в государственных, общественных и частных заведениях, самовольное вторжение в чужие помещения и жилища, распространение нелегальной литературы, продажу книг и периодических изданий без разрешения местных властей, сбор денег на нужды запрещенных организаций, любое вмешательство в деятельность полиции [21, л. 1]. Чтобы затруднить свободное передвижение революционеров, все домовладельцы обязаны были регистрировать постояльцев в полиции [22, л. 2 об.]. Ряд обязательных постановлений был направлен против аграрного движения. Крестьянам запрещались самовольный раздел и запашка чужой земли, самовольное смещение должностных лиц сельского самоуправления, участие в самовольных сельских сходах, обсуждение на сходах вопросов, не подлежащих их ведению [22, л. 3]. Впоследствии правительству удалось добиться не только единообразия, но и синхронности в публикации таких документов. Накануне третьеиюньского переворота во многих губерниях России были изданы обязательные постановления, запрещавшие какую-либо революционную агитацию в прессе и других печатных изданиях, а также публикацию какой-либо информации, возбуждающей враждебное отношение к правительству и другим властным структурам [8, с. 28]. В силу специфики региона иногда губернаторы самостоятельно регулировали некоторые вопросы, общими инструк-

циями из столицы не предусматривавшиеся. Обязательным постановлением самарского губернатора от 24 мая 1907 г. все жители, имеющие лодки на Волге и Самаре, должны были зарегистрировать их и обозначить фамилию и инициалы владельца на борту [21, л. 2].

Губернаторы не скупались на административные взыскания за нарушение обязательных постановлений. По решению пензенского губернатора И. Ф. Кошко в 1907 г. были подвергнуты штрафу или аресту за нарушения правил продажи и хранения оружия 115 человек, за участие в самовольных собраниях – 359 человек, за вторжения в чужие имения и вмешательство в действия полиции – 369 человек, за нарушение правил регистрации постояльцев – 145 человек [23, л. 14].

Местные власти активно использовали право административных арестов и высылки. В 1907 г. в Симбирске административным порядком были арестованы почти все известные революционеры, для преследования которых по суду не хватало улик [24, л. 8]. В этом же году из Пензенской губернии было выслано лично губернатором 1694 человека и еще 328 человек – особым совещанием при МВД по его представлению, военному суду были преданы 47 человек [23, л. 14].

Произвол, которым сопровождалась деятельность местной администрации, беспокоил правительство. Во время выборов во II Государственную думу усилился административный нажим на оппозиционные партии. Директор Департамента полиции М. И. Трусевич предупреждал самарского губернатора В. В. Якунина о недопустимости применения административных высылки и арестов «в целях исключительно предвыборной кампании» [25, л. 15]. Для подобного беспокойства были все основания. В Самаре власти арестовали собрание двадцати пяти кадетов-выборщиков, проходившее на квартире лидера местной организации А. Н. Хардина, и изъяли всю документацию партии, связанную с проведением выборной кампании. Прямо во время выборов в городской курии Самары полиция задержала несколько избирателей социал-демократов [25, л. 25, 47].

Использование чрезвычайных полномочий являлось неотъемлемой составляющей деятельности властей всех уровней в период революции 1905–1907 гг. В административной практике применялись различные варианты исключительного законодательства: военное положение, чрезвычайная охрана, усиленная охрана, особые полномочия губернаторов. Наибольшее распространение на территории Российской империи получило положение усиленной охраны, которое, наделяя местную администрацию мощными рычагами воздействия на население, сохраняло незыблемость вертикали власти.

Список литературы

1. Макеев В. В., Толдиев А. Б. Чрезвычайное законодательство в системе государственной охраны Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века) // Философия права. 2014. № 5 (66). С. 34–38.
2. Козинникова Е. Н. Чрезвычайный правовой режим исключительного положения: нормативные основы введения в имперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 32–37.
3. Козинникова Е. Н. Исключительное положение как чрезвычайный правовой режим (опыт анализа нормативных актов и работ полицейстов Российской империи

- конца XIX – начала XX века) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 87–95. doi: 10.25136/2409-868X.2017.11.22543
4. Новицкая Т. Е. Из истории административно-правовых режимов государственной безопасности в России (статья вторая) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 6. С. 3–26.
 5. Зиборов О. В. Режимы «усиленной охраны» и «чрезвычайной охраны» и их соотношение с административно-правовым режимом военного положения // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 277–282.
 6. Зырянов П. Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Исторические записки. 1982. Т. 107. С. 226–302.
 7. Минаков А. С. Тематика обязательных постановлений губернаторов в начале XX в. (по материалам губерний черноземного центра) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. Вып. 17, № 1 (96). С. 95–104.
 8. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство. Л. : Наука, 1978. 246 с.
 9. Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 года в России. М. : Наука, 1991. 232 с.
 10. Митяев Е. А. Борьба с терроризмом на Кубани в ходе революции 1905–1907 гг. // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 46–50.
 11. Кистанов С. В. Высылка эсеров с территории современной Мордовии в период первой русской революции (1905–1907) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. Серия: Гуманитарные и педагогические науки. 2011. № 1 (69), ч. 1. С. 101–108.
 12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 128.
 13. РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 576.
 14. РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 176.
 15. Снегирев И. Безопасность и полиция. Витебск : Типо-лит. П. А. Подземского, 1912. 577 с.
 16. «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска : в 2 т. М. : Новое лит. обозрение, 2004. Т. 1. 512 с.
 17. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 180.
 18. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 98.
 19. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 66.
 20. Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. 1905–1914 г.: Новгород – Самара – Пенза. Петроград : Сдружество, 1916. 259 с.
 21. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 468. Оп. 1. Д. 976.
 22. Государственный архив ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 6. Д. 546.
 23. РГИА. Ф. Библиотека I отд. Д. 65. Всеподданнейший отчет пензенского губернатора за 1907 г.
 24. ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 347.
 25. ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 913.

References

1. Makeyev V.V., Toldiyev A.B. Emergency legislation in the system of state protection of the Russian Empire (second half of the 19th – beginning of the 20th century). *Filosofiya prava = Philosophy of law*. 2014;(5):34–38. (In Russ.)
2. Kozinnikova E.N. The extraordinary legal regime of the state of exception: the normative basis for its introduction in imperial Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(4):32–37. (In Russ.)
3. Kozinnikova E.N. Exclusive provisions as an emergency legal regime (experience of analysis of normative acts and work of political officers of the Russian Empire in the

- late 19th – early 20th centuries). *Genesis: istoricheskiye issledovaniya = Genesis: historical research*. 2017;(11):87–95. (In Russ.). doi: 10.25136/2409-868X.2017.11.22543
4. Novitskaya T.E. From the history of administrative and legal regimes of state security in Russia (article two). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*. 2020;(6):3–26. (In Russ.)
 5. Ziborov O.V. The regimes of “enhanced security” and “emergency security” and their relationship with the administrative and legal regime of martial law. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2015;(2):277–282. (In Russ.)
 6. Zyryanov P.N. The social structure of local government in capitalist Russia (1861–1914). *Istoricheskiye zapiski = Historical essays*. 1982;107:226–302. (In Russ.)
 7. Minakov A.S. Topics of mandatory decrees of governors at the beginning of the 20th century (based on materials from the provinces of the black earth center). *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika = Proceedings of Belgorod State University. Series: History. Politicalology. Economics. Informatics*. 2011;17(1):95–104. (In Russ.)
 8. Dyakin V.S. *Samoderzhaviye, burzhuaziya i dvoryanstvo = Autocracy, bourgeoisie and nobility*. Leningrad: Nauka, 1978:246. (In Russ.)
 9. Tyutyukin S.V. *Iyulskiy politicheskiy krizis 1906 goda v Rossii = The July 1906 political crisis in Russia*. Moscow: Nauka, 1991:232. (In Russ.)
 10. Mityayev E.A. The fight against terrorism in Kuban during the revolution of 1905–1907. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2008;(1):46–50. (In Russ.)
 11. Kistanov S.V. The expulsion of the Socialist Revolutionaries from the territory of modern Mordovia during the first Russian revolution (1905–1907). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I.Ya. Yakovleva. Seriya: Gumanitarnyye i pedagogicheskiye nauki = Bulletin of Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev*. Series: Humanities and pedagogical sciences. 2011;(1):101–108. (In Russ.)
 12. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 1276. Op. 2. D. 128 = Russian State Historical Archive. Fund 1276. Item 2. File 128*. (In Russ.)
 13. *RGIA. F.1278. Op. 1. D. 576 = Russian State Historical Archive. Fund 1278. Item 1. File 576*. (In Russ.)
 14. *RGIA. F.1276. Op. 3. D. 176 = Russian State Historical Archive. Fund 1276. Item 3. File 176*. (In Russ.)
 15. Snegirev I. *Bezopasnost i politsiya = Security and police*. Vitebsk: Tipo-lit. P.A. Podzemskogo, 1912:577. (In Russ.)
 16. «Okhranka»: *Vospominaniya rukovoditeley politicheskogo syska: v 2 t. = “Okhranka”: Memories of the leaders of political investigation: in 2 volumes*. Moscow: Novoye lit. obozreniye, 2004;1:512. (In Russ.)
 17. *RGIA. F. 1276. Op. 1. D. 180 = Russian State Historical Archive. Fund 1276. Item 1. File 180*. (In Russ.)
 18. *RGIA. F. 1276. Op. 1. D. 98 = Russian State Historical Archive. Fund 1276. Item 1. File 98*. (In Russ.)
 19. *RGIA. F. 1276. Op. 1. D. 66 = Russian State Historical Archive. Fund 1276. Item 1. File 66*. (In Russ.)
 20. Koshko I.F. *Vospominaniya gubernatora. 1905–1914 g.: Novgorod – Samara – Penza = Memories of the Governor. 1905–1914: Novgorod – Samara – Penza*. Petrograd: Sodruchestvo, 1916:259. (In Russ.)
 21. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti (TSGASO). F. 468. Op. 1. D. 976 = Central State Archive of Samara region. Fund 468. Item 1. File 976*. (In Russ.)
 22. *Gosudarstvennyy arkhiv ulyanovskoy oblasti (GAUO). F. 76. Op. 6. D. 546 = State Archive of Ulyanovsk region. Fund 76. Item 6. File 546*. (In Russ.)

23. *RGIA. F. Biblioteka I otd. D. 65. Vsepoddanneyshty otchet penzenskogo gubernatora za 1907 g. = Russian State Historical Archive. Fund Library of the 1st department. File 65. The most humble report of the Penza Governor for 1907. (In Russ.)*
24. *GAUO. F. 76. Op. 7. D. 347 = State Archive of Ulyanovsk region. Fund 76. Item 7. File 347. (In Russ.)*
25. *TSGASO. F. 468. Op. 1. D. 913 = Central State Archive of Samara region. Fund 468. Item 1. File 913. (In Russ.)*

Информация об авторах / Information about the authors

Георгий Владимирович Гарбуз

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Отечества,
государства и права, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Georgiy V. Garbuz

Candidate of historical sciences,
associate professor of the sub-
department of the history of Russia,
state and law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: ggarbuz@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 16.09.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.10.2024

Принята к публикации / Accepted 06.11.2024

УДК 908

doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-7

Антибольшевистские восстания в Моршанском уезде (август – декабрь 1918 г.)

А. В. Посадский¹, В. Ю. Рылов²

¹Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Саратов, Россия

²Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

¹Posadav68@mail.ru, ²vyurylov@ya.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Предлагается анализ одного из многих крестьянских восстаний периода Гражданской войны в России. Авторы исходят из того, что крестьянское сопротивление системе большевистской власти, с одной стороны, опиралось на общие предпосылки, с другой – было весьма разнообразным по силе, массовости, успешности. Поэтому изучение отдельных крестьянских выступлений периода военного коммунизма представляется важной научной задачей. *Материалы и методы.* Показано возникновение, развитие и подавление восстаний в Моршанском уезде Тамбовской губернии во второй половине 1918 г. Наиболее массовым среди них было крупное восстание ноября-декабря этого года. Тамбовская губерния ярко представлена на карте Гражданской войны, прежде всего, мощным восстанием 1920–1921 гг. Поэтому предшествующее развитие событий, различное поведение уездов в 1918 г. позволяет лучше понять механизмы и мотивы крестьянского сопротивления. Авторы предлагают историографический обзор по теме и дают характеристику использованных источников. *Результаты и выводы.* Обращено внимание на то, что информативный фонд тамбовского губернского военного комиссара находится в Воронеже, поэтому мало востребован исследователями Тамбовской области. Дан подробный очерк развития восстания в Моршанском уезде, выделены наиболее активные села, оценены возможности восставших и причины их поражения. События рассматриваются на общеисторическом фоне, включавшем в себя завершение Первой мировой войны и развитие революционного процесса в Европе. Сделаны наблюдения об общем и особенном в развитии крестьянского движения в России в годы Гражданской войны.

Ключевые слова: революция, Гражданская война в России, крестьянские восстания, антибольшевизм, красный террор, Тамбовская губерния

Для цитирования: Посадский А. В., Рылов В. Ю. Антибольшевистские восстания в Моршанском уезде (август – декабрь 1918 г.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 83–97. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-7

Anti-Bolshevik uprisings in Morshansky district (August – December 1918)

A.V. Posadsky¹, V.Yu. Rylov²

¹Stolypin Volga Region Institute of administration – the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia

© Посадский А. В., Рылов В. Ю., 2024. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

²Voronezh State University, Voronezh, Russia

¹Posadav68@mail.ru, ²vyurylov@ya.ru

Abstract. *Background.* The article offers an analysis of one of the many peasant uprisings during the Civil War in Russia. The authors proceed from the fact that the peasant resistance to the system of Bolshevik power, on the one hand, was based on common prerequisites, on the other hand, it was very diverse in strength, mass character, and success. Therefore, the study of individual peasant uprisings during the period of “war communism” is an important scientific task. *Materials and methods.* The article shows the emergence, development and suppression of uprisings in the Morshansky district of the Tambov province in the second half of 1918. The most massive among them was a major uprising in November - December of this year. The Tambov province is clearly represented on the map of the Civil War, first of all, by the powerful uprising of 1920-1921. Therefore, the previous development of events, the different behavior of the districts in 1918, makes it possible to better understand the mechanisms and motives of peasant resistance. The authors offer a historiographical overview of the topic and characterize the sources used. *Results and conclusions.* Attention is drawn to the fact that the informative fund of the Tambov provincial military commissar is located in Voronezh, therefore, it is little demanded by researchers of the Tambov region. A detailed outline of the development of the uprising in the Morshansk district is given, the most active villages are identified, the capabilities of the rebels and the reasons for their defeat are assessed. The events are considered against a general historical background, which included the end of the First World War and the development of the revolutionary process in Europe. Observations are made about the general and particular in the development of the peasant movement in Russia during the Civil War.

Keywords: revolution, Civil War in Russia, peasant uprisings, anti-Bolshevism, red terror, Tambov province

For citation: Posadsky A.V., Rylov V.Yu. Anti-Bolshevik uprisings in Morshansky district (August – December 1918). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(4):83–97. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-7

Введение

История крестьянских восстаний в годы Гражданской войны вызвала к жизни немало исследований как конкретно-исторического, так и концептуального характера [1–4]. Их авторы в большей степени концентрируются на восстаниях 1920–1921 гг., в то время как предшествующие события, в том числе на территории Тамбовской губернии, остаются в тени, хотя в общих чертах описаны в литературе [3, с. 267–270; 5, с. 41–43; 6–8]. Подробных исследований о восстаниях в Моршанском уезде нет, за исключением краеведческого материала [9]. Предлагаемая работа является попыткой реконструировать события восстаний в Моршанском уезде в 1918 г. Авторы опирались на архивные материалы, опубликованные документы [10], прессу.

Уже летом – осенью 1918 г. крестьянские восстания произошли в половине губерний центральной России [3, с. 261]. Они были вызваны в первую очередь усилением продовольственной диктатуры и началом массовой мобилизации крестьян. Восстания продемонстрировали масштаб протеста, хотя степень их интенсивности и успешности везде была разная. Одной из наиболее организованных, массовых и относительно успешных была борьба с большевизмом крестьян Тамбовской губернии. Но и в границах губернии уезды

вели себя по-разному: наиболее активными были Тамбовский, Кирсановский, Моршанский уезды.

Восстания 1918 г. можно рассматривать в контексте как ноябрьского наступления Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) на Южном фронте, тылом которого являлась Тамбовская губерния, так и окончания Первой мировой войны, что мыслилось большевиками как этап мировой революции. Данный сюжет интересен еще тем, что впоследствии губерния продемонстрирует повстанческую активность летом 1919 г., но особенно во время Тамбовского восстания 1920–1921 гг. При этом уезды боролись по-разному: Тамбовский стал главной территорией восстания, как и в 1918 г., а Моршанский оказался на периферии главного восстания 1920–1921 гг. Объяснение этого различия может крыться в ходе и итогах восстания 1918 г. Описываемые в настоящей статье события происходили на стыке трех уездов: юго-восточной части Моршанского, северо-восточной Тамбовского и северо-западной Кирсановского. Те же местности и в последующее время проявляли повстанческую активность.

Обстановка в Тамбовской губернии в преддверии восстания

Антибольшевистская борьба в Тамбовской губернии началась почти сразу после прихода большевиков к власти. Первым произошло восстание в Елатомском уезде в начале 1918 г. [11]. В конце января Елатьма была взята со второй попытки отрядом красных в 500 человек пехоты и кавалерии при трех орудиях после артобстрела города [12, с. 71].

В Елатомском уезде имело место и крестьянское восстание в с. Сасово в начале 1918 г., в котором участвовало около 500 человек, причиной восстания был вывоз хлеба из уезда. Восстание было подавлено кавалерией красных [12, с. 71]. В апреле 1918 г. в Тамбовском уезде вспыхнуло восстание на почве мобилизации лошадей в отряды В. И. Киквидзе. 7 апреля крестьянами была разогнана мобилизационная комиссия, посланная губвоенкомом. 18 апреля при объявлении мобилизации в с. Арапове в 12 верстах от Тамбова был разогнан отряд конных красноармейцев. Всего восставших было до 20 тыс.; их рассеяли атакой кавалерии, броневика и конной батареи [13, с. 96].

Большевики быстро прошли путь от доктринального отрицания регулярной армии до необходимости ее создания после своего прихода к власти. Добровольцев было мало, ходили слухи, что служить у большевиков позорно [13, с. 94]. Уже в начале 1918 г. в губернии началось формирование резервно-милиционных частей. В Моршанске располагался штаб 2 бригады 90 дивизии, в уезде формировались 806 и 807 пехотные полки [14, л. 50]. Волостные советы были обязаны сформировать и финансировать роты, укомплектованные по территориальному принципу [15, л. 26 об.]. Причем расходы на всеобщую подготовку предполагалось «относить на смету Главного управления Военно-учебных заведений» [16, л. 2].

19 мая 1918 г. Тамбов посетил председатель Высшей военной инспекции Н. И. Подвойский, который выступил с речью о социалистической армии перед отрядом Киквидзе [17]. Красноармейцы в присутствии Подвойского принесли присягу. Основная цель визита Подвойского заключалась в чистке местных красных частей от ненадежных и неуправляемых элементов [17; 18, с. 39]. В конце мая – начале июня был образован Чехословацкий фронт со

штабом в Пензе. Ближайшим его тылом объявлялась линия Тамбов – Моршанск – Кадом. Все части в этом районе подчинялись главкому фронта А. Ф. Мясникову [19, л. 15].

Большевики создавали собственную военную инфраструктуру. 8 мая 1918 г. вышел декрет об образовании военных округов. Декрет о призыве в РККА вышел 27 августа, но еще 12 июня Ленин распорядился призвать на военную службу рабочих и крестьян 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897 гг. рождения [20, с. 615–616]. В Тамбовской губернии Московского военного округа произвели пробный призыв крестьян. При этом продолжалась демобилизация и расформирование частей старой армии, что добавляло волнений и дезорганизации.

Как отмечали большевики, «там, где существуют комбеды и коммунистические ячейки, мобилизация идет хорошо. Где кулацкие советы, активно духовенство, помещики – плохо» [21]. Большевики сознательно делали ставку на раскол деревни, что приносило свои плоды. Настроение деревни во многом определял продовольственный вопрос, как земельный – на предшествующем этапе революции. Ленин объявил о наличии избытка хлеба в черноземных губерниях, включая Тамбовскую [22, с. 412], и потребовал энергичной борьбы за хлеб [23, с. 424]. Он объяснял восстания 1918 г. происками бывших эксплуататорских классов, приводя в пример безнадежности «происков» быстрое подавление июньского восстания в Тамбове [24, с. 444, 451].

3 мая 1918 г. на совещании уполномоченных и инструкторов продкомов в Воронеже было заявлено, что Тамбовская губерния «имеет громадные запасы картофеля, овса и хлеба» [25]. Вывоз ржи из Тамбовской губернии составлял около 5 млн пудов, овса – более 2,5 млн пудов. Избытки урожая 1917 г. определялись в 16 млн пудов зерна. В мае поставки хлеба из Тамбовской губернии составили 37 вагонов, «в июне благодаря агенту наркомпрода было организовано три маршрутных поезда, в июле – 20 вагонов». В августе ситуация заметно ухудшилась, причем не по недостатку продуктов, а из-за отсутствия работоспособного продаппарата. В результате губерния выбыла из производящих [26].

Летом 1918 г. красные части тамбовского формирования вели бои с казаками на границе Воронежской, Тамбовской губерний и области Войска Донского. Например, ожесточенный бой произошел 25 июля 1918 г. в районе Новохоперска [27, л. 57]. 11 сентября был образован Южный фронт РККА. Близость фронта и местные мобилизации вызывали крестьянские восстания. В начале сентября 1918 г. в Балашове и уезде Саратовской губернии было ликвидировано «восстание кулаков и мобилизованных», причем подавлявшие части расстреляли «2 священников, несколько офицеров и кулаков» [28]. Мобилизация в соседнем Новохоперском уезде Воронежской губернии в это же время была и вовсе сорвана [21].

В советских частях происходили волнения и бунты. 25 мая 1918 г. выступил 1-й Моршанский социалистический полк [19, л. 49 об.]. Самым крупным оказалось восстание в Тамбове 17–19 июня [29], в котором принимал активное участие Тамбовский социалистический полк. 13 сентября в Козлове был раскрыт контрреволюционный заговор во главе с председателем совдепа Лавровым и военкомом Конуховичем, которые планировали захват Козлова

и блокирование сообщения Москвы с Поволжьем [28]. В начале октября 1918 г. восстали мобилизованные унтер-офицеры в Борисоглебске [30].

Начало мобилизации в Тамбовской губернии показало нежелание крестьян идти в Красную армию. Волсоветы часто саботировали приказы о мобилизации. Местные власти повсеместно отличались некомпетентностью, произволом, безответственностью, что констатировал 11 сентября 1918 г. III съезд советов Тамбовской губернии, объявив беспощадную борьбу самоуправству представителей власти [31, с. 412–413]. Только после приказа «Об аресте членов волостных Советов в случае неявки мобилизованных и доставки последних под конвоем» крестьяне стали нехотя являться на призывные пункты. Мобилизация не была обеспечена всем необходимым, из-за этой части формировались медленно [32, л. 148].

Высшая военная инспекция приказывала принимать самые жесткие меры, вплоть до расстрелов «на месте» дезертиров, из которых «составлять штрафные части с отправкой на фронт на опасные участки», «в семьях, домах, учреждениях, которые укрывают дезертиров или прикосновенны к укрывательству, мобилизовать все мужское население 18–40 лет», «способных к работе женщин, укрывающих дезертиров, привлекать на работы санитарные и прочие военные учреждения, на уборку нечистот, на чистку улиц» [33, л. 202].

Мобилизационная кампания усилилась в октябре 1918 г. Революционный военный совет Республики объявил губернию на осадном положении. Местная власть жаловалась на противоречивые указания из центра: «Крайне смущает и удивляет: от губисполкома получаем телеграмму приостановить мобилизацию, а от губвоенкома провести во что бы то ни стало, просим разъяснить. Мы просим разъяснить, как поступить с отправкой мобилизованных ввиду имеющихся у нас сведений о прерыве железнодорожных сообщений Казанско-Сызранско-Вяземской, разъяснения не последовало. Вообще все наши запросы остаются без ответа, от чего приходится работать без ответственности», – взывали местные руководители 18 ноября 1918 г. [32, л. 222].

В Тамбовской губернии с октября развернулись восстания почти во всех уездах. Для их подавления привлекалась вооруженная сила из соседних губерний [34, с. 17]. Нарком внутренних дел РСФСР Г. И. Петровский уже 12 ноября увидел связь между крупными восстаниями в соседних губерниях – Владимирской, Рязанской, Тамбовской и сопредельных [3, с. 270]. Самая активная фаза восстаний пришлась на 7–21 ноября. Крестьянское движение по уездам двигалось волнами. Восстание в Кирсановском уезде подняло Моршанский уезд.

Начало восстаний

Перейдем к событиям в Моршанском уезде. В самом Моршанске 11 июля 1918 г. произошел переворот: комитет РСДРП(б) и горсовет с помощью частей гарнизона распустили «кулацкий» уездный съезд советов и исполком. Новый исполком был назначен из одних коммунистов, а уком получил право контролировать его действия и перемещать членов. В уезд отправилось около сотни матросов-черноморцев для организации комбедов [35, с. 77]: у крестьян отнимали продовольствие, практиковались избиения, телесные наказания, имелись случаи изнасилований и расстрелов [9]. Моршанский земельный отдел издал распоряжение о вспашке земли в совхозах в Каменской волости

с предупреждением, что если земля не будет вспахана к установленному сроку, то будут «расстреляны по несколько кулаков, причем кулаки... отделу земледелия известны» [10, с. 367].

Уже в августе произошло восстание в с. Алгасово, которое было быстро подавлено, но в начале ноября восстание там вспыхнуло снова. В октябре восстало с. Отыясы – вотчина эсеров братьев Е., П., Т. Меркуловых [9; 10, с. 366]. 31 октября произошло восстание в Левых Ламках, при подавлении были расстрелы целых семей [7, с. 114]. 4 ноября 1918 г. красными летчиками-наблюдателями была замечена повстанческая активность в районе Ракша – Островка – Рыбное [10, с. 368].

Ноябрьское восстание

7 ноября вспыхнуло восстание в селах, расположенных близ ст. Верда – Ягодное. Высланные из Калуги и Моршанска железнодорожные отряды с двумя бронемашинами и пулеметами потерпели поражение у ст. Фитингоф. Восстание распространилось на весь Моршанский уезд. Восставшие тысячными вооруженными толпами двигались к Моршанску, портили железнодорожные пути и занимали станции [10, с. 371]. Поражение красных отрядов состоялось 9 ноября. Толпами крестьян руководили офицеры¹. Комиссар Сызрано-Вяземской железной дороги докладывал в Москву 10 ноября, что прилегающие к дороге населенные пункты занимались восставшими Ряжского, Сапожковского (Рязанской губернии) и Моршанского уездов [32, л. 232].

9 ноября вспыхнуло восстание в Грибоедово, о чем сообщил военком Татарищенской волости [32, л. 202]. В тот же день Тамбовский губвоенком докладывал в штаб Южфронта в Козлове о ликвидации восстания в Шацком и Моршанском уездах и начале очередного восстания в Тамбовском. На подавление большевики отправили 16 полк 2 продовольственной дивизии с двумя батареями [32, л. 176].

Губвоенком Мазалов доложил в Москву 10 ноября о принятых мерах и об очаговом характере повстанческого движения. В Моршанск отправился отряд в 200 человек с пулеметами, но был переброшен в Шацкий уезд, так как Моршанский 7 ноября якобы был умиротворен. Однако стал подниматься Тамбовский уезд. В район ст. Вернадовка, где образовался очаг восстания (35 верст от Моршанска), двинулся Пензенский отряд. В Моршанск отправлялся новый отряд из гарнизона Тамбова [32, л. 172]. В тот же день председатель Соколовского волисполкома Кирсановского уезда докладывал, что из Моршанского уезда наступал повстанческий отряд «в числе кавалеристов и 60–70 человек пехоты». На купирование восстания двинулись отряды местной милиции. Тогда же председатель Моршанского военно-революционного совета докладывал в губисполком, что подавленное в октябре восстание в уезде вновь разгорелось с большой силой, в нем участвуют мобилизованные, и опасность угрожает уже уездному центру. Согласно докладу Кирсановской чрезвычайной комиссии (ЧК), 10 ноября с восставшими столкнулся железнодорожный отряд и потерпел неудачу, потеряв 6 человек убитыми, 16 ранеными и 2 пулемета [10, с. 371, 374, 383]. На 10 ноября только в северо-восточной части уезда собралось до 12 тыс. повстанцев с 6–7 орудиями и

¹ Интересно отметить, что Моршанское реальное училище выделялось по количеству выпускников, ставших офицерами в годы Первой мировой войны [36, с. 69].

10 пулеметами. Отряду Красной армии пришлось отступить. Пензенские отряды красных действовали близ Вернадовки, один отряд двинулся в Моршанск [32, л. 148].

11 ноября Тамбовский губвоенкомат доложил в штаб Южфронта о прибытии штаба кирсановских отрядов (роты и эскадрона) вечером 10 ноября в Куровщину, где к нему присоединилось около ста вооруженных людей из Соколовской, Подвигаловской и Куровщинской волостей [32, л. 162].

12 ноября кирсановские красные отряды вели бои с повстанцами в Моршанском уезде на границе с Кирсановским в районе Вышенки, Питима, Рудовки, Шереметьево и др. Во время встречного боя с повстанцами большевики вынуждены были отступить от д. Васильево, потеряв четырех человек ранеными и один пулемет, и оставить ряд других населенных пунктов. Возникла угроза окружения и разгрома кирсановских отрядов (кроме военных, милиции, ЧК в боевых действиях участвовали коммунисты, советские активисты, члены профсоюзов).

Тамбовский губвоенком Г. М. Шидарев докладывал в штаб Южфронта о контроле восставшими районов Фитингоф, Дашково, Вернадовка, Бегаево, Таракса в Моршанском уезде. Повстанцы разбирали железнодорожные пути. Из Шацка в Моршанский уезд двигался отряд ГубЧК – около трехсот человек при двух орудиях и броневом автомобиле, а из Тамбова – отряд в двести пятьдесят человек при трех пулеметах [10, с. 375–377, 384].

По воспоминаниям чеха-интернационалиста А. Шипека, восстание в районе ст. Вернадовка и Фитингоф и с. Пичаево возглавлял полковник Ермаков [37]. Повстанцы перерезали линию снабжения Восточного фронта Москва – Пенза – Самара. На подавление восстания был брошен пензенский интернациональный отряд в 1300 человек при 16 пулеметах, 12 орудиях, 2 эскадронах кавалерии и бронепоезде штаба Восточного фронта. Главной задачей было освободить от повстанцев железную дорогу. Операция началась 12 ноября захватом ст. Соседка, потом последовал удар в центр восстания, с. Пичаево, в 30–40 км от Вернадовки [38, с. 70].

13 ноября Кирсановский военрук Сбруев сообщал в Тамбов об отступлении своих отрядов от границы Моршанского уезда к Куровщине под натиском противника, который, якобы, использовал артиллерию [32, л. 184]. Тогда же Сбруев оценил силы повстанцев в Моршанском уезде в не менее 2000 человек, вооруженных винтовками и 4 пулеметами. Красных же было 400 человек с 4 пулеметами; военрук опасался перерыва железнодорожного сообщения с Тамбовом. От повстанцев удалось очистить Шереметьевку и Вышенку [32, л. 205]. Ряд населенных пунктов переходил из рук в руки.

14 ноября Тамбовский военком обещал центру подавить восстание в Моршанском уезде 15 ноября, отметив, что восстания в Шацком, Козловском, Тамбовском уездах задержали мобилизацию и отправку на фронт пополнения [32, л. 193]. Начальник карательного отряда в две роты при 4 пулеметах сообщил губвоенкому о переброске на грузовых автомобилях до с. Козывань, в котором разведка повстанцев агитировала местных присоединиться к восстанию. Карательный отряд арестовал и расстрелял несколько участников восстания [32, л. 247].

15 ноября утром, выйдя из Козывани, отряд начал наступать на с. Пахотный Угол, где повстанцы оказали упорное сопротивление, и красный

отряд отступил [32, л. 247 об.]. Однако у с. Керши повстанцам был дан бой и повстанцы потерпели поражение с потерей 15 человек убитыми.

16 ноября отряду под командованием Левина предписывалось расположиться со штабом в Рудовке, держать связь с Пензенским отрядом и не допустить «банд» в Кирсановский уезд. Отряд Протопопова с двумя орудиями должен был нанести решительный удар повстанцам в Моршанском уезде [32, л. 182].

16 ноября губвоенком рекомендовал отрядам, направленным на подавление восстания в уезде, произвести публичные расстрелы арестованных и впредь расправляться с повстанцами самым решительным образом.

17 ноября был взят Пахотный Угол и карательный отряд подошел непосредственно к Моршанскому уезду, где предстояло дать бой у Гагарино.

18 ноября разведка красных обнаружила штаб повстанцев и их основные силы в районе этого села, а в Кирсановском уезде – летучий конный отряд повстанцев. Их ликвидация была поручена латышскому отряду Языкова с подчинением ему Тамбовского отряда Шердина, Пензенского латышского отряда Фридрихсона и конного отряда Лапкина. Моршанским военкомом Дубиной и губвоенкомом Шидаревым в телефонном разговоре 18 ноября было принято решение о задержании или уничтожении всех беглецов из района боевых действий, появляющихся на границе Моршанского, Кирсановского и Тамбовского уездов. Эту задачу выполнял отряд Протопопова в 450 человек при 16 пулеметах. В этот же день часть отряда Протопопова попала в засаду возле с. Большое Гагарино. Три командира бежали, бросив отряд, красноармейцы также разбежались, бросив орудие, два пулемета, два грузовика, 25 тыс. патронов и 50 снарядов [8, с. 283–284; 32, л. 248]. Повстанческий отряд в 11 человек из с. Перкино Моршанского уезда появился в селах Черняновской волости Тамбовского уезда с «провокационными» (читай – агитационными) целями [10, с. 379–380].

19 ноября красные после двух-трехчасового боя заняли Знаменку Моршанского уезда, село наполовину сгорело. Красные, в отличие от повстанцев, потерь не понесли. Одновременно Пензенский отряд занял Гагарино. Здесь же был кирсановский отряд с эскадрой кавалерии Московского полка, отряд Порохового завода. В боях под Гагарино и Большим Ломовисом красными применялась артиллерия, восставшими – пулеметы. Повстанцы пытались обходить противника с флангов, но были рассеяны огнем. Трофеями победителей стали семь пулеметов, два орудия, десятки винтовок и грузовик. Уцелевшие повстанцы рассеялись, окрестные села выносили резолюции о признании советской власти и выдаче оружия. Победители наложили на села контрибуцию. Несколько красных отрядов были оставлены для «чистки» замиренного района [8, с. 284; 32, л. 249 об.].

21 ноября восстание в целом было подавлено, но отдельные столкновения происходили еще несколько дней. Совокупные потери, например, кирсановских большевистских отрядов составили 6 убитых коммунистов и 2 красноармейца, 2 лошади, тяжело ранен главный врач полевого штаба, не считая прочих раненых. В то же время сильно пострадали Моршанская, Шацкая и Кирсановская организация партии – погибло много местных коммунистов [10, с. 384–385, 389].

Финал в декабре

Оставленные большевиками отряды, в том числе упомянутый отряд чехов-интернационалистов, не имели обоза и были плохо обмундированы. Бои

с наиболее упорными повстанцами затянулись на несколько недель. Восставшие в начале декабря вновь заняли ст. Фитингоф и беспокоили Вернадовку. Для отвлечения их от железной дороги решено было ударить по штабу восставших в Пичаево. Вылазка в этом направлении оказалась неудачной. Отряд чехов потерял 64 человека убитыми, 6 сестер Красного Креста и одно орудие, но восставшие оставили дорогу и стали укрепляться в глуши. Их было 1500–2000 вооруженных при 2 орудиях и еще 3 старинных орудиях, изъятых из музея. Это восстание известно как Рудовско-Пичаевское, на границе Кирсановского и Моршанского уездов.

15 декабря Пензенский совет прислал подкрепление и обмундирование. 17 декабря интернациональный отряд начал наступление и после упорных боев 19 декабря подошел к Пичаеву. Село было взято в ночь на 20 декабря с боем и возвращением потерянного орудия. Повстанцы разбежались по лесам и деревням, но оружия не сдавали, их вылавливали облавами. Отряд вернулся в Пензу и в феврале 1919 г. отбыл на родину [38, с. 71].

К восставшим обращался «Штаб по усмирению мятежа в уезде» с целью внести раскол в ряды восставших; беднякам и рабочим предлагалось покинуть «банды». Повстанцам внушали, что восстание нескольких волостей – ничто по сравнению с разраставшейся мировой революцией [10, с. 374–375]. Большевики пытались утратить восставших гигантским масштабом революционных побед.

Против восставших применялись все доступные силы и средства. Так, командир 2 Моршанской авиагруппы испрашивал у Реввоенсовета разрешение разгонять скопления восставших и их митинги пулеметным огнем с самолетов [10, с. 368]. Отмечены были даже газобаллонные атаки, т.е. применение химического оружия [39, с. 165].

Руководители, участники и пособники восставших объявлялись врагами народа и революции, подлежащими расстрелу без суда и следствия [10, с. 367]. Уровень репрессий был непривычно высоким. Об этом писали и левые эсеры, отмечая, что в соседней Рязанской губернии были расстрелы кулаков и попов независимо от их участия в восстаниях [39, с. 194]. Самые тяжелые картины нарисовал по материалам социалистической печати С. П. Мельгунов; особенно пострадал Пичаевский район [40, с. 97–98].

В свою очередь, восставшие пытались выходить на связь с Донской армией [41, с. 256–257]. Есть упоминания о движении повстанцев на соединение с казаками или об ожидании казаков [42, с. 63–70], однако никаких массовых вторжений восставших в ближайший тыл Южфронта не отмечено.

Заключение

В документах большевиков восстание именовалось кулацко-белогвардейским, связанным «с попами и эсерами» и белым Доном. Оно объединило широкий круг недовольных, в том числе монархистов. Среди восставших было много среднего и бедного крестьянства. Вопрос о реальной связи руководителей восстания с белыми остается открытым. Очевидно лишь, что в Моршанском уезде сработало удачное сочетание массовых настроений и личных качеств местных офицеров и иных активистов, взявших руководство восстанием в свои руки.

Представленные факты дают основания предполагать провокационное поведение большевиков для осуществления карательного удара. Большевики сначала создали карательный аппарат, собственную армию и сразу повели наступление на крестьянство, предварительно попытавшись и его расколоть по классовому признаку. Для большевиков крестьянство было мелкобуржуазным классом собственников – доктринальным противником, который подлежал уничтожению, как и буржуазия в целом, что особо и не скрывалось большевиками.

Среди причин, вызвавших массовое антибольшевистское движение, официально была названа деятельность отдельных работников из советского и партийного аппарата, ЧК и комбедов. Компрометирующие власть работники превышали свои полномочия, были грубы, нарушали интересы среднего крестьянства. Реквизиции, контрибуции, штрафы, растраты народных денег, пьянки, кулачные расправы и пр. терроризировали в том числе бедноту и в значительной степени явились причиной восстания. В этом выразился характерный для большевиков прием, который можно было бы назвать «головокружение от успехов», много раз примененный в годы гражданской войны, коллективизации, массовых репрессий, когда наиболее последовательные исполнители воли партийной верхушки обвинялись в «перегибах» и иных злоупотреблениях. На них и возлагалась вся ответственность в случае провала партийной политики.

Крестьянское движение носило организованный характер, во главе восстания находился штаб. Борьба восставшими велась с применением правил военного искусства: устраивались засады, баррикады, грамотно готовились окопы. В центре внимания руководителей восстания находилась железная дорога, обеспечивавшая Южный фронт. Офицеры стремились создать из повстанцев «Народную армию» наподобие армии Комуча. Восставшие были относительно неплохо вооружены отбитым у красных войск оружием; имелись пулеметы и даже артиллерия. Но основная часть восставших, за исключением активного ядра, была вооружена холодным оружием местного производства.

Совокупные данные о числе восставших отсутствуют. Насколько можно судить, следует разделять сравнительно организованные, вооруженные, мобильные отряды и общее число поднявшихся крестьян. Последних насчитывалось более 10 тыс. До 2 тыс. вооруженных крестьян находилось в наиболее упорном ядре. Именно они ожесточенно сражались с подавителями, в том числе и в позднейших восстаниях. Данных о погибших восставших почти нет. Равно как мало их о подавителях. По приблизительным оценкам, жертвы террора и боевых действий с обеих сторон могут составлять порядка тысячи человек. Документы показывают активное применение расстрелов при подавлении восстания. Против восставших применялись все доступные силы и средства. В сводках упоминаются авиация, бронепоезда, броневики, грузовики, артиллерия и даже химическое оружие.

Восставшим при относительном численном перевесе не хватало оружия, боеприпасов, слаба была логистика. Большевики же могли успешно использовать свои объективные преимущества. Поэтому восстания крестьянства, даже подготовленные и организованные, с самого начала были обречены на военное поражение. Перспективы могли открываться только в тесном сотрудничестве с белыми фронтами. В то же время крестьянство своей массовой

борьбой, при множестве частных поражений, затормозило шествие большого красного проекта.

Список литературы

1. Аптекарь П. А. Сопротивление крестьян политике большевиков в 1918–1922 гг. (по материалам европейских губерний РСФСР) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 337 с.
2. Данилов В. П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. М. ; Тамбов : ТГТУ, 1996. С. 4–23.
3. Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М. : Стрелец, 2001. 397 с.
4. Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 575 с.
5. Фатуева Н. В. Противостояние: кризис власти – трагедия народа (из истории крестьянских волнений и восстаний в Тамбовской губернии в 1918–1921 годах). Рязань : Русь, 1996. 303 с.
6. Федоров С. В. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в ноябре – декабре 1918 г. // Эхо : сб. ст. по новой и новейшей истории Отечества. М., 1999. Вып. 1. С. 63–70.
7. Шадский О. Г. Крестьянство Тамбовской губернии и советская власть: первый опыт взаимоотношений (лето 1918 – лето 1919) // Аграрное и земельное право. 2020. № 5. С. 111–115.
8. Зайцева М. Ю. Ноябрьское 1918 г. восстание в Тамбовском уезде Тамбовской губернии // Крестьянский фронт 1918–1922 г. : сб. ст. и материалов / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2013. С. 264–294.
9. Савенков И. Антоновское восстание в Моршанском уезде // Моршанск – город на Цне. URL: <http://morshansk.ucoz.ru/news/2008-12-20-262>
10. Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917–1918 : документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М. : РОССПЭН, 2003. 480 с.
11. Красная книга ВЧК : в 2 т. 2-е изд. М. : Политиздат. 1989. Т. 1. 419 с.
12. Кузнецов М. В. Материалы и исследования по рязанскому краеведению : сб. науч. работ. Т. 8: Крестьянские восстания в Рязанской губернии в 1918 году / отв. ред., сост. Б. В. Горбунов ; Ряз. обл. ин-т развития образования. Рязань, 2005. 422 с.
13. Рылов В. Ю. Антоновское восстание в документах Государственного архива Воронежской области // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Грамота. 2017. № 6 (80): в 2 ч. Ч. 2. С. 93–97.
14. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-2183. Оп. 1. Д. 8.
15. ГАВО. Ф. Р-2183. Оп. 1. Д. 23.
16. ГАВО. Ф. Р-2183. Оп. 1. Д. 7.
17. Воронежский красный листок. 1918. № 13. С. 2–3.
18. Ратьковский С. И. Крушение 1 сентября 1918 г. спецпоезда Председателя Высшей Военной инспекции Н. И. Подвойского: версии событий // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2018. № 6. С. 33–49.
19. ГАВО. Ф. Р-2183. Оп. 1. Д. 36.
20. Ленин В. И. Телеграмма Тамбовскому губернскому военному комиссару // Декреты Советской власти : в 18 т. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М. : Политиздат, 1959. С. 615–616.
21. Воронежский красный листок. 1918. № 61. С. 4.
22. Ленин В. И. Объединенное заседание ВЦИК и Московского Совета // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 36. Март – июль 1918 г. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1974. С. 412.

23. Ленин В. И. О продовольственных отрядах. Речь на рабочих собраниях Москвы 20 июня 1918 г. // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 36. Март – июль 1918 г. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1974. С. 424.
24. Ленин В. И. IV конференция профсоюзов и фабзавкомов Москвы // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 36. Март – июль 1918 г. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1974. С. 433–471.
25. Воронежский красный листок. 1918. № 8.
26. Продовольственная хроника // Известия Воронежского губернского продовольственного комитета. 1918. № 20. С. 4.
27. ГАВО. Ф. Р-2183. Оп. 1. Д. 2.
28. Воронежский красный листок. 1918. № 72. С. 3.
29. Канищев В. В. Тамбовское восстание 17–19 июня 1918 г. как проявление Гражданской войны // История: факты и символы. 2018. № 2 (15). С. 124–131.
30. Посадский А. В., Рылов В. Ю. Антибольшевистское восстание в Борисоглебске Тамбовской губернии в 1918 г. // Воронежский вестник архивиста : научно-информационный ежегодник. Воронеж, 2022. Вып. 20. С. 195–199.
31. Советы в эпоху военного коммунизма (1918–1921) : сб. док. : в 2 кн. / под ред. и с предисл. В. П. Антонова-Саратовского. М. : Изд-во Комакадемии, 1928. Кн. 1. С. 412–413.
32. ГАВО. Ф. Р-2381. Оп. 1. Д. 1.
33. ГАВО. Ф. Р-2183. Оп. 1. Д. 10.
34. Зыбко Н. П. Тамбовская партийная организация в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920 гг.). Тамбов : Тамбов. Кн. изд-во, 1961. 40 с.
35. Советы Тамбовской губернии в годы Гражданской войны 1918–1921 гг. : сб. док. и материалов. Воронеж : Центр.-Черн. кн. изд-во, 1989. 378 с.
36. Канищев В. В. «От недр своих». Крестьяне Тамбовской губернии в офицерском корпусе русской армии периода Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2022. № 12. С. 66–73.
37. Климкова М. «Разстрелять и широко опубликовать среди населения»: Хроника подавления Рудовского восстания // Источник: документы русской истории. 2002. № 6. С. 63–73.
38. Шипек А. Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войне // Война и революция. 1928. № 2. С. 70.
39. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. : в 3 т. Т. 2. Ч. 3. Октябрь 1918 – март 1919 г. / сост.: Я. В. Леонтьев, М. И. Люхудзаев, Д. И. Рублев ; отв. ред. А. К. Сорокин ; Федер. архив. агентство ; Рос. гос. архив соц.-полит. истории ; Гос. архив Российской Федерации ; Гос. публ. ист. б-ка России. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2017. 894 с.
40. Мельгунов С. П. Красный террор в России. Нью-Йорк : BRANDY, 1979. 203 с.
41. Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы : сб. ст. и материалов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М. : АИРО-XXI, 2017. 550 с.
42. Федоров С. В. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в ноябре–декабре 1918 г. // Эхо : сб. ст. по новой и новейшей истории Отечества. М., 1999. Вып. 1. С. 63–70.

References

1. Aptekar P.A. *Peasants' resistance to the Bolshevik policy in 1918–1922 (by the materials from the European provinces of the RSFSR): PhD dissertation*. Moscow, 2002:337. (In Russ.)
2. Danilov V.P. *Peasant Revolution in Russia, 1902–1922. Krestyane i vlast = Peasants and power*. Moscow; Tambov: TGTU, 1996:4–23. (In Russ.)

3. Osipova T.V. *Rossiyskoye krestyanstvo v revolyutsii i grazhdanskoj voyne = The Russian peasantry in the revolution and civil war*. Moscow: Strelets, 2001:397. (In Russ.)
4. Kondrashin V.V. *Krestyanstvo Rossii v Grazhdanskoj voyne: k voprosu ob istokakh stalinizma = The Russian peasantry in the Civil War: on the origins of stalinism*. Moscow: ROSSPEN: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yeltsina, 2009:575. (In Russ.)
5. Fatuyeva N.V. *Protivostoyaniye: krizis vlasti – tragediya naroda (iz istorii krestyanskikh volneniy i vosstaniy v Tambovskoy gubernii v 1918–1921 godakh) = Confrontation: crisis of power – tragedy of the people (from the history of peasant unrest and rebellions in Tambov province in 1918–1921)*. Ryazan: Rus, 1996:303. (In Russ.)
6. Fedorov S.V. Peasant uprising in Tambov province in November – December 1918. *Ekho: sb. st. po novoy i noveyshey istorii Otechestva = Echo: collected articles on modern and contemporary history of the Fatherland*. Moscow, 1999;(1):63–70. (In Russ.)
7. Shadskiy O.G. The peasantry of Tambov province and Soviet power: the first experience of relations (summer 1918 – summer 1919). *Agrarnoye i zemelnoye pravo = Agrarian and land law*. 2020;(5):111–115. (In Russ.)
8. Zaytseva M.Yu. November 1918 uprising in Tambov district of Tambov province. *Krestyanskiy front 1918–1922 g.: sb. st. i materialov = Peasant Front 1918–1922: collected articles and materials*. Moscow: AIRO-XXI, 2013:264–294. (In Russ.)
9. Savenkov I. Antonov rebellion in Morshansk district. *Morshansk – gorod na Tsne = Morshansk is a city on the Tsna*. (In Russ.). Available at: <http://morshansk.ucoz.ru/news/2008-12-20-262>
10. Danilov V., Shanin T. (eds.). *Krestyanskoye dvizheniye v Tambovskoy gubernii. 1917–1918: dokumenty i materialy = Peasant movement in Tambov province. 1917–1918: documents and materials*. Moscow: ROSSPEN, 2003:480. (In Russ.)
11. *Krasnaya kniga VCHK: v 2 t. 2-e izd. = The Red Book of the Cheka: in 2 volumes. The 2nd edition*. Moscow: Politizdat. 1989;1:419. (In Russ.)
12. Kuznetsov M.V. *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu krayevedeniyu: sb. nauch. rabot. T. 8: Krestyanskiye vosstaniya v Ryazanskoj gubernii v 1918 godu = Materials and research on Ryazan regional studies: collected scientific works. Volume 8: Peasant uprisings in the Ryazan province in 1918*. Ryazan, 2005:422. (In Russ.)
13. Rylov V.Yu. The Antonov rebellion in the documents of the State Archives of the Voronezh Region. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturalologiya i iskusstvedeniye. Voprosy teorii i praktiki. Gramota = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theoretical and practical issues. Literacy*. 2017;(6):93–97. (In Russ.)
14. Gosudarstvennyy arkhiv Voronezhskoy oblasti (GAVO). *F. R-2183. Op. 1. D. 8 = State Archive of Voronezh region. Fund R-2183. Item 1. File 8*. (In Russ.)
15. GAVO. *F. R-2183. Op. 1. D. 23 = State Archive of Voronezh region. Fund R-2183. Item 1. File 23*. (In Russ.)
16. GAVO. *F. R-2183. Op. 1. D. 7 = State Archive of Voronezh region. Fund R-2183. Item 1. File 7*. (In Russ.)
17. *Voronezhskiy krasnyy listok = Voronezh red paper*. 1918;(13):2–3. (In Russ.)
18. Ratkovskiy S.I. The crash of the special train of the Chairman of the Supreme Military Inspectorate N. I. Podvoisky on September 1, 1918: versions of events. *Istoriya. Nauchnoye obozreniye OSTKRAFT = History. Scientific review OSTKRAFT*. 2018;(6):33–49. (In Russ.)
19. GAVO. *F. R-2183. Op. 1. D. 36 = State Archive of Voronezh region. Fund R-2183. Item 1. File 36*. (In Russ.)
20. Lenin V.I. Telegram to the Tambov Provincial Military Commissar. *Dekrety Sovetskoy vlasti: v 18 t. T. II. 17 marta – 10 iyulya 1918 g. = Decrees of the Soviet government: in 18th volume. Volume 2. March 17 – July 10, 1918*. Moscow: Politizdat, 1959:615–616. (In Russ.)
21. *Voronezhskiy krasnyy listok = Voronezh red paper*. 1918;(61):4. (In Russ.)

22. Lenin V.I. Joint meeting of the All-Russian Central Executive Committee and the Moscow Council. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 55 t. T. 36. Mart – iyul 1918 g. 5-e izd. = Complete set of essays: in 55 volumes. Volume 36. March – July 1918. The 5th edition.* Moscow: Izd-vo polit. lit-ry, 1974:412. (In Russ.)
23. Lenin V.I. On food detachments. Speech at workers' meetings in Moscow on June 20, 1918. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 55 t. T. 36. Mart – iyul 1918 g. 5-e izd. = Complete set of essays: in 55 volumes. Volume 36. March – July 1918. The 5th edition.* Moscow: Izd-vo polit. lit-ry, 1974:424. (In Russ.)
24. Lenin V.I. The 4th Conference of Trade Unions and Factory Committees of Moscow. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 55 t. T. 36. Mart – iyul 1918 g. 5-e izd. = Complete set of essays: in 55 volumes. Volume 36. March – July 1918. The 5th edition.* Moscow: Izd-vo polit. lit-ry, 1974:433–471. (In Russ.)
25. *Voronezhskiy krasnyy listok = Voronezh red paper.* 1918;(8). (In Russ.)
26. Food Chronicle. *Izvestiya Voronezhskogo gubernskogo prodovolstvennogo komiteta = Proceedings of Voronezh Provincial Food Committee.* 1918;(20):4. (In Russ.)
27. GAVO. F. R-2183. Op. 1. D. 2 = State Archive of Voronezh region. Fund R-2183. Item 1. File 2. (In Russ.)
28. *Voronezhskiy krasnyy listok = Voronezh red paper.* 1918;(72):3. (In Russ.)
29. Kanishchev V.V. The Tambov Uprising of June 17–19, 1918 as a manifestation of the Civil War. *Istoriya: fakty i simvoly = History: Facts and Symbols.* 2018;(2):124–131. (In Russ.)
30. Posadskiy A.V., Rylov V.Yu. Anti-Bolshevik uprising in Borisoglebsk, Tambov province, 1918. *Voronezhskiy vestnik arkhivista: nauchno-informatsionnyy yezhegodnik = Voronezh bulletin of the archivist: scientific and information yearbook.* Voronezh, 2022;(20):195–199. (In Russ.)
31. Antonov-Saratovskiy V.P. (ed.). *Sovety v epokhu voyennogo kommunizma (1918–1921): sb. dok.: v 2 kn. = The Soviets in the Era of War Communism (1918–1921): collected documents: in 2 books.* Moscow: Izd-vo Komakademii, 1928;(bk. 1):412–413. (In Russ.)
32. GAVO. F. R-2381. Op. 1. D. 1 = State Archive of Voronezh region. Fund R-2183. Item 1. File 1. (In Russ.)
33. GAVO. F. R-2183. Op. 1. D. 10 = State Archive of Voronezh region. Fund R-2183. Item 1. File 10. (In Russ.)
34. Zybko N.P. *Tambovskaya partiynaya organizatsiya v gody grazhdanskoj vojny i inostrannoj interventsii (1918–1920 gg.) = Tambov party organization during the civil war and foreign intervention (1918–1920).* Tambov: Tambov. Kn. izd-vo, 1961:40. (In Russ.)
35. *Sovety Tambovskoy gubernii v gody Grazhdanskoj vojny 1918–1921 gg.: sb. dok. i materialov = Councils of Tambov province during the Civil War of 1918–1921: collected documents and materials.* Voronezh: Tsentr.-Chern. kn. izd-vo, 1989:378. (In Russ.)
36. Kanishchev V.V. “From the depths of their own”. Peasants of the Tambov province in the officer corps of the Russian army during the First World War. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal = Military History Journal.* 2022;(12):66–73. (In Russ.)
37. Klimkova M. “They will shoot and widely publish among the population”: Chronicle of the suppression of the Rudovsky uprising. *Istochnik: dokumenty russkoy istorii = Source: Russian history documents.* 2002;(6):63–73. (In Russ.)
38. Shippek A. Prisoners of war and their use in the world and civil war. *Voyna i revolyutsiya = War and revolution.* 1928;(2):70. (In Russ.)
39. Leontyev Ya.V., Lyukhudzayev M.I., Rublev D.I. (comp.). *Partiya levyykh sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy. 1917–1925 gg.: v 3 t. T. 2. CH. 3. Oktyabr 1918 – mart 1919 g. = Party of Left Socialist Revolutionaries. Documents and materials. 1917–1925: in 3 volumes. Volume 2. Part 3. October 1918 – March 1919.* Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2017:894. (In Russ.)
40. Melgunov S.P. *Krasnyy terror v Rossii = Red Terror in Russia.* New York: BRANDY, 1979:203. (In Russ.)

41. Posadskiy A.V. (ed.). *Vozhaki i lidery Smuty. 1918–1922 gg. Biograficheskiye materialy: sb. st. i materialov = Leaders and chiefs of the Time of Troubles. 1918–1922. Biographical materials: collected articles and materials.* Moscow: AIRO-KHKHI, 2017:550. (In Russ.)
42. Fedorov S.V. Peasant uprising in Tambov province in November–December 1918. *Ekho: sb. st. po novoy i noveyshey istorii Otechestva = Echo: collected articles on modern and contemporary history of the Fatherland.* Moscow, 1999;(1):63–70. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Антон Викторович Посадский

доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства, права и международных отношений, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, г. Саратов, ул. Московская, 164, корп. 2)

E-mail: Posadav68@mail.ru

Anton V. Posadsky

Doctor of historical sciences, professor of the sub-department of history of state, law and international relations, Stolypin Volga Region Institute of administration – the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (building 2, 164 Moskovskaya street, Saratov, Russia)

Владимир Юрьевич Рылов

кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории, историографии и документоведения, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1)

E-mail: vyurylov@ya.ru

Vladimir Yu. Rylov

Candidate of historical sciences, associate professor of the sub-department of modern history, historyography and documentation, Voronezh State University (1 Universitetskaya square, Voronezh, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 08.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.11.2024

Принята к публикации / Accepted 26.11.2024

УДК 93/94

doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-8

Место рабочих клубов в досуге пролетариата в 1920–1930-е гг. (по материалам Пензы, Самары и Ульяновска)

Р. С. Кирсанов

Пензенский государственный аграрный университет, Пенза, Россия

Kirsanov.r.s@pgau.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рассмотрев историографию повседневности пролетариата в указанные хронологические рамки, автор приходит к выводу, что, несмотря на важность темы, вопрос досуговой среды рабочего класса Пензы, Самары и Ульяновска до сих пор не изучен комплексно. Это подчеркивает необходимость дальнейших исследований и обуславливает актуальность данной работы. Цель исследования – комплексное изучение деятельности рабочих клубов на промышленных предприятиях Средневолжского региона в 1920–1930-е гг. *Материалы и методы.* Источниковой базой являются как опубликованные, так и неопубликованные материалы Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Пензенской области, Самарского областного государственного архива социально-политической истории. Методологическую основу составили принципы историзма и объективности. При написании работы использовались общенаучные методы описания, анализа, синтеза и др., а также специфические методы исторического исследования, в том числе проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, логический. *Результаты.* На базе архивных данных и материалов периодической печати Средневолжского региона автором дается анализ работы данных социокультурных учреждений на примере Пензы, Самары и Ульяновска. Также не обойдены вниманием и негативные явления в пролетарской среде. *Выводы.* Советская власть стремилась разными средствами контролировать свободное время пролетариата и воспитать человека социалистического типа. Поэтому в этом деле особое место отводилось рабочим клубам. Данные организации удовлетворяли разнообразные социокультурные пожелания в рабочей среде, хотя их деятельность иногда носила формальный характер.

Ключевые слова: Средневолжский край, рабочие клубы, пролетариат, досуг, негативные явления, повседневная жизнь

Для цитирования: Кирсанов Р. С. Место рабочих клубов в досуге пролетариата в 1920–1930-е гг. (по материалам Пензы, Самары и Ульяновска) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 98–106. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-8

The place of workers' clubs in the leisure time of the proletariat in the 1920s – 1930s (by the materials from Penza, Samara and Ulyanovsk)

R.S. Kirsanov

Penza State Agrarian University, Penza, Russia

Kirsanov.r.s@pgau.ru

© Кирсанов Р. С., 2024. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Abstract. *Background.* Having examined the historiography of the everyday life of the proletariat within the specified chronological framework, the author comes to the conclusion that despite the importance of the topic, the issue of the leisure environment of the working class of Penza, Samara and Ulyanovsk has not yet been studied comprehensively. This highlights the need for further research and makes this article relevant. Purpose of the work: a comprehensive study of the activities of workers' clubs at industrial enterprises of the Middle Volga region in the 1920s – 1930s. *Materials and methods.* The source base is both published and unpublished materials from the Russian State Archive of Socio-Political History, the State Archive of the Penza Region, and the Samara Regional State Archive of Socio-Political History. The methodological basis of the article was the principles of historicism and objectivity. When writing the work, general scientific methods of description, analysis, synthesis, etc. were used, as well as specific methods of historical research, including problem-chronological, comparative-historical, and logical. *Results.* Based on archival data and materials from periodicals of the Middle Volga region, the authors provide an analysis of the work of these sociocultural institutions using the examples of Penza, Samara and Ulyanovsk. Negative phenomena in the proletarian environment are also not ignored. *Conclusions.* The Soviet government sought by various means to control the free time of the proletariat and to educate a person of the socialist type. Therefore, workers' clubs were given a special place in this matter. These organizations satisfied a variety of sociocultural desires in the work environment, although their activities were sometimes formal in nature.

Keywords: Middle Volga region, workers' clubs, proletariat, leisure, negative phenomena, everyday life

For citation: Kirsanov R.S. The place of workers' clubs in the leisure time of the proletariat in the 1920s – 1930s (by the materials from Penza, Samara and Ulyanovsk). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(4):98–106. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-8

В современной отечественной исторической науке особую популярность приобретают микроисторические исследования, которые помогают увидеть реальную жизнь простых людей. Ключевую роль в изучении повседневности занимает вопрос о досуге разных категорий населения, в частности рабочего класса 1920–1930-х гг. Актуальность выбранной темы также обусловлена необходимостью проведения краеведческих исследований. Именно на уровне того или иного региона страны можно увидеть общие моменты становления повседневной системы координат рабочих СССР, а также местные особенности.

Рассекреченные в 1990-е гг. архивные материалы позволили ученым объективно показывать историческую реальность рабочих изучаемого периода. Среди исследователей, внесших значительный вклад в изучение рабочей повседневности в указанные хронологические рамки, следует отметить Н. Б. Лебину [1], С. В. Журавлева [2], Е. А. Осокину [3], С. П. Постникова и М. А. Фельдмана [4]. На региональном уровне данную проблему изучали М. В. Зелев [5], И. Н. Камардин [6], А. В. Мирясов [7], Ю. В. Войнаровская [8] и другие краеведы.

Нельзя обойти стороной и работы специалистов в области повседневности И. В. Сидорчука и С. Б. Ульяновой, которые указывали, что досуговые практики семейных рабочих, определяемые полуоткрытой семейной структурой, выходили за пределы дома и подвергались политизации, что позволяло

властям контролировать частную жизнь людей. Предлагаемые стратегии разумного и культурного проведения свободного времени сталкивались с трудностью реализации из-за финансовых и кадровых проблем, а также устойчивых традиционных ценностей [9].

Серьезное влияние на досуговую сферу рядовых людей оказывали социальные потрясения второй половины 1910–1920-х гг. Происходила смена социальных ориентиров и времяпрепровождения широких народных масс. Также в начале 1930-х гг. произошло увеличение выходных дней у советского народа. В первую очередь это было связано с сокращением целого ряда религиозных праздников в рамках пропаганды атеизма и борьбы с церковным прошлым [10, с. 50].

В 1920–1930-е гг. Советское государство старалось целенаправленно регулировать досуговую сферу рабочих с целью их воспитания в духе коммунистических идеалов, патриотизма и преданности социалистической Родине. Без сомнения, что досуг у граждан СССР расширился и обогатился по содержанию. Это было в первую очередь связано с решительной борьбой большевиков с неграмотностью. Введение бесплатного начального образования и расширение доступа к среднему и высшему профессиональному образованию для трудящихся стало важным шагом в росте их социокультурного уровня.

Одной из распространенных форм досуга пролетариата стали создаваемые при промышленных предприятиях рабочие клубы, где действовали разные кружки по интересам.

Подобные организации создавались в регионе согласно решению Средневолжского краевого центрального комитета профсоюзов, который ставил задачи по сплочению сил рабочих и работе над мобилизацией их творческой инициативы [11, с. 24–27].

Рабочий клуб был открыт не только для работников предприятий, но и для членов их семей. Также вход был открыт всем лицам, не состоящим в профсоюзе. Например, на пензенском Велозаводе в 1929 г. членами рабочего клуба являлось более 13 тыс. человек, а в самарском Союзе Металлистов – чуть менее 20 тыс. человек. Согласно данным Ульяновского районного заводского комитета Всесоюзного союза рабочих металлистов (ВСРМ), в различные кружки рабочих клубов округа входило более 325 тыс. человек [12, л. 14–16].

Данные организации, как правило, имели календари массовой работы на год среди пролетариата. Например, рабочий клуб завода им. Володарского в Ульяновском округе проводил как культурные мероприятия, так и спортивные. Еженедельно в цехах разворачивались киноустановки и театральные подмостки, для семей рабочих проводились тематические вечера. Фабзавкомы всегда стремились доставать для особо отличившихся рабочих бесплатные билеты в театры города.

Советская власть боролась за оздоровление рабочих, поэтому привлекала их к занятию физкультурой и спортом. На заводе № 163 в Пензенском округе в 1930-е гг. существовал при рабочем клубе целый спортивный городок, смета на который закладывалась ежегодно в бюджет предприятия [13, л. 141].

Рабочие клубы имели свои недостатки. Об этом говорят и партийные сводки: «Клубы несколько расширили свою работу. Расширение массовой

работы в дневные часы: ничего не сделали для охвата трех смен вообще и в частности к охвату новых рабочих, особенно живущих в деревнях» [14, л. 13–14].

Исторически сложилось, что Средневолжский регион был многонациональным районом. Поэтому неудивительно, что в рассматриваемый период началось создание в рабочих клубах секций для той или иной народности Среднего Поволжья. До 1934 г. в Самаре существовало подобное учреждение, которое включало несколько национальных секций: татарскую, мордовскую, немецкую, чувашскую, еврейскую и др. Например, в это же время и в Ульяновске в рабочем клубе завода им. Володарского существовал татарский клуб [15, л. 17].

В конце второй пятилетки в целом по стране стали строиться рабочие клубы нового типа – дворцы культуры, которые должны были охватывать широкие народные массы. С 1936 г. подобные учреждения начали строиться в Пензе и Куйбышеве (Самаре).

Стоит отметить, что важной особенностью рабочих клубов было то, что они не только были средством потребления культурных ценностей пролетариатом, но и представляли собой организаторские центры развития художественной самодеятельности обычного трудового народа. С одной стороны, в рабочих клубах были созданы музыкальные и драматические кружки, помогающие реализовать каждому члену таланты. Но, с другой стороны, были секции, носившие узкую идеологическую направленность.

Особую роль в воспитании рабочего класса играло оформление стенгазет и красных уголков. На предприятиях региона была организована система распространения политической информации с помощью рабкоров. Например, на заводе № 15 в Самаре в столовой был организован красный уголок. Власть использовала любую свободную минуту рабочих, чтобы воспитать человека социалистического типа. Заводские управленцы приглашали работников коммунистической партии, которые вели необходимую агитацию среди пролетариата [16, с. 2].

Наибольшее рвение в данном направлении проявил Пензенский округ. Например, в школе фабрично-заводского ученичества фабрики «Маяк Революции» был организован юнкорский кружок, хотя, согласно отзывам рабочих, местная газета «Красный Маяк» изо дня в день «хирела». На спичечной фабрике «Искра» после многолетнего простоя был выпущен первый номер заводской стенгазеты «Голос Химика» [17, с. 4].

На страницах заводской периодической печати писали о предприятиях и обычных рабочих, у которых были и успехи, и свои беды. Главными героями были рядовые рабочие разных специальностей. Также публиковался передовой опыт ударников производства. Каждый рабочий, попавший в местную прессу, мог собой гордиться. Это было своего рода мотивирующим моментом для каждого трудиться еще продуктивнее.

Каждый год на промышленных объектах проводился смотр-конкурс рабочих стенгазет. Победителей награждали разнообразными памятными призами. Но стоит отметить, что многие юнкорские кружки не участвовали в этих мероприятиях. Например, на заводе № 42 в Самарском округе и вовсе не существовало стенгазет [18, л. 1–6].

Особой популярностью среди пролетариата пользовались кружки художественной самодеятельности, которые являлись чуть ли не самым массовым видом отдыха в рабочих клубах. При заводе № 42 существовал музыкальный ансамбль, который регулярно гастролировал по предприятиям Средневолжского края [19, с. 4]. Но все же отметим, что в 1930-е гг. художественная самодеятельность широкого распространения на промышленных объектах не получила по причине недостатка кадров и плохой материально-технической базы.

В 1920–1930-е гг. в Советском Союзе была почти полностью ликвидирована неграмотность. Одной из причин этого успеха стала популяризация чтения. При заводах и фабриках изучаемого региона организовывались библиотеки, хотя первоначально их фонды были небогатыми по содержанию. На это жаловались, например, рабочие Пензенского округа. Рабочий завода № 50 Шувалдин на страницах местной прессы говорил: «В местной библиотеке ограниченный выбор книги». Работница лесозавода № 14 гражданка Гаврюшина упоминала: «Еще нет системы в работе библиотеки. Книги задерживаются, теряются» [20, с. 3].

Несмотря на указанные недочеты, рабочие охотно проявляли интерес к различной литературе, тем самым повышая свой культурный и технический уровень. Например, на фабрике «Коллективный труд» (Пензенский округ) в начале 1930-х гг. существовали твердые и мягкие ликпункты по ликвидации неграмотности, которыми было охвачено 80 человек, 130 человек обучались на курсах агронеграмотности. Каждый рабочий выписывал «Трудовую правду» и газету «Кустарь» [21, с. 3].

Параллельно с индустриализацией в СССР в конце 1920-х гг. началась коллективизация, успеху которой должен был помочь рабочий класс. Идеология советской власти отстаивала необходимость установления прочных связей между рабочими и крестьянами, что считалось ключом к созданию единого общества. Партия большевиков особую роль в этом деле придавала рабочим клубам: «Сейчас клубам необходимо срочно перестроить свою работу. Придать ей сельскохозяйственный уклон. Окрпрофбюро дало директиву всем профорганизациям: организовать при клубах сельскохозяйственные кружки, организовать циклы лекций по сельскому хозяйству. Но директивы мало. К постановке работы по изучению агрознаний в клубах необходимо привлечь широкие массы рабочей общественности. Сейчас по городу начали свою работу бригады по обследованию культурно-массовой работы профсоюзом. Бригады эти должны встряхнуть клубы» [22, с. 3].

Применение социалистического соревнования в работе по пропаганде агрознаний через клубы должно было повысить ее эффективность и стимулировать участников к более активному участию. Им нужно было заключить между собой договора на лучшую постановку агропропаганды.

Кроме того, клубам предписывалось заниматься распространением сельскохозяйственной литературы: «Клубные библиотеки должны провести выставки книг по вопросам сельского хозяйства» [22, с. 1].

В пролетарской среде городов Средней Волги наблюдался высокий уровень девиантного поведения, формы проявления которого нашли отражение и в рабочих клубах. Источник нам сообщает, что в начале 1930-х гг. «в Самарском округе в рабочем клубе строителей каждый вечер была “поголовная

пьянка», а в клубе государственного механического завода № 1 были исключительно танцы» [23, л. 2].

Согласно архивным материалам не лучше в 1938 г. была ситуация в Пензенском округе на заводе № 163. В местном рабочем клубе несколько трудящихся устроили «дебош» в состоянии алкогольного опьянения. По итогу один рабочий был уволен, одному заводское начальство поставило на вид, двое подверглись санкции в виде строгого выговора [24, л. 278].

Наблюдались перебои в работе клубных учреждений, или они функционировали чисто формально, а не занимались реальным культурным обогащением трудовых масс.

О формализме писали пензенские рабочие в местную прессу. Например, при гранильном цехе стеклозавода «Красный Гигант» существовал «уголок Ленина»: «На собраниях много раз говорилось, что работы в нем не ведется никакой, и рабочие не знают, куда деть свободное время» [25, с. 4]. Подобная ситуация существовала и на другом стеклозаводе Пензенского округа: «Заведующий рабочим клубом у нас человек малограмотный. Надо и парторганизации и профактиву помогать в его сложной работе. Не может он один справиться с ней, а помощи этой с их стороны нет совершенно. В результате – клубная работа стоит» [26, с. 4].

Партийное руководство регулярно проводило обследование клубной сети региона и делало неутешительные выводы. Например, горком партии изучил работы клуба «1 Мая» (Пензенский округ) и пришел к следующему выводу: «Клуб со стоящими перед ним задачами не справился, он не был проводником лозунгов и задач партии в массы, не мобилизовал массу на борьбу за выполнение производственных задач. Клубная работа не увязывалась с проводимыми хозяйственно-политическими кампаниями, клуб не был центром коммунистического воспитания масс, не удовлетворял их культурную потребность» [27, с. 2].

Причинами неудовлетворительного состояния работы в клубе и тяжелого финансового положения последнего являлись следующие: «...полное отсутствие руководства со стороны партийных и профессиональных организаций, обслуживаемых клубом, полное бездействие культполитсовета клуба и ревизионной комиссии, бесплановость, бесхозяйственность и безответственность в израсходовании средств, в результате чего клуб имеет задолженность в размере 13 тыс. рублей, обезличка, отсутствие всякой ответственности за порученную работу ярко выражены во всей работе клуба» [27, с. 2].

С одной стороны, ярко видны отрицательные стороны в работе обследуемой организации. Но, с другой стороны, партийные органы стремились поставить под полный контроль рабочие клубы и тем самым подавить творческую инициативу пролетарских масс: «За бесхозяйственность, за отсутствие массовой политической работы культполитсовет клуба распустить. Обязать партийные и профессиональные организации, прикрепленные к клубу, обеспечить оперативное руководство клубом, в кратчайшее время добиться полного оздоровления клуба, развернуть решительную борьбу за качество клубной работы, мобилизуя вокруг практических задач клуба общественность партийных и профессиональных организаций» [27, с. 2].

О таких «успехах» того или иного рабочего клуба часто писалось на страницах местной прессы. Например, в рабочем клубе фабрики «Маяк Револю-

ции» в Пензе отсутствовала культурно-массовая и политико-воспитательная работа: «В клубе и цехах ничего не делалось для мобилизации рабочей массы на выполнение программы. Культсектор не работает. Кружки развалились. Назначенный заведующим клубом Базарнов и помощник Горбачев абсолютно ничего не делают» [27, с. 3].

Таким образом, рабочие клубы, с одной стороны, удовлетворяли культурные потребности рабочих Средневолжского региона, способствовали их саморазвитию. С другой стороны, в данных организациях было много идеологической направленности и формализма. Тем самым можно говорить о некоем симбиозе в решении социокультурных и политических задач в деятельности досуговых институтов. С одной стороны, рабочие через сеть рабочих клубов приобщались к культурным ценностям путем участия в секциях разной направленности: спортивных, музыкальных, драматических, национальных и др. С другой стороны, советская власть воспитывала в трудящихся дух социализма: пропаганда марксизма-ленинизма, распространение агрознаний для помощи коллективизации, агитация за ускоренную индустриализацию и др.

Список литературы

1. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 гг. СПб. : Нева, 1999. 320 с.
2. Журавлев С. В. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация на советском предприятии. 1928–1938 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 258 с.
3. Осокина Е. А. За фасадом «Сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941. М. : РОССПЭН, 1999. 271 с.
4. Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 370 с.
5. Зелев М. В. Инженерно-техническая интеллигенция Среднего Поволжья в 1928–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2001. 282 с.
6. Камардин И. Н. Социокультурный облик рабочих Поволжья, или Как отдыхали трудящиеся в 1920-е годы // Пространственное развитие России: проблемы, вызовы, стратегии. Саранск : Издательство Мордовского университета, 2012. С. 435–445.
7. Мирясов А. В. Мотивация труда рабочих промышленных предприятий России в 1920-е гг. (на материалах Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 283 с.
8. Войнаровская Ю. В. Настроения населения малых городов Поволжья (1920–1930-е гг.) // Известия Самарского университета научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 133–136.
9. Сидорчук И. В., Ульянова С. Б. «Семью рабочего – в клуб»: организация свободного времени семейных рабочих в контексте советской досуговой политики 1920-х – первой половины 1930-х гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 4 (40). С. 24–30.
10. Кирсанов Р. С. Организованный досуг рабочих Средневолжского края // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (43). С. 49–58.
11. Профсоюзы и индустриализация. М. : Политиздат, 1929. 191 с.
12. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. Р-9431. Оп. 2. Д. 64.
13. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-1059. Оп. 2-В. Д. 6.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. Р-17. Оп. 32. Д. 181.
15. СОГАСПИ. Ф. Р-714. Оп. 1. Д. 148.

16. Трудовая правда. 1928. 13 марта.
17. Трудовая правда. 1928. 9 февраля.
18. СОГАСПИ. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 80.
19. Волжская коммуна. 1930. 29 мая.
20. Трудовая правда. 1930. 7 марта.
21. Трудовая правда. 1930. 7 января.
22. Трудовая правда. 1928. 10 января.
23. ГАПО. Ф. Р-1059. Оп. 2-В. Д. 10.
24. СОГАСПИ. Ф. Р-1141. Оп. 41. Д. 178.
25. Трудовая правда. 1928. 5 марта.
26. Трудовая правда. 1932. 2 января.
27. Рабочая Пенза. 1932. 29 июля.

References

1. Lebina N.B. *Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920–1930 gg. = Everyday life in a Soviet city: norms and anomalies. 1920–1930.* Saint Petersburg: Neva, 1999:320. (In Russ.)
2. Zhuravlev S.V. «Krepost sotsializma»: povsednevnost i motivatsiya na sovetskom predpriyatii. 1928–1938 gg. = “The fortress of socialism”: everyday life and motivation at a soviet enterprise, 1928–1938. Moscow: ROSSPEN, 2004:258. (In Russ.)
3. Osokina E.A. *Za fasadom «Stalinskogo izobilija». Raspredeleniye i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii 1927–1941 = Behind the facade of “Stalin’s Abundance”. Distribution and market in population supply during the industrialization years 1927–1941.* Moscow: ROSSPEN, 1999:271. (In Russ.)
4. Postnikov S.P., Feldman M.A. *Sotsiokulturnyy oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg. = Sociocultural appearance of industrial workers in Russia in 1900–1941.* Moscow: ROSSPEN, 2009:370. (In Russ.)
5. Zelev M.V. *Engineering and technical intelligentsia of the Middle Volga region in 1928–1941: DSc abstract.* Penza, 2001:282. (In Russ.)
6. Kamardin I.N. The socio-cultural appearance of workers in the Volga region, or how workers rested in the 1920s. *Prostranstvennoye razvitiye Rossii: problemy, vyzovy, strategii = Spatial development of Russia: problems, challenges, strategies.* Saransk: Izdatelstvo Mordovskogo universiteta, 2012:435–445. (In Russ.)
7. Miryasov A.V. *Motivation of labor of workers of industrial enterprises of Russia in the 1920s (by the materials of Penza province): DSc abstract.* Penza, 2002:283. (In Russ.)
8. Voynarovskaya Yu.V. The mood of the population of small towns in the Volga region (1920–1930s). *Izvestiya Samarskogo universiteta nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk = Proceedings of Samara University of Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 2009;11(2):133–136. (In Russ.)
9. Sidorchuk I.V., Ulyanova S.B. “Family workers – in the club”: organization of free time for family workers in the context of Soviet leisure policy of the 1920s – first half of the 1930s. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki = Bulletin of Omsk University. Series: Historical sciences.* 2023;10(4):24–30. (In Russ.)
10. Kirsanov R.S. Organized leisure activities for workers of the Middle Volga region. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2017;(3):49–58. (In Russ.)
11. *Profsoyuzy i industrializatsiya = Trade unions and industrialization.* Moscow: Politizdat, 1929:191. (In Russ.)
12. *Samarskiy oblastnoy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii (SOGASPI). F. R-9431. Op. 2. D. 64 = Samara Regional State Archive of Social and Political History. Fund R-9431. Item 2. File 64.* (In Russ.)

13. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. R-1059. Op. 2-V. D. 6 = State Archive of Penza region. Fund R-1059. Item 2-V. File 6.* (In Russ.)
14. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii. F. R-17. Op. 32. D. 181 = The Russian State Archive of Socio-Political History. Fund R-17. Item 32. File 181* (In Russ.)
15. *SOGASPI. F. R-714. Op. 1. D. 148 = Samara Regional State Archive of Social and Political History. Fund R-714. Item 1. File 148.* (In Russ.)
16. *Trudovaya pravda = Labor Truth.* 1928;13 March. (In Russ.)
17. *Trudovaya pravda = Labor Truth.* 1928;9 February. (In Russ.)
18. *SOGASPI. F. R-52. Op. 1. D. 80 = Samara Regional State Archive of Social and Political History. Fund R-52. Item 1. File 80.* (In Russ.)
19. *Volzhskaya kommuna = Volzhskaya Commune.* 1930;29 May. (In Russ.)
20. *Trudovaya pravda = Labor Truth.* 1930;7 March. (In Russ.)
21. *Trudovaya pravda = Labor Truth.* 1930;7 January. (In Russ.)
22. *Trudovaya pravda = Labor Truth.* 1928;10 January. (In Russ.)
23. *GAPO. F. R-1059. Op. 2-V. D. 10 = State Archive of Penza region. Fund R-1059. Item 2-V. File 10.* (In Russ.)
24. *SOGASPI. F. R-1141. Op. 41. D. 178 = Samara Regional State Archive of Social and Political History. Fund R-1141. Item 41. File 178.* (In Russ.)
25. *Trudovaya pravda = Labor Truth.* 1928;5 March. (In Russ.)
26. *Trudovaya pravda = Labor Truth.* 1932;2 January. (In Russ.)
27. *Rabochaya Penza = Working Penza.* 1932;29 July. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Роман Сергеевич Кирсанов

кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии,
истории и иностранных языков,
Пензенский государственный
аграрный университет
(Россия, г. Пенза,
ул. Ботаническая, 30)

E-mail: Kirsanov.r.s@pgau.ru

Roman S. Kirsanov

Candidate of historical sciences,
associate professor of the sub-department
of philosophy, history and foreign
languages, Penza State Agrarian
University (30 Botanicheskaya street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 05.03.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 24.07.2024

Принята к публикации / Accepted 06.09.2024

УДК 94
doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-9

Коллекция документов Пилар Бонет: источниковедческий анализ

А. Б. Бардин

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия
bardin@ycenter.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследование посвящено введению в научный оборот каталогизированной коллекции исторических источников испанской журналистки Пилар Бонет, которые были сформированы в архивный фонд № 30 Президентского центра Б. Н. Ельцина в 2023 г. Данный фонд располагает документами и журналами самиздата неформальных общественно-политических движений Свердловской области в эпоху перестройки, которые представляют новые данные о борьбе уральской общедемократической оппозиции с областными организациями КПСС на рубеже 1980-х и 1990-х гг., о которых Пилар Бонет напишет книгу «Невозможная Россия. Борис Ельцин, провинциал в Кремле». Однако самиздат и документы диссидентских групп являются новым видом письменных исторических источников в современной отечественной историографии. Это ставит вопрос перед исследователем об особенностях критики таких документов, их месте в изучении советской эпохи, в том числе в контексте региональной истории позднесоветской эпохи. Цель работы – проведение источниковедческого анализа коллекции уральского самиздата перестроечной эпохи и документов неформальных общественно-политических объединений, собранных в коллекции документов Пилар Бонет. *Материалы и методы.* Решение поставленных в работе задач было достигнуто благодаря использованию сравнительно-исторического метода в ходе анализа документов, собранных Пилар Бонет, и схожих документов фондов Центра документации общественных организаций Свердловской области. *Результаты.* Исследование документов архивной коллекции Пилар Бонет показывает, что в них содержится репрезентативное количество данных обо всей жизнедеятельности неформальных общественно-политических движений Среднего Урала эпохи перестройки. Данная общественно-политическая группа, которая сложилась в первые годы перестройки в Свердловской области, скрупулезно документировала свою деятельность в общественно-политической борьбе с партийными организациями региона. В центре внимания авторов документов были протестные митинги, критика советского строя и партийных организаций, публикация информационных материалов о ходе судебных процессов по делу сторонников неформальных групп. Особенно хорошо данные документы проявляют деятельность таких объединений, как общедемократическое движение «Митинг-87» и националистическое движение «Отечество». *Выводы.* Исследование коллекции документов доказывает, что Пилар Бонет удалось путем инициативного комплектования собрать полную и репрезентативную коллекцию самиздатовских журналов и документов. Сформированная коллекция документов Пилар Бонет во время работы в Свердловске в 1989–1993 гг. является уникальным примером редких исторических источников на тему новейшей истории России гражданином иностранного государства. Введение в научный оборот данной коллекции содействует всестороннему изучению общественно-политической истории Урала в эпоху перестройки.

Ключевые слова: Пилар Бонет, источниковедение, перестройка, история Урала, Свердловск

Для цитирования: Бардин А. Б. Коллекция документов Пилар Бонет: источниковедческий анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 107–116. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-9

The Pilar Bonet document collection: a source analysis

A.B. Bardin

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Ekaterinburg, Russia

bardin@ycenter.ru

Abstract. *Background.* The study is devoted to the introduction into scientific circulation of a cataloged collection of historical sources of the Spanish journalist Pilar Bonet, which were formed in the archival fund No. 30 of the Presidential Center of B.N. Yeltsin in 2023. This fund has documents and samizdat journals of informal socio-political movements of Sverdlovsk region during the perestroika era, which provide new data on the struggle of the Ural general democratic opposition with regional organizations of the CPSU at the turn of the 1980s and 1990s, about which Pilar Bonet will write the book “Impossible Russia. Boris Yeltsin, a Provincial in the Kremlin”. However, samizdat and documents of dissident groups are a new type of written historical sources in modern Russian historiography. This raises the question for the researcher about the specifics of criticism of such documents, their place in the study of the Soviet era, including in the context of regional history of the late Soviet era. The purpose of the study is to conduct a source study analysis of the collection of Ural samizdat from the perestroika era and documents of informal socio-political associations collected in the Pilar Bonet document collection. *Materials and methods.* The solution to the tasks set in the work was achieved through the use of a comparative-historical method during the analysis of documents collected by Pilar Bonet and similar documents from the collections of the Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk Region. *Results.* The study of documents from the archival collection of Pilar Bonet shows that they contain a representative amount of data on the entire life of informal socio-political movements in the Middle Urals during the perestroika era. This socio-political group, which was formed in the first years of perestroika in Sverdlovsk region, meticulously documented its activities in the socio-political struggle with the party organizations of the region. The authors of the documents focused on protest rallies, criticism of the Soviet system and party organizations, and the publication of information materials on the progress of trials of supporters of informal groups. These documents are particularly good at showing the activities of such associations as the general democratic movement “Miting-87” and the nationalist movement “Otechestvo”. *Conclusions.* The study of the collection of documents proves that Pilar Bonet managed to collect a complete and representative collection of samizdat magazines and documents through her own initiative. The collection of documents Pilar Bonet collected during her work in Sverdlovsk in 1989–1993 is a unique example of rare historical sources on the topic of the modern history of Russia by a citizen of a foreign state. The introduction of this collection into scientific circulation contributes to a comprehensive study of the socio-political history of the Urals in the era of perestroika.

Keywords: Pilar Bonet, source studies, perestroika, history of the Urals, Sverdlovsk

For citation: Bardin A.B. The Pilar Bonet document collection: a source analysis. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(4):107–116. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-9

Введение

Эпоха перестройки и нараставшая либерализация общественно-политической жизни в СССР вызвала большой интерес зарубежных обществоведов к происходившим событиям. Множество журналистов и публицистов устремились изучать происходящие на их глазах завершение эпохи холодной войны и демократические реформы в странах восточного блока. Благодаря этому зарубежная советология и русистика пополнилась рядом работ публицистического и исторического характера, которые помогают отечественному исследователю «со стороны» оценить происходившие события истории России на рубеже 1980-х и 1990-х гг. Наиболее известны труды Стивена Козна [1] и Майкла Макфола [2], посвященные распаду социалистической системы, коллективная работа Родрика Брейтвейта, Джека Мэтлока и Стоуба Тэлботта [3], а также исторические биографии Уильяма Таубмана [4] и Тимоти Колтона [5] о президентах СССР и Российской Федерации. Роль советологов западных стран в исследовании перестройки без преувеличения является огромной: многие из них неоднократно были в СССР и постсоветском пространстве, интервьюировали многих действующих лиц (часто на выученном русском языке), собирали коллекции документов. В целом они сформировали солидную информационную базу, которая требует тщательной верификации. Их оценки событий и процессов были актуальны для того времени, однако с большей их частью трудно согласиться.

Материалы и методы

Одним из виднейших представителей западной советологии является Пилар Бонет. Она родилась в г. Ивиса на Балеарских островах в 1952 г. В молодости П. Бонет получила высшее филологическое образование в Университете Барселоны, где изучила английский, немецкий и русский языки, а также получила высшее журналистское образование в Автономном университете Барселоны. С началом журналистской карьеры П. Бонет интересовалась общественно-политической жизнью стран восточного блока. Проработав первые годы в каталонских местных средствах массовой информации на Балеарских островах и *El Periódico de Catalunya*, Пилар Бонет в 1979 г. устроилась на работу в крупнейшее испанское информационное агентство EFE. Она стала корреспондентом EFE в штаб-квартире в Вене: именно откуда в 1970-х и 1980-х гг. агентство транслировало информацию из стран Восточной Европы.

После двух лет работы в EFE в 1982 г. она перешла на работу в крупнейшую испанскую газету *El País* корреспондентом в Советском Союзе в Москве. Это новостное аналитическое издание было создано в 1972 г., в 1980–1990-е гг. стало иметь репутацию информационного рупора левоцентристских политических сил. В годы демонтажа франкистского режима *El País* поддерживала политический курс перового демократического премьер-министра Испании Адольфо Суареса, а в феврале 1981 г. редакция незамедлительно осудила попытку неудавшегося ультраправого государственного переворота. П. Бонет следующие пятнадцать лет до 1997 г. работала в роли корреспондента, благодаря чему ей посчастливилось стать свидетелем революционных событий второй половины 1980-х – 1990-х гг. в СССР и России.

П. Бонет информировала западную аудиторию о таких событиях, как возникновение и подъем польского свободного профсоюза «Солидарность», приход М. С. Горбачева к власти в Советском Союзе, падение коммунистических режимов в восточных странах, путч Государственного комитета по чрезвычайному положению августа 1991 г., избрание президентом РСФСР Б. Н. Ельцина, начало радикальных экономических реформ и октябрьский политический кризис 1993 г. В 1997 г. ее направили корреспондентом в Германию (сначала в Бонн, а затем в Берлин), но в 2001 г. послали в Москву, снова в качестве корреспондента по России и странам Содружества Независимых Государств. В 2019 г. она вернулась в Испанию, где стала публиковать аналитические статьи на тему общественно-политических событий, происходящих в России. Таким образом, П. Бонет более 35 лет была одним из самых информированных европейских журналистов об общественно-политических событиях в России.

П. Бонет также являлась младшим научным сотрудником и экспертом аналитического центра Centre d'Estudis i Documentació Internacionals (Центра международных исследований и документации) в Барселоне, который с 1973 г. работает над изучением политических международных проблем. Она неоднократно получала признание за свою журналистскую работу: дважды была награждена Международным пресс-клубом, последний раз – в 2014 г. Как лучший иностранный корреспондент Испании в 1990 г. она была награждена премией Виктора де ла Серны от Мадридской ассоциации прессы, а в 1996 г. она получила премию Сирило Родригеса в области журналистики. Она автор трех книг: «Москва, изображения на красном фоне», «Штампы советского кризиса» и «Невозможная Россия: Борис Ельцин, провинциал в Кремле». В 2020 г. была награждена премией Рамона Луллия, присужденной правительством Балеарских островов в знак признания ее профессиональной карьеры.

П. Бонет в 1989 г. оказалась в Свердловске, где познакомилась с представителями местной партийной элиты, неформальных объединений и университетской интеллигенции. На тот момент город находился в стихии политического брожения. В городском сообществе шла активная дискуссия о выступлении Б. Н. Ельцина на Октябрьском пленуме ЦК КПСС 1987 г. и его последствиях, на заседаниях городской дискуссионной трибуны, на которых граждане поднимали вопросы общественно-политического устройства, а неформалы регулярно проводили несанкционированные митинги. Увидев происходящие на Урале события, она решила написать книгу, которая вышла в апреле 1994 г. на испанском языке под названием “La Rusia imposible: Borís Yeltsin, un provinciano en el Kremlin” [6]. Одновременно в литературном журнале «Урал» вышел перевод книги на русском языке [7].

П. Бонет имела распространённую для западного журналиста авторскую позицию. Будучи сторонником западной либеральной идеологии, она с большим пиететом относилась к М. С. Горбачеву и Б. Н. Ельцину, которые пытались, на ее взгляд, трансформировать тоталитарное государство в правовое и демократическое. Одновременно она пыталась проанализировать общественно-политические факторы, способствовавшие переменам, на примере Свердловска. Эта работа уникальна с точки зрения того, что иностранные советологи крайне редко обращали внимание на перестройку в региональном разрезе. Также эта книга одной из первых подробно рассказывает о биографии

первого Президента России Б. Н. Ельцина, который играл большую роль в политическом контексте региона, а также о долгосрочных последствиях его решений на посту Первого секретаря Свердловского обкома КПСС, имевших заметное влияние на общественно-политический климат в области.

Результаты

Работу П. Бонет «Невозможная Россия. Борис Ельцин, провинциал в Кремле» можно квалифицировать с двух точек зрения. С одной стороны, безусловным преимуществом произведения является репрезентативная источниковая база и особенно широкий круг интервьюированных деятелей. П. Бонет, не будучи историком по специальности, использовала при написании принцип историзма и попыталась через призму перестроечной социокультурной эволюции объяснить общественно-политические события на примере ее феноменов в Свердловске. По существу, до сих пор данная работа является единственной в своем роде по степени полноты изучения широкой палитры неформального движения в Свердловске в годы перестройки. Таким образом, произведение П. Бонет можно характеризовать как удачную попытку подробного описания новых общественно-политических и неформальных явлений, которые не имели почву для возникновения в доперестроечный период: митингов, выборов, рок-клубов, городской дискуссионной трибуны и пр.

При всей однозначной полезности по изучению и публичному представлению темы общественно-политической жизни на Урале в годы перестройки и описания деятельности первых лет президентства Б. Н. Ельцина книга «Невозможная Россия...» не лишена изъянов, которые свойственны публицистическим работам эпохи 1990-х гг. Автор не скрывая дала понять читателю, что симпатизировала свердловским неформалам и тем силам, которые поддерживали идею радикального преобразования советского строя. Благодаря этому П. Бонет смогла выйти на благоприятный контакт с их представителями и стать обладателем уникальных первоисточников, а также провести их первичный анализ, на основе чего она смогла сделать первые историографические выводы об их деятельности. Однако при очень детальном и подробном раскрытии темы жизнедеятельности неформалов и свердловской городской дискуссионной трибуны на вполне репрезентативной источниковой базе делается вывод об их определяющей роли в общественно-политической жизни Свердловской области в 1989–1991 гг. Безусловно, что роль свердловской городской дискуссионной трибуны была значительной, но никак не определяющей в общественно-политической жизни Свердловской области. Став индикатором городских настроений, дискуссионная трибуна и ее подразделения за два года существования с 1987 по 1989 г. превратились в массовое общественно-политическое движение, однако реальная власть тем временем находилась в комитетах КПСС, а позже – в областном совете и облисполкоме, о которых автор пишет в значительно меньшей степени. Также на обочине внимания П. Бонет остались экономические факторы общественно-политических изменений, такие как дефицит товаров народного потребления.

Перед отъездом в Испанию в 2019 г. П. Бонет передала в дар собственную коллекцию документов в архив Президентского центра Б. Н. Ельцина,

на основе которой было сформирован фонд из 118 дел (в предисловии к описи указана неактуальная дата передачи от февраля 2023 г.). Данный фонд представляет большой интерес в целях изучения общественно-политической жизни в Свердловской области в 1980-х и 1990-х гг. Фонд состоит из разнообразных письменных исторических источников: рукописей, документации областного и городского комитета КПСС, стенограмм, аналитических записок, копий и вырезок газет и журналов. П. Бонет использовала разные источники комплектования для создания коллекции документов. Среди основных источников необходимо выделить Центр документации общественных организаций Свердловской области и коллекции документов уральских политических деятелей. Особое внимание привлекают документы неформальных общественных организаций и городской дискуссионной трибуны, которым П. Бонет уделяет большое внимание в своей книге «Невозможная Россия...». Данные документы представляют уникальные рукописные и печатные документы, предоставленные корреспондентке от участников политических событий.

Из коллекции документов П. Бонет был укомплектован фонд № 30, опись которой состоит из 118 архивных дел [8]. Большая часть документов представлена в виде копий, сделанных автором в Центре документации общественных организаций Свердловской области в 1992 г. при подготовке книги «Невозможная Россия. Борис Ельцин, провинциал в Кремле» (крайние даты документов: 1976–2002 гг.), имеется текст интервью Б. Н. Ельцина 1994 г., документы, собранные ею для корреспонденций в газету «Эль Паис», рукописи П. Бонет с заготовками для книги «Невозможная Россия...» (на русском и испанском языках). Опись состоит из двух разделов. Сотрудники архива Президентского центра Б. Н. Ельцина расположили дела по тематико-хронологическому принципу.

Первый раздел описи, именованный «Рукописи П. Бонет», содержит первичные тексты работы над книгой «Невозможная Россия...», которые интересны с точки зрения исследования взгляда и ценностных ориентиров самого автора на обозреваемые проблемы. Второй раздел описи, именованный «Документы, собранные П. Бонет для работы в газете “Эль Паис” и над книгой “Невозможная Россия. Борис Ельцин, провинциал в Кремле”», для исследования представляет наибольшую ценность, так как именно он является источниковой базой произведения. Сотрудниками архива Президентского центра Б. Н. Ельцина второй раздел был распределен на девять подпунктов:

1. Документы о работе П. Бонет в качестве исследователя в Центре документации общественных организаций Свердловской области.
2. Документы о Б. Н. Ельцине.
3. Документы органов партийной и государственной власти Свердловской области.
4. Документы Молодежного жилого комплекса № 1 «Комсомольский» Кировского района Свердловска.
5. Документы самодеятельных и неформальных групп и организаций, общественно-политических движений, объединений и партий в СССР.
6. Документы об общественно-политической и экономической жизни СССР и РФ.

7. Сообщения и сводки новостей информационных агентств.
8. Документы разных лиц.
9. Вырезки и копии вырезок из газет и журналов, фотокопии публикаций газет Свердловска.

Второй раздел описи коллекции документов П. Бонет имеет эксклюзивную ценность в целях изучения общественно-политической жизни Урала в годы перестройки, которые следует отнести к трем тематическим группам.

Первая выделяемая группа источников – рукописные и машинописные документы институтских и общественно-политических дискуссионных организаций (клубов). Так как в центре внимания П. Бонет находились биографии людей, которые занимались общественно-политической деятельностью в перестроечном Урале, ей удалось собрать ряд первоисточников по организации данных дискуссионных организаций: «Интеллигенция и общественный прогресс» Института и повышения Минцветмета СССР, «Открытая трибуна преподавателей» Уральского государственного университета, Свердловской городской дискуссионной трибуны [9, л. 1–8]. Рукописные и машинописные первоисточники впервые были архивированы, что предоставляет возможность исследователю изучить деятельность первых перестроечных низовых политически активных групп в Свердловской области. Особенно ценными являются стенограммы заседаний данных организаций, в которых содержится информация об общественно-политических настроениях разных спикеров на те или иные темы, а также реакция на их выступления со стороны слушателей.

Вторая группа источников также уникальна – документы уральских неформальных общественно-политических объединений эпохи перестройки. Они представлены в виде машинописных учредительных документов неформальных объединений [10, л. 59] (таких как «Отечество», «Митинг-87», «Уральский народный фронт» и пр.), самиздатовской прессы [9, л. 167] (журналы «Слово Урала», «Отечество»), информационных бюллетеней [11, л. 18]. В коллекции присутствуют документы, которые также отражают реакцию партийных органов и государственной власти на их деятельность.

Третий большой корпус источников из коллекции представляют копии документов из Центра документации общественных организаций Свердловской области, сделанные П. Бонет во время написания книги в 1992 г. (они были заверены сотрудниками архива) [12, л. 14]. Они в основном отражают деятельность Б. Н. Ельцина на посту Первого секретаря свердловского обкома КПСС (1976–1985 гг.). Помимо этого, П. Бонет сделала большой акцент на изучение общественных настроений, привлекая документы первичных партийных организаций, которые отражены в стенограммах заседаний парткомов трудовых коллективов Свердловска.

Обсуждение

Изучение уникальной по составу коллекции документов П. Бонет приводит к выводу, что она является неотъемлемой частью источниковой базы для исследования общественно-политической жизни Урала в годы перестройки. Документы свидетельствуют о возникновении первых не подконтрольных советскому государственному аппарату организованных политических

групп, которые имели очень большое влияние на изменение общественно-политической атмосферы Урала на рубеже 1980-х и 1990-х гг. Коллекция источников подлинна, что подтверждают данные из многочисленных воспоминаний и мемуаров [13–19], а их сведения возможно верифицировать благодаря репрезентативным документам из фондов екатеринбургских архивов (в первую очередь Государственного архива Свердловской области [20] и Центра документации общественных организаций Свердловской области [21]). Представляется правильным характеризовать работу П. Бонет «Невозможная Россия. Борис Ельцин, провинциал в Кремле» как хорошую историческую публицистику на основе уникальной, но нерепрезентативной источниковой базы. Можно отчасти согласиться с мнением о работе, которое дал крупнейший исследователь новейшей истории Урала, доктор исторических наук А. Д. Кириллов: «Некоторые клише, характерные для западных аналитиков... снижают научную значимость исследования» [22, с. 34]. Однако представляется при этом важным, что сами по себе выявленные клише являются хорошим индикатором развития западной русистики.

Список литературы

1. Cohen S. F. *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. New York : W. W. Norton & Company, 2001. 347 p.
2. McFaul M. A. *Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin*. New York : Cornell University Press, 2002. 400 p.
3. Брейтвейт Р., Мэтлок Д., Тэлботт С. Горби. Крах советской империи / пер. с англ. Т. Кудрявцевой, Н. Изосимовой, В. Исакович [и др.]. М. : Родина, 2021. 399 с.
4. Taubman W. *Gorbachev: His Life and Times*. New York : W. W. Norton & Company, 2017. 928 p.
5. Colton T. J. *Yeltsin: A life*. New York : Basic Books, 2008. 640 p.
6. Bonet Pilar. *La Rusia imposible: Borís Yeltsin, un provinciano en el Kremlin*. Madrid : ELPaisAguilar, 1994. 203 p.
7. Бонет П. Невозможная Россия. Борис Ельцин, провинциал в Кремле // Урал. 1994. № 4. 224 с.
8. Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина. Ф. 30.
9. Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина. Ф. 30. Оп. 1. Д. 48.
10. Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина. Ф. 30. Оп. 1. Д. 55.
11. Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина. Ф. 30. Оп. 1. Д. 59.
12. Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина. Ф. 30. Оп. 1. Д. 30.
13. Геннадий Бурбулис – в зеркале мнений, идей, событий : сб. ст. и выступлений / сост.: Б. М. Баланцев, О. Г. Свиридова. М. : Стратегия, 2005. 912 с.
14. Городская дискуссионная трибуна. 1987–1990 : сб. ст., док. и материалов. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 1997. 60 с.
15. Дышать свободой: Книга о Юрии Кириякове. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 318 с.
16. Кирияков Ю. С. Уральский университет в общественно-политических событиях конца восьмидесятых // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 3. С. 240–248.
17. Люхтерхандт-Михалева Г. Свердловская область: Политический процесс в Свердловской области // Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / под ред. Г. М. Люхтерхандт-Михалевой, С. И. Рыженкова, А. Кузьмина. М. ; СПб. : Летний сад, 2001. С. 160–184.
18. Олюнин В. Н. Записки «культуртрегера» 80-х годов прошлого столетия // Урал. 2007. № 4. С. 9–18.

19. Пихоя Р. Г. Историк в потоке времени. М., 2021. URL: lai-urgi.urfu.ru
20. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-2739. Оп. 1. Д. 120.
21. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 113. Д. 459.
22. Кириллов А. Д., Леднев В. П., Кириллов Б. А. Урал в новой России. Исследования. Гипотезы. Литература. Екатеринбург : Уральский рабочий, 1999. 160 с.

References

1. Cohen S.F. *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. New York: W.W. Norton & Company, 2001:347.
2. McFaul M.A. *Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin*. New York: Cornell University Press, 2002:400.
3. Breytveyt R., Metlok D., Telbott S. Gorb. *Krakh sovetskoy imperii = The Collapse of the Soviet Empire*. Translated from English by T. Kudryavtseva, N. Izosimova, V. Isakovich et al. Moscow: Rodina, 2021:399. (In Russ.)
4. Taubman W. *Gorbachev: His Life and Times*. New York: W.W. Norton & Company, 2017:928.
5. Colton T.J. *Yeltsin: A life*. New York: Basic Books, 2008:640.
6. Bonet Pilar. *La Rusia imposible: Boris Yeltsin, un provinciano en el Kremlin*. Madrid: ELPaisAguilar, 1994:203.
7. Bonet P. Impossible Russia. Boris Yeltsin, a provincial in the Kremlin. *Ural = Ural*. 1994;(4):224. (In Russ.)
8. *Arkhiv Prezidentskogo tsentra B.N. Yeltsina. F. 30 = Archive of the Presidential Center of B.N. Yeltsin. Fund 30*.
9. *Arkhiv Prezidentskogo tsentra B.N. Yeltsina. F. 30. Op. 1. D. 48 = Archive of the Presidential Center of B.N. Yeltsin. Fund 30. Item 1. File 48*. (In Russ.)
10. *Arkhiv Prezidentskogo tsentra B.N. Yeltsina. F. 30. Op. 1. D. 55 = Archive of the Presidential Center of B.N. Yeltsin. Fund 30. Item 1. File 55*. (In Russ.)
11. *Arkhiv Prezidentskogo tsentra B.N. Yeltsina. F. 30. Op. 1. D. 59 = Archive of the Presidential Center of B.N. Yeltsin. Fund 30. Item 1. File 59*. (In Russ.)
12. *Arkhiv Prezidentskogo tsentra B.N. Yeltsina. F. 30. Op. 1. D. 30 = Archive of the Presidential Center of B.N. Yeltsin. Fund 30. Item 1. File 30*. (In Russ.)
13. Balantsev B.M., Sviridova O.G. (comp.). *Gennadiy Burbulis – v zerkale mneniy, idey, sobyitiy: sb. st. i vystupleniy = Gennady Burbulis – in the mirror of opinions, ideas, events: collection of articles and speeches*. Moscow: Strategiya, 2005:912. (In Russ.)
14. *Gorodskaya diskussionnaya tribuna. 1987–1990: sb. st., dok. i materialov = City Discussion Tribune. 1987–1990: collected articles, documents and materials*. Yekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo universiteta, 1997:60. (In Russ.)
15. *Dyshat svobodoy: Kniga o Yurii Kiryakove = Breathe freedom: a book about Yuri Kiryakov*. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016:318. (In Russ.)
16. Kiryakov Yu.S. Ural University in the socio-political events of the late eighties. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Ural State University*. 2010;(3):240–248. (In Russ.)
17. Lyukhterkhandt-Mikhaleva G. Sverdlovsk region: Political process in Sverdlovsk region. *Politika i kultura v rossiyskoy provintsii. Novgorodskaya, Voronezhskaya, Saratovskaya, Sverdlovskaya oblasti = Politics and Culture in the Russian Provinces*. Novgorod, Voronezh, Saratov, Sverdlovsk Regions. Moscow; Saint Petersburg: Letniy sad, 2001:160–184. (In Russ.)
18. Olyunin V.N. Notes of a “cultural worker” of the 80s of the last century. *Ural = Ural*. 2007;(4):9–18. (In Russ.)
19. Pikhoya R.G. *Istoriik v potoke vremeni = Historian in the flow of time*. Moscow, 2021. (In Russ.). Available at: lai-urgi.urfu.ru

20. *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti. F. R-2739. Op. 1. D. 120 = State Archive of Sverdlovsk region. Fund R-2739. Item 1. File 120.* (In Russ.)
21. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti. F. 4. Op. 113. D. 459 = Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk Region. Fund 4. Item 113. File 459.* (In Russ.)
22. Kirillov A.D., Lednev V.P., Kirillov B.A. *Ural v novoy Rossii. Issledovaniya. Gipotezy. Literatura = The Urals in New Russia. Research. Hypotheses. Literature.* Yekaterinburg: Uralskiy rabochiy, 1999:160. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Арте́м Бори́сови́ч Ба́рдин

аспирант, Институт истории
и археологии Уральского отделения
Российской академии наук
(Россия, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16)

E-mail: bardin@ycenter.ru

Artyom B. Bardin

Postgraduate student, Institute
of History and Archeology of the
Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences (16 Sof'i Kovalevskoy street,
Ekaterinburg, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.10.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.10.2024

Принята к публикации / Accepted 10.11.2024

УДК 942.055;316,485.2;81.2
doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-10

Комиссии по расследованию огораживаний лендлордами пахотных земель крестьян в Англии XVI в.

В. П. Митрофанов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

vm@em-england.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В свете дискурса в современной историографии об абсолютизме данная проблема заслуживает специального изучения для лучшего понимания функционирования институтов королевской власти в тюдоровской Англии при проведении как внутренней политики в целом, так и аграрной политики в частности. Привлечение источников государственного происхождения данного периода позволит выявить степень нарушения законов об ограничении огораживаний и определить результативность королевских комиссий по восстановлению разрушенных лендлордами крестьянских хозяйств. *Материалы и методы.* При написании работы использовался сравнительно-исторический метод исследования, а также метод анализа и синтеза, был соблюден принцип историзма. Проанализированы разнообразные документальные, юридические и нарративные источники, позволяющие проследить деятельность комиссий по расследованию огораживаний и по восстановлению разрушенных крестьянских хозяйств, наказаниям джентри за незаконную конверсию пахотной земли крестьян в пастбища. *Результаты.* Установлено, что благодаря работе комиссий центральная власть была неплохо осведомлена о положении дел в аграрной сфере и, в частности, в отношении сокращения пахотных земель, численности крестьян и фермеров в ряде графств королевства. Однако данные комиссий были неполными из-за укрывательства нарушителей местными властями. Несмотря на предпринятые по результатам собранных комиссиями сведений репрессивных мер в отношении джентри-огораживателей, ни одна из них не смогла все же добиться проведения полной реконверсии пастбищ в пахотные земли и восстановления разрушенных крестьянских хозяйств. Позиция местных властей далеко не всегда способствовала успешным расследованиям королевских комиссий. *Выводы.* Организация комиссий и их работа в графствах были важным инструментом проведения в жизнь аграрного законодательства Тюдоров. Работа комиссий по выявлению незаконных огораживаний неизбежно вызвала недовольство джентри, так как вопреки действовавшему обычному (манориальному) праву комиссары вмешивались в их взаимоотношения с крестьянами. Это могло стать одной из причин падения кардинала Томаса Уолси и герцога Сомерсета в первой половине XVI в. Период правления Елизаветы Тюдор отмечен снижением активности расследования огораживаний посредством комиссий. Это можно объяснить некоторой стабилизацией процесса огораживаний до середины 1590-х гг. и все более распространявшимися огораживаниями по соглашениям между крестьянами и лордами маноров, что затрудняло работу комиссий по выявлению незаконных огораживаний. Однако парламентом продолжали приниматься новые законы в отношении ограничения огораживаний.

Ключевые слова: Англия, Тюдоры, королевские комиссии, огораживания, расследования, крестьяне, пахотная земля, графства

Для цитирования: Митрофанов В. П. Комиссии по расследованию огораживаний лендлордами пахотных земель крестьян в Англии XVI в. // Известия высших учебных

Commission to inquire into the enclosures of peasants' arable land by landlords in England in the 16th century

V.P. Mitrofanov

Penza State University, Penza, Russia

vm@em-england.ru

Abstract. *Background.* In the light of the discourse in modern historiography about absolutism, this problem deserves special study for a better understanding of the functioning of the institutions of royal power in Tudor England in the conduct of both domestic policy in general and agricultural policy in particular. Involving sources of state origin from this period will make it possible to identify the degree of violation of laws to limit enclosures and determine the effectiveness of royal commissions to restore peasant farms destroyed by landlords. *Materials and methods.* When writing the work, the comparative historical method of research was used, as well as the method of analysis and synthesis, the principle of historicism was observed. Various legal and narrative sources are analyzed, allowing us to trace the activities of the commissions to investigate enclosures and restore destroyed peasant farms, punish the gentry for the illegal conversion of arable land of peasants into pastures and eviction of themselves. *Results.* It was established that, thanks to the work of the commissions, the central government was well aware of the state of affairs in the agricultural sector and, in particular, with regard to the reduction of arable land, the number of peasants and farmers in a number of counties of the kingdom. However, the commissions' data were incomplete due to the concealment of violators by local authorities. Despite the repressive measures taken, according to the results of the information collected by the commissions, against the gentry enclosures, not one of them was able to achieve the complete reconversion of pastures into arable land and the restoration of destroyed peasant farms. The position of local authorities was not always conducive to successful investigations by royal commissions. *Conclusions.* The organization of commissions and their work in the counties was an important instrument in the implementation of Tudor agricultural legislation. The work of the commissions to identify illegal enclosures inevitably aroused dissatisfaction with the gentry, because contrary to the prevailing customary (manorial) law, the commissioners interfered in their relationships with the peasants. This could be one of the reasons for the fall of Cardinal Thomas Wolsey and the Duke of Somerset in the first half of the 16th century. The period of Elizabeth Tudor's reign was marked by a decline in the activity of investigating enclosures through commissions. This can be explained by some stabilization of the process of enclosures until the mid-1590s and increasingly widespread enclosures by agreement between peasants and lords of the manor, which made it difficult for commissions to identify illegal enclosures. However, parliament continued to pass new laws to limit enclosures.

Keywords: England, Tudors, royal commissions, enclosures, investigations, peasants, arable land, counties

For citation: Mitrofanov V.P. Commission to inquire into the enclosures of peasants' arable land by landlords in England in the 16th century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(4):117–127. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-10

Одной из важных административных мер в проведении аграрной политики английской монархии эпохи Тюдоров было создание королевских

комиссий для расследования огораживаний. Еще основатель школы аграрных исследований Р. Тоуни отметил, что наиболее значимые комиссии в эпоху Тюдоров действовали в 1517–1519, 1548, 1565–1566 гг. [1, р. 261]. Материалы, собранные некоторыми из этих комиссий, были включены в научный оборот и начали изучаться англоязычными авторами еще в конце XIX – начале XX в. [2–6]. В дальнейшем англоязычные и русскоязычные историки при изучении проблем аграрной истории Англии эпохи Тюдоров и Сьюартов, а также борьбы крестьян против огораживаний в той или иной мере использовали данные, собранные этими комиссиями [1; 3, р. 200–255; 5; 7, р. 148, 218–237; 8, с. 287–290; 9, р. 483–505; 10; 11, р. 152–215]. Однако сведения, полученные комиссией в 1565–1566 гг., не сохранились, и о результатах ее работы мало что известно.

В то же время, кроме Э. Гэя и У. Каббета [2, 12], англоязычные авторы специально не изучали деятельность комиссий по расследованию огораживаний. Российские историки касались этого вопроса лишь косвенно, в контексте своих исследований аграрной истории Англии XVI в. [8, 13, 14].

Поскольку в современной англоязычной историографии за редким исключением практически не исследуется аграрная история Англии данного периода, то и деятельность комиссий по расследованию огораживаний, судя по публикациям ведущих исторических журналов, не рассматривается (“Past and Present”, “History”, “English Economic History” и др.). Современные отечественные англоведы в своих студиях по аграрной и социальной истории Англии XVI в. не касаются деятельности данных комиссий.

В свете дискурса об абсолютизме в целом и английском в частности данная проблема заслуживает специального изучения для лучшего понимания функционирования институтов королевской власти одного из вариантов абсолютистского государства при проведении аграрной политики [15].

Как отмечено выше, первой из числа комиссий Тюдоров была комиссия, созданная Генрихом VIII, работавшая в 1517–1519 гг. Она обследовала порядка 35 графств из 40, собрав большой материал по нарушениям королевского законодательства об огораживании. Этот материал стал основанием для множества судебных расследований о конверсии пахотных земель крестьян и их эвикции. Подробный анализ этого материала с соответствующими выводами дал советский историк В. Ф. Семенов [14, с. 152–215]. Как известно, данная комиссия не положила конец незаконным огораживаниям лендлордами пахотных земель крестьян и их последующей эвикции. Поэтому правительства монархов династии Тюдоров продолжали практику создания комиссий для расследования нарушений аграрных статутов, которые продолжали приниматься парламентом [16, 17].

Так, в период правления малолетнего короля Эдуарда VI в июне 1548 г. лордом-протектором герцогом Сомерсетом была отправлена комиссия по расследованию огораживаний в Беркшир, Бакингемшир, Чешир, Эссекс, Лестершир, Ликольншир, Нортгемптоншир, Оксфордшир, Уорвикшир и Бедфордшир [18, р. 39]. В ее составе был член парламента Джон Хейлз – один из ярых противников огораживаний и самый активный из членов этой комиссии, благодаря которому сохранились собранные ею сведения по этим графствам. Сохранившиеся правительственные инструкции были написаны именно им для комиссаров.

Комиссия должна была получить на местах ответы на 16 вопросов, которые перечислялись в инструкции:

- 1) сколько было пахотных земель до их превращения в пастбища;
 - 2) какое количество «плугов» (т.е. полных пахотных наделов крестьян – *прим. В.М.*) ликвидировано по причине огораживаний;
 - 3) как много разрушено жилых домов, а их жителей изгнали с их мест обитания и сколько земли им ранее принадлежало;
 - 4) кем были проведены эти огораживания и как давно: сделаны ли они были в период с 1489 по 1548 г., какие ренты и прибыли получали с них;
 - 5) кто на момент расследования владеет этими землями и получает доходы от проведенных огораживаний в качестве наследника и кому эти земли сейчас принадлежат;
 - 6) как много парков было образовано с тех времен;
 - 7) как много пахотных земель обращено под эти парки;
 - 8) как много «плугов», домов и жителей были ликвидированы в результате обращения этих пахотных земель в парки;
 - 9) как много парков в этих графствах были расширены с тех времен; как много земель за тот же период стало пахотными;
 - 10) как много «плугов», домов и жителей были уничтожены из-за образования парков;
 - 11) имеет ли кто-либо свыше двух тысяч овец, кроме ягнят до года; а если же имеет, то содержит ли он их на своей земле или в своей ферме, или и там и там, или же скрывает их, или обманывает (об их численности – *прим. В.М.*), и как долго он их содержит;
 - 12) как много овец необходимо для потребления в собственном хозяйстве в течение года;
 - 13) скрывает ли кто-либо какие-либо земли в ферме или по копии из судебных свитков сохраняет за собой пастбища для овец на них для себя, или же какое-то другое лицо взяло в держание их общинные угодья, вследствие чего он не может откармливать и содержать свой скот и поддерживать свое земледелие, как ранее;
 - 14) имеет ли кто-либо более двух домов или земельных держаний, расположенных в одном приходе, деревне, деревушке или хуторе, и как давно он занимает их;
 - 15) имеют ли эти лица ферму на срок жизни или на определенный срок по выписке манориальной курии или иным образом с Рождества 1534 г. и где данное лицо проживает;
 - 16) выяснить судьбу бывших монастырских земель, которые подверглись диссолюции по акту парламента от 1535 г. на предмет того, сохраняются ли они под землепашеством, каков там размер домена и т.д. [18, р. 39–41]. Естественно, столь подробные сведения они могли получить на местах с привлечением к расследованиям представителей местных властей.
- Комиссарам также предписывалось иметь на руках копии расследования комиссии 1517–1518 гг. Очевидно это было необходимо для сопоставления сведений, полученных ими в ходе своего расследования, с ее данными, что позволило бы более точно определить масштабы огораживаний в этих десяти графствах за более чем полувековой период.

К этим вопросам в инструкции прилагались еще обширные пояснения. Прежде всего в них разъяснялось, что означает слово «огораживания» (inclosures). Под этим словом, говорилось в них, нельзя считать то, что «кто-либо огородил изгородами землю, собственником которой он же и является и на которой нет людей, имеющих общинные земли». Подобные огораживания назывались очень полезными для государства, так как способствовали увеличению леса. Видимо, имелись в виду парки для оленей, под которые зачастую и производились огораживания. «Огораживания, – говорилось далее, – это когда кто-либо отбирает и огораживает каким-либо образом общинные земли или сносит земледельческие хозяйства и превращает пахотные земли в пастбища». Комиссарам напоминалось: «Для обхода тех статутах [т.е. 1488–1489 гг. – прим. В.М.], как нам сообщили, некоторые огораживатели не разрушают их дома [т.е. дома крестьян – прим. В.М.], но поддерживают их, хотя бы в них никто не проживает или же если там кто-то и проживает, то лишь пастух или доярка, а некоторые лица, огородившие сверх одной сотни акров земли, или больше или поменьше, устраивают борозду и засевают ее», а остальные земли оставляют не засеянными, держат под пастбищем для своих овец. Комиссарам напоминалось и об иных возможных уловках огораживателей. Так, для того чтобы обойти законы, они, в частности, могут утверждать, что дома крестьян не снесены, или могут сдавать такие дома нищим, или чисто формально на огороженных пахотных землях засевают небольшой участок, или же «маскируют своих многочисленных овец под собственность своих детей, родственников и слуг» [18, р. 41–42].

Также приводились в инструкции и пространные моральные рассуждения и наставления в отношении нарушения аграрных статутах об огораживаниях, о долге комиссаров честно расследовать все нарушения и т.п. Напоминалось им о крупных фэйнах (плата крестьян-копигольдеров лендлордам за допуск к держанию земли – прим. В.М.) и «улучшенных рентах» (т.е. повышенных – прим. В.М.), что негативно влияет на рыночные цены и снижение благотворительности среди зажиточных джентльменов. Их призывали честно проводить расследование, не допуская лжесвидетельства, чтобы не пострадали невинные и т.п. При рассмотрении копий о прибылях, которые должны быть представлены лендлордами, от комиссаров требовалось не упускать тех, кто известен как нарушитель, тщательно все расследовать в отношении них. Также им напоминалось, что они не должны быть «инструментом злого умысла, мщения какому-либо человеку», который им неприятен [18, р. 42–43]. Комиссары, говорилось далее, сами не должны нарушать закон, действовать от имени Короля, и только они вправе ликвидировать проведенные огораживания, разъяснять королевские законы, действовать исключительно справедливо и т.п. В христианском духе следовало напоминание о том, что если «добрые люди, которые любят и чтят Бога и живут по слову Божьему, то Бог им посылает добрых и справедливых правителей. А где этого нет, то Бог посылает им безжалостных и суровых правителей, которые ищут лишь своей выгоды». «Поэтому, – говорилось далее, – добрые люди должны любить нас [т.е. своего монарха – прим. В.М.] и внимать слову Божьему; это выгодно всем христианам и особенно бедным людям. Оно, т.е. Слово Божье, запрещает богатым угнетать бедных и подчинять, и вредить». «[Слово Божье учит] нас любить друг друга как брат брата, оно учит правящих в отношении своих

нижестоящих членов, и в то же время повелевает всем людям подчиняться своим вышестоящим: это показывает, как Бог благоволит обоим и возлагает на них благодать и наказывает злодеев, как среди богатых, так и среди бедных в этом мире обрекая на проклятие» [18, р. 44]. Апелляция к христианским идеям человеколюбия и покорности подданных властям, очевидно, не была лишней в условиях массового религиозного сознания крестьян.

Кроме этих общих наставлений в духе идей христианства о послушании властям и монарху комиссарам предписывались и конкретные рекомендации, в том числе наряду с выявлением злостных огораживателей определить еще и фиксированную ренту для крестьян-коттеров (4 шиллинга 4 пенса за 1 акр земли) [19, р. 267–268]. Значит, они должны были не только бороться с нарушителями, но и создавать условия, чтобы в дальнейшем не было бы конверсии пахотных наделов крестьян с последующей их эвизкцией. Но это означало бы на практике вмешательство государства во взаимоотношения лордов маноров и их крестьян как земельных держателей. В целом же перед ними был поставлен ряд непростых задач, решить которые быстро вряд ли возможно. Ведь для этого необходимо в каждом случае не только опросить несколько свидетелей, но и разобраться в различного рода юридических и деловых документах (выписках из манориальных курий, договорах купли-продажи земли, договорах об аренде и т.п.).

Достоверно неизвестно, удалось ли комиссарам добиться главного – ликвидации всех незаконных огораживаний и восстановления снесенных лендлордами крестьянских хозяйств. Ясно одно – какая-то часть огораживателей все же подверглась судебным преследованиям. Так, в актах Тайного совета зафиксирован случай, когда в 1551 г. некий джентри Джон Броклейм был даже заключен в лондонскую тюрьму Флит за незаконный захват крестьянских хозяйств [20, р. 346]. Вполне вероятно, что это был не единичный случай. Кроме того, сохранившиеся представления жалоб перед комиссией о нарушителях по одному из церковных приходов (графство не указано) свидетельствует о привлечении к ответу корпорации колледжа Иисуса (находился в Кембридшире с 1496 г. – *прим. В.М.*) за захват общинных земель и предоставление их крестьянам за плату в 10 ф. ст. 10 пенсов за год. Также комиссия обнаружила, что джентри, в том числе и духовные (приор), сносили дома крестьян, захватывали общинные земли, отрезали себе и часть королевских дорог. Комиссия определила размеры рент, установленных огораживателями за пользования захваченных ими общинных угодий. Всего же там зафиксированы 14 лендлордов как нарушители, захватившие общинные угодья и крестьянские наделы до 40 акров. Новозеландский историк Дж. Мартин считал работу комиссии 1548–1549 гг. неудачной [7, р. 145], с чем вполне можно согласиться, так как было выявлено крайне мало нарушителей. Да и комиссия работало не очень-то долго, чтобы успеть обследовать все эти 10 графств.

Правление Елизаветы I Тюдор отмечено более активной политикой в аграрной сфере. Так, она занялась аграрными вопросами как раз с отправкой комиссии по расследованию огораживаний в 1566 г. Вероятно, королева хотела провести в ряде графств крупномасштабное обследование, подобное расследованиям комиссии 1517–1519 гг. Комиссарам предписывалось не только выявить нарушения действовавших аграрных законов в ряде графств, но и,

соответственно, провести реконверсию огороженных лендлордами пахотных земель, восстановить снесенные ими крестьянские хозяйства [21, р. 233]. Однако эту задачу комиссия пыталась решить лишь в двух графствах (Лестершире и Бакингемшире) [22, р. 564]. К тому же комиссия должна была как раз и провести в жизнь важный для крестьян елизаветинский закон 1563 г. по поддержке земледелия [23, р. 220–221]. Королева не сумела (или отказалась) по какой-то причине осуществить задуманное ее кабинетом, и комиссия прекратила свою работу, собрав лишь некоторый материал по указанным выше двум графствам. Зато Елизавета обратила внимание на положение крестьян северных графств, отправив туда комиссию фактически с аналогичными задачами [23, р. 564]. Но крестьяне этого региона встретили комиссаров недружелюбно. Очевидно, им не понравилась пролендлордовская позиция членов комиссии в земельных спорах. Вероятно, одним из уроков этой неудавшейся комиссии стало издание королевой прокламации против оскорбления информаторов об огораживаниях, которыми могли быть и крестьяне, недовольные огораживаниями. Прокламация запрещала оскорблять и тем более избивать информаторов под угрозой 3-месячного тюремного заключения или порки у позорного столба. Судьи должны были арестовывать нарушителей и отправлять для разбирательства в Суд Звездной палаты [24, р. 66].

Поскольку огораживания не прекращались, правительство Елизаветы организовало новую комиссию, но теперь уже по расследованию выращивания вайды, из-за активного культивирования которой сокращались пахотные земли, т.е. фактически то же самое, что и при конверсии лендлордами пахоты крестьян в пастбища. Ее возглавил влиятельный при дворе парламентарий Ф. Бекон, а членами комиссии были депутаты парламента, представители Звездной палаты и Тайного совета. Всего в ее составе оказался 21 человек. Это была комиссия достаточно высокого уровня. Она должна была обследовать 15 графств – от Вустершира и Дорсетшира на западе до Лестершира и Нортгемптоншира на северо-востоке. В источниках государственного происхождения нет достоверных сведений об эффективности работы этой комиссии в плане поддержки крестьянских хозяйств. По-видимому, комиссия подсказала королеве мысль о необходимости отмены патентов на право засеивать вайдой пахотные земли, что в конце концов и было сделано, но лишь в 1601 г. [11, р. 154]. После этого джентри могли сеять вайду, уже не опасаясь королевских запретов.

В отношении огораживаний лендлордами пахотных земель крестьян и их эвикции королева делала акцент на проведение аграрных законов посредством местных властей и разъездных судей, а также иные экономические и социальные меры (регулирование торговли зерном, борьбу с пауперизмом и т.п.) [25, с. 233–246]. К тому же вплоть до середины 1590-х гг. не было резко выраженного всплеска огораживаний и эвикции крестьян. Все больше распространялись внутриманориальные огораживания по соглашению между крестьянами и лордами маноров, которые формально не приводили к эвикции крестьян. Неслучайно в парламенте в 1593 г. даже приостановили действия некоторых статей антиогораживательного закона 1563 г. [26, с. 9–10]. Ситуация обострилась лишь во время неурожайных лет середины 1590-х гг., но тогда королева пошла по линии усиления ужесточения законодательства против огораживаний и эвикции крестьян, и парламентом в 1598 г. были приняты

два новых антиогораживательных статута [26]. Организовать крупномасштабное обследование огораживаний посредством создания комиссии королева так и не смогла вплоть до своей кончины в 1601 г.

Таким образом, Тюдоры за почти вековой период организовали три наиболее значимые комиссии по расследованию огораживаний. При отсутствии в арсенале английской монархии разветвленного чиновничье-бюрократического аппарата на местах они были одним из важных инструментов в плане претворения в жизнь законов об ограничении огораживаний, поддержке земледелия и крестьянских хозяйств.

Благодаря работе комиссий центральная власть как минимум была неплохо осведомлена о положении дел в аграрной сфере и, в частности, в отношении сокращения пахотных земель, численности крестьян и фермеров в ряде графств королевства. Наиболее полные сведения об огораживаниях и эвикции крестьян предоставила комиссия 1517–1519 гг., обследовавшая 35 графств. Собранные данные комиссией 1548 г. по 10 графствам были неполными из-за укрывательства нарушителей местными властями и лжесвидетельств огораживателей во время расследований. Комиссия 1566 г. явно не удалась по каким-то причинам. Однако, несмотря на предпринятые по результатам собранных комиссиями данных репрессивных мер в отношении джентри-огораживателей, ни одна из них не смогла все же добиться проведения полной реконверсии пастбищ в пахотные земли и восстановления разрушенных крестьянских хозяйств. Огораживания пахотных земель крестьян оказывались настолько выгодным делом, что перекрывали возможные страхи джентри наказания за них. Во второй половине XVI в. все более распространявшиеся внутриманориальные огораживания по соглашению затрудняли выявление нарушителей. Позиция местных властей далеко не всегда способствовала успешным расследованиям королевских комиссий.

Недовольство джентри-огораживателей работой комиссий по огораживанию было потому, что, вопреки действовавшему обычному (манориальному) праву, они неизбежно вмешивались в их взаимоотношения с крестьянами. Это вполне могло стать одной из причин падения кардинала Томаса Уолси и герцога Сомерсета в первой половине XVI в.

Список литературы

1. Tawney R. H. *Agrarian Problem in the 16-th Century*. London ; New York : Longmans, Green and C^o, 1913. 438 p.
2. Cabbett W. *Elizabethan Village Surveys* // *Transactions Royal Historical Society*. 1897. Vol. XI. P. 67–89.
3. Thirsk J. *Enclosing and Engrossing* // *The Agrarian History of England and Wales* : in 8 vols. Vol. IV. 1500–1640 / ed. by J. Thirsk ; gen. ed. H. P. R. Finbery. Cambridge : Cambridge University Press, 1967. P. 200–255.
4. Gonner E. C. R. *The Progress of Enclosures* // *English Historical Review*. 1908. Vol. XXIII, № 91. P. 477–501.
5. Kerridge E. *Agrarian Problems In The Sixteenth Century and After*. London : Allen and Unwin, 1969. 216 p.
6. Gonner E. C. K. *Common Land and Enclosures*. London : Macmillan, 1915. 461 p.
7. Martin J. *Feudalism to Capitalism: Peasants and Landlords in English Agrarian Development*. London : Basingstoke : Macmillan, 1983. 255 p.

8. Попов-Ленский И. Л. К вопросу об огораживании общинных полей в Англии в первой половине XVII в. // Ученые записки : в 4 т. / Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук ; Институт истории. М. : РАНИОН, 1929. Т. 3. С. 284–305.
9. Wordie J. R. The Chronology of English Enclosures // *Economic History Review*. 1983. Vol. 36, № 4. P. 483–505.
10. Overton M. *Agricultural Revolution in England: The Transformation of The Agrarian Economy, 1500–1850*. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. 257 p.
11. Young F. A. *The Proclamations Of The Tudor Queens*. Cambridge : Cambridge University Press, 1976. 277 p.
12. Gay E. Elizabeth Village Surveys // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1872. Vol. XVIII. P. 67–89.
13. Савин А. Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М. : И. Н. Кушнарев и Ко, 1903. 485 с.
14. Семенов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М. ; Ленинград : Из-во АН СССР, 1949. 372 с.
15. Ландина Л. В. Абсолютизм и абсолютная монархия в Российской историографии последней трети XIX – начала XXI в. Минск : БГУ, 2023. 815 с.
16. Mitrophanov V. P., Aleshina E. Y. English peasants and agrarian policy of the Tudor and the first Stuarts: outlines of enclosure legislation // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология*. 2017. № 8 (257), вып. 42. С. 65–70.
17. Митрофанов В. П. Аграрные вопросы в английском парламенте (вторая половина XVI – первая треть XVII в.) // *Британский парламент вчера и сегодня* / отв. ред.: М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина. М. : ИВИ РАН, 2016. С. 53–64.
18. *Tudor Economic Documents* : in 3 vols. / ed. by R. H. Tawney, E. Power. New York : H. M. Stat. off., 1924. Vol. I. 389 p.
19. Bland R., Brown A., Anthony P., Tawney R. *English Economic History. Selected Documents*. London : G. Bell and Sons, Ltd., 1915. 730 p.
20. *Acts of the Privy Council of England* : in 46 vols. / ed. by J. R. Dasent. London : Stat. off., 1891. Vol. 3. 573 p.
21. *Acts of the Privy Council of England* : in 32 vols. / ed. by J. R. Dasent. London : Stat. off., 1894. Vol. 8. 471 p.
22. *Calendar of State Papers. Domestic series, of the reign of Edward VI, Mary, Elizabeth* : in 8 vols. Vol. I (1547–1580) / ed. by M. A. E. Green. London : Longman, Brown, Green, Longmans and Roberts, 1856. 799 p.
23. *Calendar of State Papers. Domestic series, of the reign of Edward VI, Mary, Elizabeth* : in 8 vols. Vol. 7. Addenda (1547–1565) / ed. by M. A. E. Green [et al.]. London : Longman, Brown, Green, Longmans and Roberts, 1870. 712 p.
24. *Tudor Royal Proclamations* : in 2 vols. / ed. by P. L. Hughes, J. F. Larkin. New-Haven ; London : Yale University Press, 1964. Vol. I. 642 p.
25. Митрофанов В. П. Крестьяне и государство Англии, 1550–1640 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03. Пенза, 2001. 398 с.
26. Митрофанов В. П. Динамика аграрного законодательства в Тюдоровской Англии // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2020. № 1 (53). С. 3–13.

References

1. Tawney R.H. *Agrarian Problem in the 16-th Century*. London; New York: Longmans, Green and Co, 1913:438.
2. Cabbett W. Elizabethan Village Surveys. *Transactions Royal Historical Society*. 1897;XI:67–89.

3. Thirsk J. Enclosing and Engrossing. *The Agrarian History of England and Wales: in 8 vols. Vol. IV. 1500–1640*. Ed. by J. Thirsk; gen. ed. H.P.R. Finbery. Cambridge: Cambridge University Press, 1967:200–255.
4. Gonner E.C.R. The Progress of Enclosures. *English Historical Review*. 1908;XXIII(91):477–501.
5. Kerridge E. *Agrarian Problems In The Sixteenth Century and After*. London: Allen and Unwin, 1969:216.
6. Gonner E.C.K. *Common Land and Enclosures*. London: Macmillan, 1915:461.
7. Martin J. *Feudalism to Capitalism: Peasants and Landlords in English Agrarian Development*. London: Basingstoke: Macmillan, 1983:255.
8. Popov-Lenskiy I.L. On the issue of enclosing common fields in England in the first half of the 17th century. *Uchenyye zapiski: v 4 t. = Proceedings: in 4 volumes*. Moscow: RANION, 1929;3:284–305. (In Russ.)
9. Wordie J.R. The Chronology of English Enclosures. *Economic History Review*. 1983;36(4):483–505.
10. Overton M. *Agricultural Revolution in England: The Transformation of The Agrarian Economy, 1500–1850*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996:257.
11. Young F.A. *The Proclamations Of The Tudor Queens*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976:277.
12. Gay E. Elizabeth Village Surveys. *Transactions of the Royal Historical Society*. 1872;XVIII:67–89.
13. Savin A.N. *Angliyskaya derevnya v epokhu Tyudorov = English village in the Tudor Era*. Moscow: I.N. Kushnarev i Ko, 1903:485. (In Russ.)
14. Semenov V.F. *Ogorazhivaniya i krestyanskiye dvizheniya v Anglii XVI v. = Enclosures and peasant movements in 16th century in England*. Moscow; Leningrad: Iz-vo AN SSSR, 1949:372. (In Russ.)
15. Landina L.V. *Absolyutizm i absolyutnaya monarkhiya v Rossiyskoy istoriografii posledney treti XIX – nachala XXI v. = Absolutism and absolute monarchy in Russian historiography of the last third of the 19th – beginning of the 21st centuries*. Minsk: BGU, 2023:815. (In Russ.)
16. Mitrophanov V.P., Aleshina E.Y. English peasants and agrarian policy of the Tudor and the first Stuarts: outlines of enclosure legislation. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya = Scientific Bulletin of Belgorod State University. History. Political Science*. 2017;(8):65–70.
17. Mitrofanov V.P. Agrarian issues in the English Parliament (second half of the 16th – first third of the 17th century). *Britanskiy parlament vchera i segodnya = The British parliament yesterday and today*. Moscow: IVI RAN, 2016:53–64. (In Russ.)
18. Tawney R.H., Power E. (ed.). *Tudor Economic Documents: in 3 vols*. New York: H.M. Stat. off., 1924;I:389.
19. Bland R., Brown A., Anthony P., Tawney R. *English Economic History. Selected Documents*. London: G. Bell and Sons, Ltd., 1915:730.
20. Dasent J.R. (ed.). *Acts of the Privy Council of England: in 46 vols*. London: Stat. off., 1891;3:573.
21. Dasent J.R. (ed.). *Acts of the Privy Council of England: in 32 vols*. London: Stat. off., 1894;8:471.
22. Green M.A.E. (ed.). *Calendar of State Papers. Domestic series, of the reign of Edward VI, Mary, Elizabeth: in 8 vols. Vol. I (1547–1580)*. London: Longman, Brown, Green, Longmans and Roberts, 1856:799.
23. Green M.A.E. et al. (eds.). *Calendar of State Papers. Domestic series, of the reign of Edward VI, Mary, Elizabeth: in 8 vols. Vol. 7. Addenda (1547–1565)*. London: Longman, Brown, Green, Longmans and Roberts, 1870:712.
24. Hughes P.L., Larkin J.F. (eds.). *Tudor Royal Proclamations: in 2 vols*. New-Haven; London: Yale University Press, 1964;I:642.

25. Mitrofanov V.P. *Peasants and the State in England, 1550–1640: DSc dissertation*. Penza, 2001:398. (In Russ.)
26. Mitrofanov V.P. The dynamics of agrarian legislation in Tudor England. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2020;(1):3–13. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Петрович Митрофанов

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей
истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: vm@em-england.ru

Vladimir P. Mitrofanov

Doctor of historical sciences,
professor of the sub-department
of general history and social
sciences, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 03.06.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.09.2024

Принята к публикации / Accepted 08.10.2024

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

PAGES OF THE HISTORY OF PENZA REGION

УДК 908

doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-11

Предпринимательская деятельность винокуренных заводчиков Пензенской губернии в период казенной винной монополии начала XX в. в условиях прямого государственного регулирувания и контроля

М. В. Суменкова

Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия

Sumenkova77@bk.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Изменения государственной антиалкогольной политики в современной России обуславливают необходимость изучения исторического опыта государственного контроля и регламентации алкогольного производства периода модернизации. Цель работы – раскрыть и показать специфику дворянского предпринимательства в винокуренной отрасли в условиях прямой государственной регламентации. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Российского государственного архива экономики и Государственного архива Пензенской области. Особое место занимают массивы опубликованных Отчетов по казенной продаже питей по Пензенскому акцизному управлению. Методологический потенциал включает: сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сопоставить динамику социально-экономических изменений в винокуренной отрасли региона с механизмом прямого государственного регулирования данной отрасли, статистический метод, который позволяет оценить ключевые параметры эффективности отрасли. *Результаты.* Исследованы способы и механизмы прямого государственного регулирования винокуренной отрасли в условиях казенной винной монополии и их влияние на динамику предпринимательской активности винокуренных заводчиков. Показано влияние данной динамики на изменение социально-экономического развития Пензенской губернии, перемены быта, условий труда и отдыха крестьянского населения губернии. *Выводы.* Изучение предпринимательской активности винокуренных заводчиков позволяет уяснить возможность эффективного хозяйствования в условиях активного государственного вмешательства и регламентации производства, отказаться от стереотипов в оценке роли и места алкоголя в социально-экономическом развитии, определить новые направления в дальнейшем изучении научной проблемы.

Ключевые слова: государственная монополия, рынок, алкогольное производство, винокурение, экономическая деятельность, эффективность, контроль

© Суменкова М. В., 2024. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Суменкова М. В. Предпринимательская деятельность винокуренных заводчиков Пензенской губернии в период казенной винной монополии начала XX в. в условиях прямого государственного регулирования и контроля // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 128–136. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-11

Entrepreneurial activities of distillers of Penza province during the period of state wine monopoly of the early 20th century under conditions of direct state regulation and control

M.V. Sumenkova

Penza State Technological University, Penza, Russia

Sumenkova77@bk.ru

Abstract. *Background.* Changes in the state anti-alcohol policy in modern Russia necessitate studying the historical experience of state control and regulation of alcohol production during the modernization period. The purpose of the work is to reveal and show the specifics of noble entrepreneurship in the distilling industry under direct state regulation. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was achieved based on the use of documents extracted from the funds of the Russian State Archive of Economics and the State Archive of Penza region. A special place is occupied by arrays of published Reports on state sales of drinks by the Penza Excise Department. The methodological potential includes: a comparative-historical method, the use of which allows us to compare the dynamics of socio-economic changes in the distilling industry of the region with the mechanism of direct state regulation of this industry. The statistical method allows us to evaluate the key parameters of the industry's efficiency. *Results.* The methods and mechanisms of direct state regulation of the distilling industry under the conditions of state wine monopoly and their influence on the dynamics of entrepreneurial activity of distillers are studied. The influence of these dynamics on the change in the socio-economic development of Penza province is shown. Changes in the life, working conditions and rest of the peasant population of the province. *Conclusions.* The study of the entrepreneurial activity of distillers allows us to understand the possibility of effective management in the conditions of active government intervention and regulation of production, to abandon stereotypes in assessing the role and place of alcohol in socio-economic development, and to identify new directions in the further study of the scientific problem.

Keywords: state monopoly, market, alcohol production, distilling, economic activity, efficiency, control

For citation: Sumenkova M.V. Entrepreneurial activities of distillers of Penza province during the period of state wine monopoly of the early 20th century under conditions of direct state regulation and control. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(4):128–136. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-11

Любой исторический процесс должен быть рассмотрен в контексте функционирования всего общества в целом, следовательно, экономическое развитие промышленности отражает все многообразие социальных и политических отношений. Так, необходимо рассматривать развитие промышленности не как «самопроизвольное движение ее технической и экономической сторон, а как результат деятельности и поведения групп, занимающих разное

положение в промышленном производстве и стремящихся реализовать свои интересы как непосредственно, так и политическим путем, т.е. через государственный аппарат власти или деятельность общественно-политических организаций [1, с. 13]. Всякое историческое явление может быть понято лишь в контексте функционирования общества в целом. Очевидна зависимость экономического развития промышленности от социальных отношений между социальными группами [1, с. 15].

История казенной винной монополии затрагивает проблемы, по праву принадлежащие и социальной, и экономической истории нашей страны. Антагонизм проблемы состоит в том, что, стимулируя капитализацию аграрного сектора, власть сталкивалась с увеличением алкоголизации населения и всеми ее негативными последствиями. В 1894 г. фискальный интерес государства и общества в целом возобладал. Был одобрен проект С. Ю. Витте поэтапного введения на территории Российской империи с 1894 по 1902 г. винной монополии.

Цели реформы были грандиозны: пополнить бюджет государства, укрепить сельскую промышленность, капитализировать сельское хозяйство в целом, укрепив пошатнувшееся экономическое положение дворян, изменить культуру потребления спиртного населением, искоренить знаменитое русское пьянство, свести к минимуму девиантные отклонения аддиктивного характера.

Концепта исследования предусматривает анализ методов, средств и итогов достижения вышеуказанных целей.

Фискальная политика реализовывалась через унификацию системы производства и продажи водки. 6 июня 1894 г. было утверждено «Положение о казенной продаже питей» [2, с. 78]. К 1904 г. казенная винная монополия была введена на территории 75 губерний, за исключением Амурской, Приморской, Камчатской и Сахалинской областей, а также Закавказья и Средней Азии.

Весь произведенный частным хозяйственным способом спирт скупался казной, отправлялся на казенные ректификационные заводы (склады), где спирт подвергался дополнительной очистке, разбавлялся водой и разливался по бутылкам. Население имело право приобретать спиртное в опечатанной казной посуде в казенных и частных питейных заведениях. Численность служащих Акцизного ведомства, необходимых для реализации мероприятий, была доведена до 17 тыс. человек [3, с. 27]. Покрытие всех необходимых расходов (строительство и оборудование казенных складов и лавок, найм служащих, оплата расходных материалов) было возложено на потребителя, для чего государство регулярно увеличивало стоимость водки. В 1904 г. стоимость ведра столового вина (как официально именовалась сорокаградусная) составляла 6 руб. 88 коп., в 1908 г. – 7 руб. 28 коп., в 1910 г. – 7 руб. 64 коп. и т.д. [4, л. 48; 5, л. 44; 6, л. 85; 7, л. 39]. Валовой доход казны от питейных сборов вырос с 297 млн руб. в 1894 г. до 953 млн руб. в 1913 г. и составлял 25–32 % от всех доходов государства [8, с. 34].

Проблема капитализации сельского хозяйства – краеугольный камень всей экономической истории империи. Пензенская губерния – типичный пример. Во всероссийском разделении труда являлась аграрным районом зерновой специализации. Местная промышленность была тесно связана с переработкой

продуктов сельского хозяйства в связи со значительной удаленностью от водных путей сообщения. Винокуренная промышленность была крупнейшим потребителем. На заводах перерабатывалось до 40 % картофеля и более 10 % хлеба, выращиваемого в губернии [9, с. 41].

По новой системе частное лицо, изъявившее «курить вино», должно было ежегодно проходить освидетельствование завода чинами Акцизного управления, заплатить патентный взнос за право производить спирт, производить сырой спирт под контролем акцизных чиновников.

Винокуренное частное производство подвергалось тотальной регламентации. Для этих целей Пензенская губерния в 1901 г. была разделена на четыре акцизных округа. Численность государственных служащих за 14 лет увеличилась вдвое, что было напрямую связано с ростом числа винокуренных заводов и объемов их производства [10, с. 65]. Устав об акцизных сборах, действительно, вводил абсолютный контроль над деятельностью винокуренного завода: «Все должностные лица Акцизного управления имеют во всякое время право свободного входа в винокуренные заводы» и др. [2]. Данные обстоятельства не помешали капитализации винокуренного производства. Численность заводов в губернии, выпускавших спирт, увеличилась с 39 до 113, а объемы выкурки выросли с 3 млн до 6 млн ведер в год. Общая производительность винокуренного производства составляла около 58 % от общей производительности всех заводов Пензенской губернии [3, с. 97].

Ранее указывалось, что в регионе преимущественно перерабатывался в спирт именно картофель. Это связано с характеристикой тощего песчаного грунта. Впервые это было замечено графом Ф. А. Уваровым на Чернышевском винокуренном заводе: «Посадки картофеля улучшают механическое строение почвы, облегчает переход к многопольному чередованию, очищает почву от сорных трав» [11, л. 267]. У княжны Е. А. Салтыковой-Головкиной в с. Долгоруково применялась десятипольная система севооборота. А к 1912 г. большинство владельцев имений при винокуренных заводах прибегали к сдаче пахотных угодий в аренду крестьянам под посадку картофеля с обязательным условием сдачи всего полученного урожая заводчику. При этом четверть необходимого для винокурения картофеля заводчики приобретали на рынке, что переориентировало земледельческое население губернии на посадку картофеля, а также изменяло структуру сельского хозяйства и вширь, и вглубь. Наши выводы подтверждаются событиями 1905 г., когда в результате аграрных беспорядков многие имения подверглись разграблению и сожжению. В тех случаях, когда винокуренные заводы и имения покидались администрацией, крестьяне стихийно организовывали их охрану от огня, а также требовали возобновления винокурения, защищая тем самым в первую очередь собственные интересы [12, л. 251–256].

Государство также стимулировало исключительно сельскохозяйственное винокурение, такие производители пользовались дополнительными безакцизными отчислениями. Именно поддержка со стороны казны, а не урожайность сельскохозяйственных продуктов в регионе в первую очередь стимулировала этот вид переработки. Изменение размера пашенных угодий, приписанных к заводам, позволяет сделать вывод о том, что крупные земельные собственники активнее мелких латифундистов приближали сельскохозяйственный потенциал имений к капиталистическому

способу производства [3, 13]. Потребление сырого спирта казной было серьезно ограничено, так как основная его часть обращалась на питьевое потребление, что противоречило целям монополии, а Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей было завалено заявлениями частных лиц о разрешении строительства новых заводов. Учитывая противоречие капитализации сельского хозяйства и алкоголизации русского народа, Министерство финансов в 1902 г. приняло несколько решений все-таки в пользу винокуренных заводчиков, даже несмотря на то, что сельскохозяйственное винокурение обходилось казне дороже, чем промышленное производство спирта. С 1902 г. к цене разверстки стали прибавлять 6 % предпринимательской прибыли. А после грандиозного съезда винокуров России в 1903 г. Министерство финансов приняло решение об увеличении размера выкурки с 5 тыс. ведер до 25 тыс. ведер в год (одного завода), считавшихся теперь не промышленным, а сельскохозяйственным винокурением. Это позволило многим заводчикам освободиться от уплаты акциза.

Размер акциза и патентного сбора, назначаемый Министерством финансов, зависел от рода заведения, его местоположения, количества земельных угодий, приписанных к заводу. Если размер патентного сбора с одного сельскохозяйственного завода за весь монопольный период не менялся и составлял 60 руб. в год, то акцизные сборы значительно коррелировались. При этом существовала разница между начисленными и реально уплаченными размерами акцизных сборов, что напрямую свидетельствовало об углублении предпринимательства в этой сфере. Определение размера акциза и есть тот самый механизм тотального контроля казны за частным производством. При начислении акциза в начале винокурения Министерство финансов учитывало следующее: количество выхода сырого спирта по опечатанному акцизными чиновниками контрольному снаряду; совокупность квасильных чанов на заводе (6 ведер на каждую десятину пашенной земли), количество заторов (в сутки законом не ограничивалось) и продолжительность брожения (по закону не более трех суток) [14, с. 19]. Самые крупные заводы Пензенской губернии – Знаменский № 4 Графини М. А. Келлер, Львовский № 17 Потомственного почетного гражданина А. П. Пастушкова – действовали при двухсуточной системе брожения, что позволяло, не увеличивая емкости квасильных чанов, перекуривать больше припасов и увеличивать производительность объемов, не повышая размер акциза. Более мелкие, действительно сельскохозяйственные заводы использовали трехсуточную систему брожения, что позволяло им дольше протянуть период винокурения для использования отработанной барды на корм скоту. Барда не только использовалась заводчиком, но и продавалась окрестным крестьянским хозяйствам, что позволяло одним увеличить доходы (заводчикам), другим улучшить качество животноводства. При этом по закону 1890 г. «О мерах к поддержанию сельскохозяйственного винокурения» было установлено, что барда утраивает удои коров, а навоз от бардяного корма в четыре раза увеличивает урожайность почв.

Из 91 действовавшего в Пензенской губернии винокуренного завода в 1913 г. 75 воспользовались безакцизными отчислениями. Именно благодаря данным безакцизным премиям мелкие сельскохозяйственные винокуренные заводы могли осуществлять ценовую конкуренцию с крупными промышленными

винокурнями на спиртовом рынке, по этой же причине действительное поступление акциза в казну было значительно ниже начисляемой Министерством финансов суммы.

Для объективного установления разверсточной цены спирта (по которой казна закупала товар у заводчиков) Министерство финансов запрашивало ежегодно от местных Акцизных управлений огромное количество статистических материалов: урожайность припасов, рыночную стоимость ржи, солода, картофеля и др., стоимость рабочей силы, продажную цену ведра барды и др. На основе всех этих данных Хозяйственный комитет Акцизных управлений губернии составлял расчет примерной стоимости ведра спирта, он отправлялся в Главное управление по казенной продаже питей, где корректировался или принимался без изменения, затем данная цена утверждалась Министерством финансов для конкретной местности.

В 1913 г. при установлении разверсточных цен на спирт в Пензенской губернии возник конфликт между винокурными заводчиками и акцизными чиновниками. По расчетам заводчиков стоимость должна была составлять 1 руб. 3 коп. за ведро. Постановлением Хозяйственного комитета она была определена в 81,5 коп. за ведро [10, с. 73–77]. Несмотря на то что Акцизное управление Пензенской губернии заявило, что в результате удовлетворения требований заводчиков казна неоправданно теряет более 500 тыс. руб., под давлением заводчиков, которые командировали за свой счет на совещание в Главное управление в Санкт-Петербург своих делегатов, Министерство финансов установило в 1913 г. цену разверсточного спирта для Пензенской губернии 86,5 коп. за ведро.

Протекционистская политика государства способствовала не только обогащению дворянского сословия, но, что значительно актуальнее, промышленному перевороту в данной отрасли и концентрации производства. Контрольные аппараты немецкого производства Сименса и Гальке, обеспечивающие правильность исчисления акциза, государство устанавливало за свой счет. Весь монопольный период аппараты поступали из Германии, а при каждом Губернском акцизном управлении были созданы ремонтные мастерские, обслуживающие данные аппараты за счет государства. За период с 1901 по 1913 г. все старые винокурные заводы были перестроены, а новые всегда создавались каменными и двухэтажными. По нормам Акцизного устава паровое, квасильное, солодовенное, заторное отделения и отделение для хранения припасов должны были быть отделены каменными стенами в три кирпича. Только после этого заводчик получал патент на право винокурения. Значительно была увеличена мощность паровых двигателей, производимых на машиностроительных заводах «Мюллер и Фигельзенг», «Франц и Круль», «Вигандэ». Основные процессы квашения и брожения были механизированы (применялись картофелемойки, парники Генце, солододробилки, заторохолодильные машины, механические мешалки, эскалаторы для подачи сырья), что позволило сократить объем рабочей силы, задействованной в производстве.

Наряду с усовершенствованием техники, был заметен и социальный прогресс. Численность рабочих увеличилась в 1,3 раза. Сложился костяк квалифицированных рабочих: квасильщики, солодовщики, заторщики, генцевары и др. Растущая зарплата (с 10–15 руб. в месяц в 1901 г. до 20–25 руб. в месяц в 1913 г.) привлекала в отрасль выходцев из Германии, Царства Польского,

эстонцев, латышей, евреев. Все они оканчивали специальные курсы в Юрьеве и удерживались заводчиками предоставлением жилья и высокого жалования. Неквалифицированные рабочие нанимались ежегодно из числа местного крестьянского населения в осенне-зимний период (в связи со спецификой производства), что обеспечивало местное население дополнительным заработком. Труд подростков и женщин был в этой отрасли запрещен. Даже у квалифицированных рабочих данной отрасли уровень заработка был выше, чем в табако-махорочной и кирпичной отраслях, существовавших в Пензенской губернии.

В экономической теории существует огромное количество подходов определения эффективности государственного регулирования. Некоторые заключаются в том, что эффективность определяется степенью достижения поставленных целей. Другие определяют эффективность соотношением затрат на реализацию государственного регулирования и полученных от этого результатов.

Анализируя казенную винную монополию, с точки зрения первого подхода следует констатировать, что все задачи, касающиеся стимулирования винокурения, были выполнены в полном объеме. Стабильное увеличение числа сельскохозяйственных винокурных заводов (в 3 раза) и объемов их выкуров (в 6 раз) интенсифицировало сельское хозяйство, развивало торговое земледелие, расширяло животноводство и рынок рабочей силы. В самой отрасли произошел промышленный переворот. Вышесказанное привело и к социальным изменениям: усилилось дворянское предпринимательство, увеличилась занятость сельского населения, сформировался костяк квалифицированной рабочей силы, выросли доходы. Единственная цель реформы – снижение потребления алкоголя населением – увы, достигнута не была. Это было связано с нерешенной проблемой экспорта спирта. 89 % произведенной продукции потреблялось населением России. Данную ситуацию ярко иллюстрируют слова крупнейшего российского промышленника барона Д. Г. Гинзбурга: «От поставок водки для казенных винных лавок, от винокурения я получаю больше золота, чем от всех моих золотых приисков, поэтому казенную продажу питей надо любой ценой сохранить и оправдать в глазах пресловутого общественного мнения...» [15, с. 22].

При использовании второго подхода для определения эффективности государственного регулирования вышеуказанных противоречий не возникает. Подтверждается стопроцентная эффективность. К 1913 г. прибыль, приносимая частными и казенными предприятиями спиртовой отрасли, увеличилась в 2,9 раза. Затраты казны составляли 32 % от питейных доходов. В дальнейшем только увеличивалась приносимая прибыль. Доля питейных доходов в структуре косвенных налогов выросла с 43 до 66 %. По приблизительным подсчетам, в создание и работу всей спиртовой промышленности империи было вложено 200 млн руб. [16, л. 102]. Валовой доход от питейных сборов в 1894 г. составлял 297 млн руб., а в 1913 г. – 953 млн руб. [8].

Таким образом, на примере винокурной отрасли можно убедиться в том, что государственное регулирование экономики – неотъемлемая часть экономической системы любого государства. Правильно подобранный комплекс мер этого регулирования способен поддержать стабильность и рост экономики, обеспечить социальную справедливость и оправдать свое применение.

Список литературы

1. Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократии, семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. 566 с.
2. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая I составленный : в 15 т. Т. 5. Свод уставов об акцизных сборах 1901 г. СПб. : Государственная типография, 1911. 364 с.
3. Отчет по казенной продаже питей по Пензенскому акцизному управлению за 1913 г. Пенза : Губернская типография, 1913. 125 с.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 173. Оп. 1. Д. 15.
5. ГАПО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 38.
6. ГАПО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 471.
7. ГАПО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 40.
8. Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности Учреждений, заведующих неокладными сборами. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1913. 295 с.
9. Обзор Пензенской губернии за 1900 г.: Приложение к Всеподданнейшему Отчету Пензенского губернатора. Пенза : Губернская типография, 1901. 66 с.
10. Суменкова М. В. Производство спирта и водки в годы казенной винной монополии 1894–1917 гг. (на материалах Пензенской губернии). Пенза : Изд-во ПГУ, 2007. 162 с.
11. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7908.
12. ГАПО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 240.
13. Отчет по казенной продаже питей Пензенского акцизного управления за 1901 г. Пенза : Паров. тип.-лит. В. Н. Умнова, 1902. 85 с.
14. Отчет по казенной продаже питей Пензенского акцизного управления за 1912 г. Пенза : Губернская типография, 1912. 89 с.
15. Жириновский В. В. Алкоголизм как социальная беда русского народа. М. : ЛДПР, 1999. 88 с.
16. Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 2. Д. 134.

References

1. Mironov B.N. *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda Imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genезis lichnosti, demokratii, semi, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t. = Social history of Russia during the Empire period (the 18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democracy, family, civil society and the rule of law: in 2 volumes.* Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1999;2:566. (In Russ.)
2. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniyem Gosudarya Imperatora Nikolaya I sostavlennyy: v 15 t. T. 5. Svod ustavov ob aktsiznykh sborakh 1901 g. = The Code of Laws of the Russian Empire, by order of the Sovereign Emperor Nicholas I, compiled: in 15 volumes. Volume 5. Code of excise duties regulations 1901.* Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1911:364. (In Russ.)
3. *Otchet po kazennoy prodazhe pitey po Penzenskomu aktsiznomu upravleniyu za 1913 g. = Report on government sales of alcoholic beverages by the Penza Excise Department for 1913.* Penza: Gubernskaya tipografiya, 1913:125. (In Russ.)
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. 173. Op. 1. D. 15 = State Archive of Penza region. Fund 173. Item 1. File 15.* (In Russ.)
5. *GAPO. F. 173. Op. 1. D. 38 = State Archive of Penza region. Fund 173. Item 1. File 38.* (In Russ.)
6. *GAPO. F. 71. Op. 1. D. 471 = State Archive of Penza region. Fund 71. Item 1. File 471.* (In Russ.)

7. *GAPO. F. 164. Op. 1. D. 40 = State Archive of Penza region. Fund 164. Item 1. File 40.* (In Russ.)
8. *Kratkiy ocherk 50-letiya aktsiznoy sistemy vzimaniya naloga s krepkikh napitkov i 50-letiya deyatelnosti Uchrezhdeniy, zaveduyushchikh neokladnymi sborami = Brief outline of the 50th anniversary of the excise tax system for liquor and the 50th anniversary of the activities of the Institutions in charge of non-tax collection.* Saint Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma, 1913:295. (In Russ.)
9. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1900 g.: Prilozheniye k Vsepoddanneyshemu Otchetu Penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1900: Appendix to the Most Humble Report of the Penza Governor.* Penza: Gubernskaya tipografiya, 1901:66. (In Russ.)
10. *Sumenkova M.V. Proizvodstvo spirta i vodki v gody kazennoy vinnoy monopolii 1894–1917 gg. (na materialakh Penzenskoy gubernii) = Production of alcohol and vodka during the years of the state wine monopoly 1894–1917 (by the materials from Penza province).* Penza: Izd-vo PGU, 2007:162. (In Russ.)
11. *GAPO. F. 5. Op. 1. D. 7908 = State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 7908.* (In Russ.)
12. *GAPO. F. 71. Op. 1. D. 240 = State Archive of Penza region. Fund 71. Item 1. File 240.* (In Russ.)
13. *Otchet po kazennoy prodazhe pitey Penzenskogo aktsiznogo upravleniya za 1901 g. = Report on the state sale of drinks of the Penza excise department for 1901.* Penza: Pavrov. tip.-lit. V.N. Umnova, 1902:85. (In Russ.)
14. *Otchet po kazennoy prodazhe pitey Penzenskogo aktsiznogo upravleniya za 1912 g. = Report on the state sale of drinks of the Penza excise department for 1912.* Penza: Gubernskaya tipografiya, 1912:89. (In Russ.)
15. *Zhirinovskiy V.V. Alkogolizm kak sotsialnaya beda russkogo naroda = Alcoholism as a social problem of the Russian people.* Moscow: LDPR, 1999:88. (In Russ.)
16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki. F. 413. Op. 2. D. 134 = Russian State Archive of Economics. Fund 413. Item 2. File 134.* (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Мария Валерьевна Суменкова

кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры перевода
и переводоведения, Пензенский
государственный технологический
университет (Россия, г. Пенза,
пр-д Байдукова, 1А)

E-mail: Sumenkova77@bk.ru

Maria V. Sumenkova

Candidate of historical sciences,
associate professor, associate
professor of the sub-department
of translation and translation studies,
Penza State Technological University
(1A Baidukova passage, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 18.03.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.06.2024

Принята к публикации / Accepted 11.08.2024

УДК 338.40 (471.44)

doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-12

Стахановское движение в промышленности Пензенского края в предвоенный период 1938 – июнь 1941 г.

Т. Н. Кузьмина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

tatyanakuzmina19@list.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В настоящее время российское общество решает важные задачи экономического развития в сложных внутри- и внешнеполитических условиях. Это усиливает необходимость изучения исторического опыта деятельности государственных органов и общественных организаций по повышению эффективности производства. Материал рассмотрен в хронологических рамках предвоенных лет (1938 – июнь 1941 г.). В эти годы в стране проходил завершающий этап индустриализации, модернизация экономики. В связи с ухудшением международной обстановки в условиях начавшейся Второй мировой войны стояла задача ускорить введение в действие новых и реконструкцию действующих предприятий, освоить передовую технику, выпуск новых видов продукции. Немалую роль при решении этой задачи сыграла трудовая активность населения. Стахановское движение работников промышленности пока не нашло должного освещения в науке. Между тем очевидна актуальность исследования форм социалистического соревнования и методов руководства им. Цель работы – проанализировать развитие стахановского движения в промышленности Пензенского края, деятельность органов власти в этом направлении. *Материалы и методы.* Поставленные задачи были реализованы на основе использования документов Государственного архива Пензенской области. Особую ценность представляют решения партийных органов, отчеты хозяйственных организаций, данные статистики. В качестве методологической основы исследования использовались: хронологический метод, позволяющий осветить проблему в развитии; статистический метод, принципы историзма и научной объективности. *Результаты.* На региональном материале исследована деятельность местных партийных органов и хозяйственных организаций по развитию социалистического соревнования работников промышленности, материальному и моральному стимулированию передовиков производства. Рассмотрены основные формы и результаты стахановского движения. *Выводы.* Изучение стахановского движения в промышленности Пензенского края позволяет выявить позитивные тенденции и сложности в промышленном развитии региона, определить роль социалистического соревнования в повышении эффективности производства.

Ключевые слова: Пензенский край, промышленность, предприятие, рабочие, стахановское движение, стахановцы, социалистическое соревнование

Для цитирования: Кузьмина Т. Н. Стахановское движение в промышленности Пензенского края в предвоенный период 1938 – июнь 1941 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 137–146. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-12

The Stakhanov movement in the industry of Penza region in the pre-war period 1938 – June 1941

© Кузьмина Т. Н., 2024. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

T.N. Kuzmina

Penza State University, Penza, Russia

tatyanakuzmina19@list.ru

Abstract. *Background.* Currently, our country is solving important tasks of economic development in difficult domestic and foreign policy conditions. This reinforces the need to study the historical experience of government agencies and public organizations in improving production efficiency. The material is considered in the chronological framework of the pre-war years (1938 – June 1941). During these years, the country was undergoing the final stage of industrialization and modernization of the economy. Due to the deterioration of the international situation in the conditions of the outbreak of World War II, the task was to accelerate the commissioning of new and reconstruction of existing enterprises, master advanced technology, and produce new types of products. The labor activity of the population played a significant role in solving this problem. The Stakhanov movement of industrial workers has not yet found proper coverage in science. Meanwhile, the relevance of the study of forms of socialist competition and methods of its management is obvious. The purpose of the work is to analyze the development of the Stakhanov movement in the industry of Penza region, the activities of the authorities in this direction. *Materials and methods.* The tasks set were implemented based on the use of documents from the State Archive of Penza region. Decisions of party bodies, reports of business organizations, and statistical data are of particular value. The methodological basis of the research was used: the chronological method, which allows to highlight the problem in development; the statistical method, the principles of historicism and objectivity. *Results.* Based on regional material, the activities of local party bodies and economic organizations for the development of socialist competition of industrial workers, material and moral stimulation of the leaders of production are studied. The main forms and results of the Stakhanov movement are considered. *Conclusions.* The study of the Stakhanov movement in the industry of Penza region allows us to identify positive trends and difficulties in the industrial development of the region, to determine the role of socialist competition in increasing production efficiency.

Keywords: Penza region, industry, enterprise, workers, Stakhanov movement, Stakhanovites, socialist competition

For citation: Kuzmina T.N. The Stakhanov movement in the industry of Penza region in the pre-war period 1938 – June 1941. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(4):137–146. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-12

Развернувшаяся в стране в 1930-е гг. индустриализация поставила новые задачи в области промышленного производства. Предполагались перестройка организации производственного процесса, овладение передовой техникой, повышение эффективности труда, культурно-технического уровня трудящихся, увеличение объема выпускаемой продукции, ее качества.

На всех этапах социалистического строительства важным фактором роста производительности труда было соревнование. Во второй половине 1930-х гг. разворачивается стахановское движение, пропагандировавшее ударный труд, перевыполнение производственных норм в несколько раз. Особенно большую роль в развитии производства трудовое соперничество играло в предвоенный период (1938 – июнь 1941 г.). Оно охватило практически все промышленные предприятия, выпускавшие как гражданскую продукцию, так и продукцию оборонного значения. К последним в Пензенской области относились завод № 50 им. Фрунзе, № 163, бисквитная, суконные фабрики и др.

Одним из предприятий, где трудовое соперничество было особенно развито, являлся пензенский завод им. Фрунзе (№ 50). Здесь существовали стахановские участки и бригады, постоянно перевыполнялись производственные задания, периодически проводились конкурсы на лучший цех. Так, приказом по заводу от 21 ноября 1937 г. по итогам конкурса лучшим был назван 16-й цех. На основе развернувшегося соревнования и стахановского движения, повседневной борьбы за выполнение показателей коллектив инженерно-технических работников и рабочих данного цеха выполнил годовую программу 1937 г. на 110,5 %, в 2,7 раза снизил брак (с 5,6 до 2,1 %), в 2,1 раза уменьшилось число рабочих, не выполняющих нормы выработки (с 32,7 до 15,3 %). Количество стахановцев за год возросло с 37,1 до 61,4 % от общего количества рабочих.

Органы власти и заводская администрация стремились поддерживать и поощрять передовиков производства как в моральном, так и в материальном плане. Приказом по заводу от 31 декабря 1937 г. цеху было вручено переходящее Красное знамя и премия в сумме 10 тыс. руб. Были премированы начальник цеха Сытин, его заместители Евграшин и Быков, мастер Лопатов, слесарь Карпушов и др. [1, л. 113].

Стахановское движение развивалось во всех отраслях промышленности. Из отчета о работе парткома суконной фабрики «Красный Октябрь» мы видим, что на 1 октября 1937 г. соцсоревнованием было охвачено 363 человека, на 1 апреля 1938 г. – 743. Лучшими стахановцами предприятия были К. И. Никитин, В. Н. Рожков, выполнившие производственное задание на 120 %, В. П. Тишкин – на 144–250 % [2, л. 23, 29, 46].

На Кузнецком овчинно-шубном комбинате проводилось соревнование между бригадами (охвачено две бригады), цехами (четыре цеха), а также индивидуальное (участвовало 800 человек). За год было проведено семь стахановских слетов, 59 производственных совещаний [3, л. 1–5; 4, л. 132].

На 1 января 1939 г. из 3650 рабочих и инженерно-технических работников, занятых на предприятиях спиртовой промышленности, 702 были стахановцами и 276 ударниками; на 1 июля – соответственно 799 и 290 из 3445 работников. Лучшие стахановцы были представлены к награде «Отличник пищевой промышленности». Среди передовых предприятий отрасли необходимо отметить Чаадаевский спиртзавод, выполнивший на 102,5 % производственную программу полугодия уже к середине мая 1939 г. На заводе работало 243 человека, из них 88 стахановцев (на 1 января было 30 стахановцев и 8 ударников). Одним из лучших стахановцев предприятия являлся Е. М. Дубровин, первым организовавший стахановскую бригаду в 1935 г. Он был выдвинут на должность сменного мастера, передавал опыт своей работы, неоднократно получал премии. Машинист К. С. Ульянов, работавший на заводе с 1918 г., выполнил план 1938 г. на 112 %, первого полугодия 1939 г. – на 125,9 % [5, л. 436; 6, л. 3, 6, 28].

С образованием Пензенской области трудовое соперничество поднялось на новый уровень. Для предприятий области 1939 г. стал временем значительных трудовых успехов. Как видно из отчета Пензенского городского Совета депутатов трудящихся 15-го созыва, многие заводы в 1939 г. увеличили выпуск продукции. Так, в 1936 г. пензенские предприятия (без завода им. Фрунзе) произвели продукцию на 65 627 тыс. руб., в 1937 г. – 70 126 тыс. руб.

и в 1938 г. – 71 547 тыс. руб. В частности, продукция механического завода № 1, выпускавшего санитарно-дезинфекционное оборудование, в 1938 г. оценивалась в 249 % по отношению к 1934 г., фабрики «Маяк революции» – 204 %, бисквитной – 140 %, швейной № 1 – 126 %, хлебозавода и пекарни – 208 %. Завод им. Фрунзе превратился в крупное предприятие, освоив производство новых автоматов, часов, велосипедов, автосвечей и другой продукции. За успешное выполнение годового плана, образцовую организацию стахановского движения 55 лучших работников предприятия были награждены правительственными орденами и медалями. Среди них К. М. Ивакин, И. М. Козлов (медаль «За трудовую доблесть»), А. С. Грачева (орден Трудового Красного Знамени) и др. Механический завод «Красный пахарь» выполнил производственную программу 1938 г. на 117 %, прирост товарной продукции по сравнению с 1937 г. составил 54,3 %. План первого полугодия 1939 г. был реализован на 114,7 %. На заводе трудилось 158 стахановцев, из них 7 % двухстаночников, 34 % ударников [7, л. 5, 25–26, 32].

Большое внимание уделялось повышению технических знаний и квалификации работников. Как одна из эффективных форм обучения передовым методам труда и производственной помощи отстающим рабочим выступали стахановские школы, в которых передовики производства передавали коллегам свой опыт работы. Это давало возможность повысить квалификацию, производительность труда и заработок, снизить долю работников, не выполнявших плановых заданий. Так, в 11 цехе завода им. Фрунзе на 21 августа 1938 г. работало семь таких школ, с 27 августа начали действовать еще 13 (под руководством Пятачкова, Макеева, Тельянова и др.). Производительность труда их выпускников повысилась. Например, станочник Борисов до занятий в школе в среднем вырабатывал 35 деталей, после – 66, Дмитриев – соответственно 21 и 47, Глазунов – 58 и 60. 27 августа ряд работников завода были премированы за распространение опыта по организации стахановских школ и производственные достижения. Среди них руководитель стахановской школы цеха № 11 Макеев (150 руб.), прикрепленный к ней инженер Тельянов (100 руб.), станочник Ларионов (100 руб.). За проявленную инициативу по организации стахановских школ, обеспечение хода занятий премию в размере 175 руб. получил начальник бюро организации труда цеха Ближнев. Приказом от 2 сентября 1938 г. за отличную учебу, результатом которой стал рост производительности труда, перевыполнение норм выработки, повышение технической квалификации, группа передовиков также была удостоена наград. По 50 руб. получили станочница В. Минеева, сдавшая гос-техэкзамен на отлично и выполнившая норму выработки на 121 %, Зобков, повысивший производительность своего труда с 94 до 118 %, С. Матвеев и др. Всего поощрения получили 16 человек [8, л. 199, 218].

21 марта 1941 г. Главспирт направил управляющему Пензенским спиртотрестом письмо «О работе стахановских школ». Согласно приказу по тресту от 22 марта стахановские школы создавались на новых спиртзаводах для рабочих, не выполнявших нормы выработки или выпускавших бракованную продукцию [9, л. 31, 111].

7–8 июня 1940 г. руководство суконной фабрики «Красный Октябрь» провело конференцию стахановцев пензенских суконных фабрик по обмену опытом работы краткосрочных стахановских школ. В выступлении руково-

дителя технического образования предприятия «Красный Октябрь» отмечалась положительная роль выпускников таких школ в повышении производительности труда, снижении себестоимости продукции. Так, в прядильном цехе действовало пять стахановских школ, к которым было прикреплено два инженера. С рабочими отрабатывались передовые методы работы. Конференция приняла решение о максимальном развитии краткосрочных стахановских школ, об охвате ими всех отстающих, о привлечении технически грамотных рабочих, стахановцев для консультаций [10, л. 7, 12; 11, л. 50, 63–65]. Таким образом, краткосрочные стахановские школы сыграли положительную роль в быстром поднятии квалификации отстающих рабочих фабрики, освоении норм выработки и зарекомендовали себя как один из эффективных методов подготовки кадров.

Однако не на всех предприятиях уделялось должное внимание такой работе. Так, на суконной фабрике «Коллективное творчество» изобретательская и рационализаторская работа оценивалась как недостаточно активная. Здесь отсутствовал учет поступивших предложений, индивидуальное соревнование. Соревнование велось только между цехами. Из 566 работников на 1 июля 1936 г. было 127 стахановцев, на 15 октября – 115. В стахановских школах обучалось лишь 70 человек [12, л. 194].

Вопросы трудового соперничества были в центре внимания партийных и профсоюзных организаций. 29 июня 1938 г. партком фабрики «Маяк революции» рассмотрел доклад председателя фабрично-заводского комитета и партторгов о состоянии соревнования за качество выпускаемой продукции в цехах и бригадах. В принятом решении предлагалось заключать договоры между бригадами, сменами по выпуску качественной продукции, досрочному выполнению установленных технических планов, премировать лучших производственников [13, л. 41–42].

Обсуждая 27 сентября 1939 г. ход выполнения производственной программы на швейной фабрике, бюро Пензенского горкома ВКП(б) отметило положительные результаты индивидуального соревнования, которым было охвачено 724 человека. На 1 января 1939 г. на фабрике было 625 стахановцев, на 1 сентября – 602. Среди них Т. Р. Фетисов, выполнивший план на 150 %, П. К. Менькова – на 180 %. На руководящую работу были выдвинуты 48 лучших производственников. Бюро ставило задачу усилить учебу стахановцев и передачу опыта отстающим рабочим [14, л. 178].

3 февраля 1939 г. пленум Пензенского горкома ВКП(б) рассмотрел вопрос «О хозяйственной деятельности и состоянии партийно-массовой работы на заводе № 163». Отмечался рост стахановского движения к концу 1938 г.: если в первом квартале стахановцами на предприятии являлись 43,3 % рабочих, то в четвертом квартале – 53 %. Бюро горкома обязало директора завода Кириленко и завкома развернуть массово-воспитательную работу в цехах, обратив внимание на развитие соцсоревнования, рост стахановского движения, заключение индивидуальных, бригадных и цеховых социалистических обязательств. Парткому поручалось регулярно созывать совещания с партгруппами по вопросам состояния соревнования, работы стахановцев [15, л. 137–141].

Решение пленума Пензенского горкома ВКП(б) «О контроле партийных органов над деятельностью администрации завода им. Фрунзе»

предполагало систематически заслушивать на заседаниях заводского и цеховых парткомов доклады о работе предприятия, особенно о внедрении новых методов стахановского движения [16, л. 1].

Обострение международной обстановки усилило значимость развития оборонной промышленности. На промышленных объектах области стало расширяться производство военной продукции, усилилось внимание к улучшению технологического процесса, полному использованию оборудования, максимальной конвейеризации производства, механизации ручного труда, а также повышению технической грамотности персонала. В выступлении директора завода № 50 М. Г. Рошаля на XI Пензенской городской партконференции обращалось особое внимание на рост квалификации рабочих: «Если весь состав рабочих нашего завода овладеет техническими знаниями, ликвидирует техническую неграмотность, завод не будет иметь не выполняющих технические нормы... В настоящее время примерно 10 % рабочих их не выполняет».

На оборонных предприятиях Пензы технической учебе уделялось особое внимание. Например, на бисквитной фабрике на 1 января 1938 г. было 42 технических кружка, на тот же период 1939 г. – 72. Учебе подлежали соответственно 1656 и 1175 человек, фактически обучалось 651 (39,3 %) и 1045 (89,6 %) [17, л. 1; 18, л. 24, 28, 40–41].

На этом фоне видны трудовые достижения рабочих-стахановцев, инженерно-технических работников. Многие перевыполняли нормы. Так, рабочий механического завода № 1 Стрельцов в феврале – начале марта 1940 г. выполнил производственную программу на 500 %, работница бисквитной фабрики Александрова перекрывала норму в два раза и т.д. Бригадир пряничного отдела Миронова за свой труд была награждена грамотой Народного комиссариата пищевой промышленности РСФСР [19, л. 37–38].

К крупным предприятиям оборонного значения относился завод «Красный Гигант», на котором работало около 3 тыс. человек. Производственное задание 1939 г. было выполнено на 124 %. На 1 января 1940 г. 41,9 % рабочих являлись стахановцами [20, л. 121; 21, л. 4]. На предприятии № 163 этот показатель составил 40 %. Рабочий Рожков выполнял норму на 370 %, зарабатывая ежедневно 61 руб. [22, л. 42–44, 110]. На заводе им. Фрунзе число стахановцев к общему количеству рабочих в начале 1940 г. составляло 34,8 %, на 1 мая – 38,6 %, ударников – 15,1 и 16,8 %. Больших успехов добился коллектив работников механического завода № 1, выполнивший производственную программу 1939 г. на 113,1 % и давший сверхприбыль в сумме 128 тыс. руб. Был снижен выпуск бракованной продукции. Из 317 рабочих предприятия 125 были стахановцами и 42 – ударниками. За отличные показатели работы коллектив предприятия получил переходящее Красное знамя Главка, был премирован 71 человек. Всего на предприятиях Пензы (без завода им. Фрунзе) насчитывалось 2273 стахановца [18, л. 104, 110].

Стахановское движение развернулось в лесной промышленности края. На лесозаготовках выделялись как отдельные лесорубы-стахановцы, так и целые бригады, перевыполнявшие нормы выработки, за что поощрялись руководством. В ноябре 1938 г. приказом по тресту «Средлес» лесоруб Кузнецкого ЛПХ Е. Евстифеев получил премию в размере 200 руб., велосипед и четыре метра шелковой материи, шофер А. Бекешев был премирован костюмом;

стахановцы Славкинского лесокombината Миронов и А. Андреев были награждены патефоном с пластинками. Использовались и моральные методы поощрения (почетные грамоты, значки и т.п.) [23, с. 61].

Стахановское движение развивалось и на транспорте. Так, машинисты Тюрин и Тихонов провели поезд от Пензы до Москвы и обратно с 20-процентной экономией топлива, среднесуточный пробег составил 500 км при норме 280 [24, л. 82–83]. Образцово водили тяжеловесные поезда машинисты депо ст. Балашово Демин, депо Пенза-III Невзоров. За выполнение специальных заданий и улучшение работы железной дороги правительственными орденами и медалями было награждено 42 человека. Значки «Лучший железнодорожник» получили 282 работника пензенской дороги [25, л. 85–89].

Распространение социалистического соревнования в различных формах имело положительное значение для развития производства. В отчетном докладе Пензенского обкома ВКП(б) II областной партконференции содержатся сведения об итогах промышленного развития Пензенской области. В 1939 г. валовая продукция наркоматной промышленности выросла на 15,2 %, по предприятиям областного значения – на 6,3 %, районного – на 20,4 %. 60 предприятий области в 1939 г. досрочно выполнили план. Стекольный завод «Красный Гигант» выпустил продукцию на 9152 тыс. руб. вместо запланированных 7519 тыс. В 1939 г. введено в строй 60 новых предприятий, в том числе облместпромом – 27, облпромсоветом – 15, облпромсоюзом – 13, облкоопинсоюзом – 6. В связи с этим число рабочих увеличилось с 30 тыс. до 41 тыс. [2, л. 27, 46–48].

Повышалась эффективность производства. Из доклада о работе писчебумажной фабрики «Маяк революции» за период с 25 февраля 1940 г. по 7 апреля 1941 г. мы видим, что многие стахановцы добились высокой производительности труда. Декабрьский план был выполнен досрочно с превышением по выпуску тетрадей на 112,7 %. Значком «Отличник соцсоревнования НК бумажной промышленности СССР» были награждены рабочие Ф. И. Стульников, М. Н. Петрова, Е. Е. Серебрякова, М. А. Танекова. Стахановец Грязев реализовал квартальный план на 111,9 %, Макарова – на 170 %, Наумова – на 212,3 %. На 1 января 1941 г. на фабрике было 522 стахановца, на 1 апреля – 570. Производительность труда составила 103,6 %: по плану на рабочего полагалась выработка продукции на 3080 руб., фактически – 3192 руб. [26, л. 1, 4, 30].

Таким образом, стахановское движение сыграло важную роль в индустриальном развитии страны в целом и Пензенского края в частности. Улучшение качественных показателей работы промышленности осуществлялось по различным направлениям. Одной из форм повышения производительности труда являлось социалистическое соревнование. Оно охватило практически все трудовые коллективы. Многочисленные факты свидетельствуют о росте числа соревнующихся, перевыполнявших нормы. На пензенских предприятиях возникали стахановские бригады и участки. Повышению эффективности производства помимо профессиональных качеств рабочих способствовали также такие факторы, как оптимизация производственного процесса, организация рабочего места, поддержание надлежащего технического состояния станков и оборудования, сокращение простоев и т.д.

Большую роль в расширении трудового соперничества играли партийные, профсоюзные и комсомольские организации, которые настраивали

рабочих на высокопроизводительный труд. Но нельзя отрицать подъем рабочего движения и без административного влияния. Многие коллективы проявляли трудовой героизм без всякой агитации. Тем не менее стимулирование труда со стороны руководства предприятий, материальная и моральная поддержка играли положительную роль.

Однако, как свидетельствуют источники, не везде такая работа была поставлена на должный уровень. В ряде случаев руководство предприятий подходило к организации соревнования формально, что не давало реальных результатов. Стахановцам часто создавались лучшие условия труда, что вызывало отрицательное отношение к передовикам со стороны других рабочих. Отмечались факты неприятия, саботажа и даже вредительства со стороны некоторых работников, например порчи станков и инструментов стахановцев и т.п. Тем не менее развернувшееся стахановское движение сыграло положительную роль в развитии производства, повышении его эффективности.

Список литературы

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 1583.
2. ГАПО. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 162.
3. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 509.
4. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 153.
5. ГАПО. Ф. Р-1324. Оп. 1. Д. 506.
6. ГАПО. Ф. Р-1324. Оп. 1. Д. 517.
7. ГАПО. Ф. Р-453. Оп. 1а. Д. 43.
8. ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 1588.
9. ГАПО. Ф. Р-1324. Оп. 1. Д. 639.
10. ГАПО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 232.
11. ГАПО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 241.
12. ГАПО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 508.
13. ГАПО. Ф. П-670. Оп. 1. Д. 12.
14. ГАПО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 711.
15. ГАПО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 710.
16. ГАПО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 748.
17. ГАПО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 664.
18. ГАПО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 666.
19. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 161.
20. ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 147а.
21. ГАПО. Ф. Р-2377. Оп. 1. Д. 5.
22. ГАПО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 715.
23. Воейков Е. В. Стахановцы лесозаготовок Пензенского края в 1930-е гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1, № 2. С. 55–63.
24. ГАПО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 709.
25. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 169.
26. ГАПО. Ф. П-670. Оп. 1. Д. 20.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. R-324. Op. 1. D. 1583 = State Archive of Penza region. Fund R-324. Item 1. File 1583. (In Russ.)*
2. *GAPO. F. R-483. Op. 1. D. 162 = State Archive of Penza region. Fund R-483. Item 1. File 162. (In Russ.)*

3. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 509 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 509. (In Russ.)
4. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 153 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 153. (In Russ.)
5. GAPO. F. R-1324. Op. 1. D. 506 = State Archive of Penza region. Fund R-1324. Item 1. File 506. (In Russ.)
6. GAPO. F. R-1324. Op. 1. D. 517 = State Archive of Penza region. Fund R-1324. Item 1. File 517. (In Russ.)
7. GAPO. F. R-453. Op. 1a. D. 43 = State Archive of Penza region. Fund R-453. Item 1a. File 43. (In Russ.)
8. GAPO. F. R-324. Op. 1. D. 1588 = State Archive of Penza region. Fund R-324. Item 1. File 1588. (In Russ.)
9. GAPO. F. R-1324. Op. 1. D. 639 = State Archive of Penza region. Fund R-1324. Item 1. File 639. (In Russ.)
10. GAPO. F. P-483. Op. 1. D. 232 = State Archive of Penza region. Fund P-483. Item 1. File 232. (In Russ.)
11. GAPO. F. P-483. Op. 1. D. 241 = State Archive of Penza region. Fund P-483. Item 1. File 241. (In Russ.)
12. GAPO. F. P-37. Op. 1. D. 508 = State Archive of Penza region. Fund P-37. Item 1. File 508. (In Russ.)
13. GAPO. F. P-670. Op. 1. D. 12 = State Archive of Penza region. Fund P-670. Item 1. File 12. (In Russ.)
14. GAPO. F. P-37. Op. 1. D. 711 = State Archive of Penza region. Fund P-37. Item 1. File 711. (In Russ.)
15. GAPO. F. P-37. Op. 1. D. 710 = State Archive of Penza region. Fund P-37. Item 1. File 710. (In Russ.)
16. GAPO. F. P-37. Op. 1. D. 748 = State Archive of Penza region. Fund P-37. Item 1. File 748. (In Russ.)
17. GAPO. F. P-37. Op. 1. D. 664 = State Archive of Penza region. Fund P-37. Item 1. File 664. (In Russ.)
18. GAPO. F. P-37. Op. 1. D. 666 = State Archive of Penza region. Fund P-37. Item 1. File 666. (In Russ.)
19. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 161 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 161. (In Russ.)
20. GAPO. F. R-2038. Op. 1. D. 147a = State Archive of Penza region. Fund R-2038. Item 1. File 147a. (In Russ.)
21. GAPO. F. R-2377. Op. 1. D. 5 = State Archive of Penza region. Fund R-2377. Item 1. File 5. (In Russ.)
22. GAPO. F. P-37. Op. 1. D. 715 = State Archive of Penza region. Fund P-37. Item 1. File 715. (In Russ.)
23. Voyeykov E.V. Stakhanovites in the logging industry of the Penza region in the 1930s. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskiye nauki = Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical sciences.* 2019;1(2):55–63. (In Russ.)
24. GAPO. F. P-37. Op. 1. D. 709 = State Archive of Penza region. Fund P-37. Item 1. File 709. (In Russ.)
25. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 169 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 169. (In Russ.)
26. GAPO. F. P-670. Op. 1. D. 20 = State Archive of Penza region. Fund P-670. Item 1. File 20. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Татьяна Николаевна Кузьмина
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
и методики преподавания истории,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: tatyanakuzmina19@list.ru

Tatiana N. Kuzmina
Candidate of historical sciences,
associate professor of the sub-department
of the history of Russia and methods
of teaching history, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 19.06.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.09.2024

Принята к публикации / Accepted 24.10.2024

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полупетельный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Обращаем внимание авторов на то, что в соответствии с этическим кодексом журнала для обеспечения единообразия перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык (в сведениях об авторах и списке литературы) осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисовочными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц – прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно со-товые).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала «**Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки**» рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год. Научные направления (отрасли науки и группы специальностей):

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел. +7 (8412) 64-32-89; e-mail: volgavuz@pnzgu.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____
(подпись) (ФИО)

Дата «___» _____ 20__ г.